

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

XVIII ВСЕРОССИЙСКАЯ ПАРЫГИНСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

14 апреля 2023 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

XVIII Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция
с международным участием

14 апреля 2023 года

Санкт-Петербург
2023

ББК 88.5+65.275

П78

Научный редактор

М. В. Созинова, и. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП,
кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

А. А. Мельникова, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП,
доктор культурологии;

Т. И. Короткина, доцент кафедры социальной психологии СПбГУП,
кандидат психологических наук;

Т. Н. Протасова, заместитель заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП
по научной работе, кандидат социологических наук

Рецензенты:

Д. С. Горбатов, заведующий кафедрой прикладной социальной психологии
и конфликтологии Санкт-Петербургского государственного института психологии
и социальной работы, доктор психологических наук, доцент;

Г. Л. Бардиер, доцент кафедры психологии Санкт-Петербургской академии
постдипломного педагогического образования, доктор психологических наук

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Проблемы социальной психологии и социальной рабо-
П78 **ты : XVIII Всероссийская Парыгинская научно-практическая**
конференция с международным участием, 14 апреля 2023 г. —
Санкт-Петербург : СПбГУП, 2023. — 242 с. — ISBN 978-5-7621-
1237-6. — Текст : непосредственный.

Представлены материалы XVIII Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции с международным участием, состоявшейся в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 14 апреля 2023 года.

Авторы докладов продолжают развивать научные идеи Б. Д. Парыгина, связанные с методологическими и мировоззренческими исследованиями социально-психологического знания, а также с изучением насущных проблем современности. Анализируются как традиционные, так и новые методы психологии и социальной работы, их особенности в кризисных условиях, специфика подготовки современных специалистов с использованием цифровых технологий. Особое внимание уделяется социальным страхам и общественным настроениям, а также особенностям развития психологии и социальной работы в контексте мобилизации общества в современных социально-политических условиях.

Адресовано психологам, социологам, педагогам, специалистам социальной сферы, аспирантам, магистрантам, студентам, а также широкому кругу читателей.

ББК 88.5+65.275

ISBN 978-5-7621-1237-6

© СПбГУП, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

- Л. А. Пасешникова,**
*первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права,
кандидат юридических наук*
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Б. Д. ПАРЫГИНА
И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ 17
- М. В. Созинова,**
*и. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП,
кандидат педагогических наук, доцент*
АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ Б. Д. ПАРЫГИНА В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ
ПРОБЛЕМ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЕЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТОЙ 20
- Е. П. Тонконогая,**
*профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук,
Заслуженный деятель науки РФ*
ВСПОМИНАЯ Б. Д. ПАРЫГИНА — СТУДЕНТА И ПРОФЕССОРА 22
- А. А. Мельникова,**
профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии;
В. А. Куц,
*ведущий научный сотрудник АО «Концерн „Гранит-Электрон“» (Санкт-Петербург),
доктор культурологии*
НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ВОЗРАСТАНИЕ НАРЦИССИЗМА В АМЕРИКЕ 23
- Д. Б. Тугов,**
заместитель председателя Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга
РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
СЕМЬЯМ МОБИЛИЗОВАННЫХ ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 25
- С. Д. Гуриева,**
*заведующая кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского
государственного университета, доктор психологических наук, профессор*
ВЕДУЩИЕ КРАФТЕРЫ ПРОАКТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РАБОТЫ 27
- Н. Л. Захаров,**
*профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
доктор социологических наук;*
М. Б. Перфильева,
*профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
доктор социологических наук*
КОНКУРЕНЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 29
- Л. Г. Почебут,**
*профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского
государственного университета, доктор психологических наук;*

- В. А. Чикер**,
доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского
государственного университета, кандидат психологических наук;
- М. А. Недошивина**,
старший преподаватель кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского
государственного университета, кандидат психологических наук
- УСЛОВИЯ КОНСОЛИДАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА
ОРГАНИЗАЦИИ 31
- А. Д. Карнышев**,
заведующий лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных
исследований Института социальных наук Иркутского государственного
университета, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный учитель РФ;
- О. А. Карнышева**,
доцент кафедры психологии образования и развития личности
Педагогического института Иркутского государственного университета,
кандидат психологических наук
- КОНЦЕПЦИЯ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ Б. Д. ПАРЫГИНА
И ЕЕ СВЯЗЬ С СОВРЕМЕННЫМИ ВЗГЛЯДАМИ
НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ 33
- А. П. Марков**,
профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии, Заслуженный деятель науки РФ
- КОМПЕНСАТОРНАЯ ПРИРОДА ИСКУССТВА:
ПСИХОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ 36
- Е. В. Андриенко**,
заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного
педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР ВЛИЯНИЯ
НА ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ 38
- Л. С. Киселева**,
декан факультета дополнительного образования Санкт-Петербургского
государственного института психологии и социальной работы,
доктор социологических наук, доцент
- ИНСТРУМЕНТЫ ОНЛАЙН-СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 40
- О. И. Щербакowa**,
профессор кафедры психологии Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор психологических наук
- ЭКОТРЕВОЖНОСТЬ МОЛОДЕЖИ
КАК СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 42
- В. П. Шейнов**,
профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы
(Минск, Беларусь), доктор социологических наук
- ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 44
- Е. А. Ильинская**,
профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии;

В. В. Никишин, <i>аспирант кафедры социально-культурных технологий СПбГУП</i> КОММЕМОРАЦИЯ КАК ИГРА С ПРОШЛЫМ	46
Э. В. Барбашина, <i>заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, доктор философских наук, профессор</i> ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ	48
Л. В. Марищук, <i>профессор кафедры психологии и конфликтологии Минского филиала Российского государственного социального университета (Беларусь), доктор психологических наук;</i>	
Т. В. Шабалина, <i>исполнительный директор обособленного подразделения компании «Хоум эстэйт» (Полярные Зори, Мурманская обл.)</i> К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВАХ РАБОТНИКОВ АЭС	50

Секция 1

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

Т. А. Адмакина, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i> ТРЕВОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО У МАТЕРЕЙ В СИТУАЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ ОТ ВОСПИТАНИЯ РЕБЕНКА ПОСЛЕ РАЗВОДА	52
И. Г. Андреева, <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор биологических наук</i> АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ СТУДЕНТАМ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПСИХОЛОГИЯ»	54
Д. С. Безносков, <i>доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат психологических наук</i> РОЛЬ МОРАЛИ И НРАВСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	56
О. А. Белова, <i>спортивный психолог специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва по футболу Гродненского футбольного клуба «Неман» (Беларусь)</i> ЗНАЧЕНИЕ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ В ГОТОВНОСТИ ФУТБОЛИСТОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА К СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.	58
Е. А. Бережная, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат искусствоведения;</i>	
М. П. Логинова, <i>магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГЕНДЕРНОЙ ДИСФОРМИИ У ДЕТЕЙ	60

- Е. А. Бережная,**
доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат искусствоведения;
- Т. В. Романов,**
магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ 62
- М. А. Блохина,**
магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;
- В. Н. Мунгалов,**
доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук
РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ
ИСПОЛНЕННОСТИ СТУДЕНТОВ 64
- В. В. Блюм,**
доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук
ПСИХОЛОГ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 67
- М. С. Бриль,**
и. о. заведующего кафедрой психологии кризисных и экстремальных ситуаций
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат психологических наук
ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ХОДЕ РЕФЛЕКСИВНО-ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА 69
- А. Ю. Вакульчик,**
специалист кафедры общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета (Минск)
УЯЗВИМОСТЬ К ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ НА ЭТАПЕ ЮНОШЕСТВА 72
- А. Ю. Векшина,**
магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП;
- В. Н. Мунгалов,**
доцент кафедры социальной психологии СПбГУП,
кандидат психологических наук
ОПЫТ ПОДБОРА ПАКЕТА МЕТОДИК
ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ 74
- Н. С. Ганатовская,**
педагог-психолог средней общеобразовательной школы № 365
им. М. П. Краснолицкого Фрунзенского района Санкт-Петербурга
СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА В СИСТЕМЕ
СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ 76
- П. Н. Дмитриева,**
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)
АКТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 78
- В. А. Капустина,**
заведующая кафедрой психологии и педагогики Новосибирского
государственного технического университета, кандидат психологических наук;
- М. А. Матюшина,**
старший преподаватель кафедры психологии и педагогики
Новосибирского государственного технического университета
ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫХ
СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-ПСИХОЛОГА 80

В. В. Касперович, <i>соискатель лаборатории воспитания личности Национального института образования (Минск, Беларусь)</i> ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ	83
Г. С. Кожухарь, <i>доцент кафедры теоретических основ социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук;</i> К. И. Фрольцова, <i>магистрант II курса кафедры социальной психологии развития Московского государственного психолого-педагогического университета</i> К ПРОБЛЕМЕ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	85
А. Ю. Колхонен, <i>аспирант кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета;</i> И. А. Мироненко, <i>профессор кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук</i> ДИАЛЕКТИКА ДОБРА И ЗЛА КАК РЕСУРС ДЛЯ ПРОДУКТИВНОСТИ ЖИЗНИ В НАШЕ ВРЕМЯ	87
У. В. Кольцова, <i>магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;</i> Т. И. Короткина, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i> ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ДОВЕРИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ СУПРУГОВ БРАКОМ	89
Е. Д. Короткина, <i>заведующая кафедрой психологии Тверского государственного университета, кандидат психологических наук</i> ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	91
Е. Б. Костюк, <i>доцент кафедры искусствovedения СПбГУП, кандидат педагогических наук</i> К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДУХОВНОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА	94
Л. В. Маришук, <i>профессор кафедры психологии и конфликтологии Минского филиала Российского государственного социального университета (Беларусь), доктор психологических наук;</i> О. В. Воровко, <i>психолог Унитарного предприятия «Универмаг Беларусь» (Минск)</i> САМОВЫРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РАБОТНИКОВ НЕТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ	97

К. Н. Маркина, <i>доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии</i>	
КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕЙКОВ	100
Н. В. Миргород, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук;</i>	
И. Ю. Филиппов, <i>студент VI курса факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета</i>	
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В ИНТЕРНЕТЕ.	102
Н. Б. Морозова, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЛИЕНТОВ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ.	104
В. Н. Мунгалов, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i>	
КУЛЬТУРОГЕНЕЗ И МЕНТАЛЬНОСТЬ	106
А. В. Никифорова, <i>преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУП</i>	
СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ У ЖЕНЩИН, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СЕБЯ КАК ЧАЙЛДФРИ, И ЖЕНЩИН, ПРИНЯВШИХ РЕШЕНИЕ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ.	108
А. О. Новикова, <i>магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;</i>	
А. А. Мельникова, <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии</i>	
МАНИПУЛЯЦИИ В ОБЩЕНИИ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ СУПРУГАМИ	111
И. А. Нуттунен, <i>магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП;</i>	
А. А. Мельникова, <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии</i>	
ОТЦОВСТВО КАК ФЕНОМЕН: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА.	113
Л. О. Пелепчук, <i>аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета</i>	
ОБЩИЙ УРОВЕНЬ И ЧАСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ.	115
Д. А. Перевезенцева, <i>ведущий методист Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского (Санкт-Петербург)</i>	
ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ	118

К. Петрова, <i>преподаватель кафедры психологии Великотырновского университета Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), доктор психологических наук, профессор;</i>	
В. Чавдарова, <i>преподаватель кафедры психологии Великотырновского университета Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), доктор психологических наук, профессор</i>	
ПОДГОТОВКА РУКОВОДИТЕЛЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА.....	120
О. А. Прокофьева, <i>практикующий психолог (Санкт-Петербург)</i>	
ОБРАЗ «Я» И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ.....	122
А. Д. Пузырева, <i>магистрант III курса кафедры социальной психологии СПбГУП;</i>	
Т. А. Адмакина, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОСОЗНАННОЙ БЕЗДЕТНОСТИ.....	123
Е. А. Сазонова, <i>магистрант III курса кафедры социальной психологии СПбГУП;</i>	
Т. А. Адмакина, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i>	
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ У ЖЕНЩИН С ОПЫТОМ ПАРТНЕРСКИХ РОДОВ.....	125
Л. О. Сарсенбаева, <i>профессор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат психологических наук</i>	
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ВУЗА.....	127
Т. Л. Смолина, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i>	
САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	130
А. В. Соловьева, <i>доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат психологических наук</i>	
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТАКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	131
Д. А. Титова, <i>психолог Центра социальной помощи семье и детям Московского района (Санкт-Петербург)</i>	
КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЯ Z В ОБЫДЕННЫХ СИТУАЦИЯХ.....	134
Ф. Р. Файзулина, <i>доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат биологических наук</i>	
ПРОБЛЕМА НАРУШЕНИЯ ОБЩЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ.....	136

- С. С. Федосина,**
специалист по учебно-методической работе Центра психологического образования
Регионального института непрерывного образования Пермского государственного
национально-исследовательского университета
ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМОЦИЙ
У СТУДЕНТОВ НЕПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 138
- Е. И. Цюхай,**
старший преподаватель кафедры общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета (Минск);
А. В. Алешкевич,
студентка II курса факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета (Минск)
ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА СТУДЕНТАМИ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА 141
- Т. В. Черноусова,**
старший преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУП
СТРУКТУРА СТРАТЕГИЙ ПРОЖИВАНИЯ
СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ 143
- Т. В. Черняева,**
педагог-психолог Социально-реабилитационного центра
для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург)
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 145
- В. П. Шейнов,**
профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы
(Минск, Беларусь), доктор социологических наук;
В. А. Карпиевич,
доцент кафедры философии и права Белорусского государственного
технологического университета (Минск), кандидат исторических наук
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СМАРТФОНА С ИЗБЕГАНИЕМ НЕУДАЧ,
ЭКСТЕРНАЛЬНОСТЬЮ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ПОЛОМ 148
- Д. А. Шилова,**
магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;
А. А. Мельникова,
профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ
В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ИМИ МАТЕРИНСКОЙ РОЛИ 150
- А. И. Шужебаева,**
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат педагогических наук
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РЕШЕНИИ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ШКОЛЬНИКОВ 152
- А. П. Якунин,**
администратор Центра делового сотрудничества «Потенциал»
(Санкт-Петербург), кандидат психологических наук
ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ:
К ОБОСНОВАНИЮ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 154

Секция 2
РЕСУРС КОНЦЕПЦИЙ И ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

- О. В. Акимова**,
ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии
Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского
ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВОГО РЕАБИЛИТАЦИОННОГО СЕРВИСА
ДЛЯ РОДСТВЕННИКОВ ПАЦИЕНТОВ С ИНСУЛЬТОМ 156
- Е. И. Алексеева**,
ведущий специалист сектора организации государственной социальной помощи
Отдела социальной защиты населения администрации Московского района
(Санкт-Петербург)
ИНТЕРНЕТ-САЙТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИМИДЖА УЧРЕЖДЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ 158
- В. А. Алмазова**,
заведующая социально-досуговым отделением № 2 Комплексного центра
социального обслуживания населения Московского района (Санкт-Петербург);
- И. Е. Буйлова**,
культурорганизатор Комплексного центра социального обслуживания населения
Московского района (Санкт-Петербург)
ПРАКТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ
ПОТЕНЦИАЛА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ 160
- Д. В. Бебякин**,
аспирант кафедры социальной философии и политологии
Новосибирского государственного университета
НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ 162
- С. М. Безух**,
профессор кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии
и социальной работы, доктор медицинских наук
КОМПЕТЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА
ПРИ СОПРОВОЖДЕНИИ ПОЖИЛЫХ СО СТАРЧЕСКОЙ АСТЕНИЕЙ 164
- Э. Н. Бердникова**,
заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
кандидат культурологии, доцент
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ
НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ 167
- В. Н. Воробьева**,
специалист по реабилитации Центра медико-социальной реабилитации
инвалидов по зрению (Санкт-Петербург)
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОПРОВОЖДЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ
С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ ... 168
- Н. Е. Гаврилова**,
заместитель директора по реабилитационной и профилактической работе
Центра социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист»
(Санкт-Петербург)
НАСТАВНИЧЕСТВО КАК МЕТОД АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В УЧРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ 170

- О. В. Дутова,**
директор Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних
«Прометей» (Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук;
- С. П. Маркеев,**
магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП
ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ
КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОКАЗАВШИХСЯ
В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ. 173
- Т. В. Ефимова,**
доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
кандидат культурологии;
- В. А. Шуктомова,**
магистрант I курса кафедры конфликтологии СПбГУП
«ГИБКИЕ НАВЫКИ» КАК ИНСТРУМЕНТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 175
- С. Е. Зарубина,**
заместитель директора Социально-реабилитационного центра
для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург);
- Д. В. Шультайс,**
логопед Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних
«Прометей» (Санкт-Петербург)
РАЗВИТИЕ ДВИГАТЕЛЬНЫХ И КОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ
У ДОШКОЛЬНИКОВ, ИМЕЮЩИХ РЕЧЕВЫЕ НАРУШЕНИЯ,
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА 177
- И. М. Зинченко,**
руководитель направления программ альтернативной опеки
Российского комитета «Детские деревни — SOS» (Санкт-Петербург)
СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД 179
- С. М. Зябкина,**
аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного
областного педагогического университета, клинический психолог
Московского областного клинического наркологического диспансера (Пушкино)
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ У МУЖЧИН 181
- Л. А. Истомина,**
аспирант кафедры специальной психологии и реабилитологии факультета
клинической и специальной психологии Московского государственного
психолого-педагогического университета
ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СПЕЦИАЛИСТОВ КОМПЛЕКСНОЙ ПОМОЩИ В РАБОТЕ
С ПОДРОСТКАМИ В УСЛОВИЯХ ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ 183
- В. Д. Калашникова,**
медицинский психолог отделения медицинской реабилитации № 2
Городской наркологической больницы (Санкт-Петербург)
СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ У ЛЮДЕЙ
С АЛКОГОЛЬНОЙ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ 185

И. Ю. Кербис, <i>заместитель заведующего детским садом № 198 ОАО «РЖД» (Красноярск);</i>	
Т. О. Лященко, <i>социальный педагог детского сада № 198 ОАО «РЖД» (Красноярск);</i>	
Ю. О. Ворона, <i>магистрант III курса кафедры педагогики и психологии детства Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева</i>	
РАЗВИТИЕ ЛИДЕРСТВА У СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	186
Д. М. Лаврова, <i>магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП;</i>	
В. А. Яковлев, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i>	
АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ COVID-19 НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ВРАЧЕЙ	188
М. В. Лapidус, <i>заведующая отделением социальной диагностики и разработки индивидуальных программ социальной реабилитации несовершеннолетних Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург);</i>	
М. В. Кондуров, <i>магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП</i>	
КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С НАРУШЕНИЯМИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ВОСПИТАННИКОВ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА	190
С. С. Лебедева, <i>профессор кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор педагогических наук, старший научный сотрудник</i>	
РОЛЬ СЕМЬИ ОЛЬДЕНБУРГСКИХ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	192
О. Г. Липницкая, <i>руководитель направления профилактики социального сиротства и укрепления семьи Российского комитета «Детские деревни — SOS» (Санкт-Петербург);</i>	
СЕМЕЙНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С КРИЗИСНЫМИ СЕМЬЯМИ.	194
О. Г. Липницкая, <i>руководитель направления профилактики социального сиротства и укрепления семьи Российского комитета «Детские деревни — SOS» (Санкт-Петербург);</i>	
Р. Д. Завроцкий, <i>аспирант кафедры философии и культурологии СПбГУП</i>	
КОМПЕНСАТОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ	196
Л. И. Маметьева, <i>медицинский психолог Городской наркологической больницы (Санкт-Петербург)</i>	
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ У ЖЕНЩИН С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ	198

- Л. В. Марищук,**
профессор кафедры психологии и конфликтологии Минского филиала
Российского государственного социального университета (Беларусь),
доктор психологических наук;
- А. З. Джанашиа,**
старший преподаватель кафедры психологии и коррекционной работы
Московского государственного университета им. А. А. Кулешова (Беларусь)
- НАМЕРЕНИЕ ЗАНИМАТЬСЯ САМОВОСПИТАНИЕМ
КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ.** 201
- С. В. Митрухина,**
старший преподаватель кафедры фундаментальной медицины
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан);
- А. Е. Данилова,**
студентка III курса Медицинского института Хакасского государственного
университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан)
- ДОВЕРИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
И ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.** 203
- В. Б. Морозов,**
доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук
- СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСТОРЖЕНИЯ
ТРУДОВОГО ДОГОВОРА** 205
- С. Б. Никонova,**
профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП,
доктор философских наук;
- С. Б. Скачков,**
аспирант кафедры философии и культурологии СПбГУП
- УЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ПРАЗДНИКИ
КАК ФЕНОМЕН ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ** 208
- М. В. Овчаренко,**
доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук
- ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ
МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ** 210
- Ю. А. Петровская,**
доцент кафедры социологии и социальной работы Петрозаводского
государственного университета, кандидат социологических наук;
- И. А. Игошина,**
студентка IV курса Института истории политических и социальных наук
Петрозаводского государственного университета;
- А. П. Пастьева,**
студентка IV курса Института истории политических и социальных наук
Петрозаводского государственного университета
- РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ** 212
- В. П. Пешкова,**
доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук
- О ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ** 214

Ю. Ю. Платонова, <i>заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы, кандидат педагогических наук, доцент</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ.	215
Т. Н. Протасова, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат социологических наук</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	217
Н. И. Распопова, <i>доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат психологических наук</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.	219
А. Н. Святкина, <i>аспирант кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета (Москва), врач-офтальмолог медицинского центра «Альтермедика»</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ.	221
О. П. Серегина, <i>специалист по социальной работе отделения профилактики безнадзорности несовершеннолетних Центра социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист» (Санкт-Петербург);</i> П. А. Овсянников, <i>психолог отделения профилактики безнадзорности несовершеннолетних Центра социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист» (Санкт-Петербург)</i> ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БУЛЛИНГА	224
Е. Б. Скачкова, <i>директор Центра социальной помощи семье и детям Московского района (Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук;</i> Т. Н. Щербакова, <i>заместитель директора по социально-реабилитационной работе Центра социальной помощи семье и детям Московского района (Санкт-Петербург)</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ТИПИЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОДРОСТКОВОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	226
А. А. Сукало, <i>профессор кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор педагогических наук;</i> Т. В. Грабовецкая, <i>инструктор по труду Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург)</i> КУКЛОТЕРАПИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВОСПИТАННИКОВ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА	228

Е. П. Тонконогая, <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук;</i>	
В. А. Азовский, <i>аспирант кафедры философии и культурологии СПбГУП</i>	
ВОЛОНТЕРСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	229
О. М. Федорова, <i>инструктор по физической культуре Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург)</i>	
КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩАЯ РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ВОСПИТАННИКАМИ ПО МЕТОДУ СЕНСОМОТОРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	231
Н. А. Цветкова, <i>главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Москва), доктор психологических наук, доцент</i>	
ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДОЧЕРИ С МАТЕРЬЮ (Онлайн-курс «Я и моя мать»)	233
М. А. Шаталина, <i>доцент кафедры общей и консультативной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат психологических наук</i>	
ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕВРОТИЗАЦИИ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АГРЕССИВНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	235
В. А. Яковлев, <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук;</i>	
А. В. Марчик, <i>психолог частного учреждения социального обслуживания «Детская деревня — SOS Пушкин» (Санкт-Петербург)</i>	
СОТВОРЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ, ОСТАВИШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ.....	238
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	240

Пленарное заседание
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Л. А. Пасешникова,
первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права,
кандидат юридических наук

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Б. Д. ПАРЫГИНА
И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Уважаемые коллеги! Поздравляю вас с открытием XVIII Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы социальной психологии и социальной работы»!

В своем февральском послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В. В. Путин определил происходящие сейчас события как «сложное... рубежное для нашей страны время, период кардинальных, необратимых перемен во всем мире, важнейших исторических событий, которые определяют будущее нашей страны и нашего народа...» Эти происходящие кардинальные перемены обнажают вызовы времени, обращенные в том числе к психологам и специалистам социальной сферы. Во-первых, глобальное воздействие средств массовой коммуникации, которые, используя фейковые новости, влияют на взгляды людей на политическую ситуацию. Во-вторых, деформирующее влияние глобализации на изменение ценностей российской молодежи (негативное отношение к служению Отечеству, коллективизму и др.). В-третьих, связанная со спецоперацией социальная ситуация, характеризующаяся миграцией, ростом неблагополучия, в том числе психологического, появлением новых социально уязвимых категорий (беженцы, пережившие травмирующие ситуации, семьи участников специальной военной операции, бойцы с посттравматическим стрессовым расстройством и др.).

Президентом В. В. Путиным также была определена особая миссия высшей школы в подготовке специалистов в приоритетных областях, одной из которых является социальная сфера. Президент подчеркнул необходимость синтеза всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий. В связи с этим необходимо отметить: в стремительно меняющихся политических, экономических,

социальных условиях научные идеи выдающегося ученого, основоположника отечественной социальной психологии, доктора философских наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Бориса Дмитриевича Парыгина становятся еще более актуальными, обретая новые пути развития.

Его труды направляют и вдохновляют последователей на выдвижение и проверку новых смелых гипотез, расширение горизонтов знания. В современной ситуации обоснование Б. Д. Парыгиным таких явлений социальной психологии, как общественное настроение, изменение психологического состояния общества и личности, особенности различных общностей, а также общения как социально-психологического феномена дает современному ученому ориентир в поиске научной истины. На это указывает проблематика исследований, заявленных на конференции: анализ негативных тенденций западной цивилизации; взаимосвязь интернет-коммуникации и психологического неблагополучия; новые формы общения в социальных сетях и их влияние на общественное настроение; социально-психологическая помощь различным категориям граждан (в том числе таким новым категориям, как пострадавшие от боевых действий, семьи мобилизованных и др.); проблемы психологического здоровья личности и общества в кризисных ситуациях; условия консолидации социального капитала организации и др.

Востребованность социально-психологического знания растет. Именно сейчас пророческими становятся слова Бориса Дмитриевича о психологическом знании как жизненно необходимом каждому человеку.

Значимость изучения актуальных вопросов социальной психологии и социальной работы определила широкий круг участников сегодняшней конференции. Так, в этом году научный форум собрал ученых и практиков из Санкт-Петербурга, Москвы и Московской области, других регионов России (Абакана, Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Пушкино, Саратова, Твери и др.), а также наших зарубежных коллег из Беларуси, Казахстана, Болгарии. Среди участников конференции: заведующая кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор С. Д. Гуриева; декан факультета дополнительного образования Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор социологических наук, доцент Л. С. Киселева; профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ Е. П. Тонконогая; заместитель председателя Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга Д. Б. Тугов; профессор кафедры психологии Россий-

ского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор психологических наук О. И. Щербакова; заведующий лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований Института социальных наук Иркутского государственного университета, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный учитель РФ А. Д. Карнышев; заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ Е. В. Андриенко; профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь), доктор социологических наук В. П. Шейнов; профессор кафедры психологии и конфликтологии Минского филиала Российского государственного социального университета (Беларусь), доктор психологических наук Л. В. Маришук и другие видные специалисты в области социальной психологии и социальной работы.

Рада приветствовать столь представительный состав участников научной дискуссии! Материалы конференции демонстрируют высокую научную содержательность, широкий спектр рассмотрения социально-психологической тематики, затрагивающей как фундаментальные вопросы методологического и теоретического характера, так и прикладные аспекты реализации социально-психологических идей в целях решения глубоких социальных проблем общества.

Позвольте объявить конференцию открытой и пожелать всем участникам научных успехов и профессиональных достижений. Выражаю уверенность, что изложение научных идей и результатов эмпирических исследований, которые прозвучат на конференции, а также осмысление опыта социальной и психологической работы станут объектом дискуссий и импульсом для новых научных исследований, достойно продолжающих научные идеи Бориса Дмитриевича Парыгина и востребованных обществом в условиях сложной социально-политической ситуации.

М. В. Созинова,

*и. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП,
кандидат педагогических наук, доцент*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ Б. Д. ПАРЫГИНА В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТОЙ

Современное состояние российского общества определяется сложной социально-экономической и политической ситуацией, которая связана в том числе с проводимой специальной военной операцией. В этом контексте происходит переосмысление научным сообществом важнейших категорий (безопасность, доверие, поддержка и др.), что активизирует формирование нового исследовательского поля, носящего интегративный характер. Именно актуальный социальный контекст жизни человека определяет такие перспективные направления современных исследований, как социальное благополучие личности, социальный капитал, профессиональная деформация, социальная адаптация к ситуации неопределенности и др.

При этом научное наследие Б. Д. Парыгина позволяет найти новый ракурс осмысления современной ситуации, ключи к решению актуальных научных проблем социальной, гуманитарной сферы. В работах Бориса Дмитриевича содержится неисчерпаемый потенциал, продуктивно направляющий исследования психологической готовности личности к изменению поведения в условиях динамических перемен и изучающий особенности деятельности человека в экстремальных условиях.

Значимым представляется разработка идеи Б. Д. Парыгина о формировании готовности человека к ситуации динамичных перемен посредством осмысления ресурса гуманистической психологии. Он подчеркивал важность повышения уровня внутренней, социально-психологической культуры человека посредством развития самопознания, а также становления способности личности к импровизации, реализации творческого потенциала [1].

Представление Б. Д. Парыгина о значимости социально-психологической культуры личности специалиста при получении гуманитарного образования приобретает особый смысл в современных условиях, когда подготовка будущего выпускника осуществляется в ситуации динамичных перемен, социально-экономических и политических трудностей.

Социально-психологическая база выступает методологической основой и для широкого круга проблем социальной работы. Актуальными

направлениями социальной работы сегодня являются процессы цифровизации системы государственного управления (посредством введения электронных услуг); осуществление симуляционного обучения специалистов социальной сферы (тренажеры, виртуальная реальность); реализация программ активного долголетия старшего поколения; развитие практик сопровождаемого проживания для инвалидов, приемных семей для одиноких пожилых людей; развитие подхода доказательных практик социальной работы; появление новых социальных категорий, нуждающихся в поддержке государства (семьи мобилизованных граждан). При этом подготовка специалиста по социальной работе требует сегодня высокого уровня развития его социально-психологической культуры, готовности к профессиональной самореализации, саморазвитию [2], достижения высоких профессиональных результатов. В этом контексте социально-психологическая культура выпускника включает способность человека противостоять влиянию стресса, готовность к психологической саморегуляции и самокоррекции всех форм и видов собственной жизнедеятельности. Именно эти элементы подготовки будущих специалистов социальной сферы отвечают запросу времени, и методологической базой для организации процессов развития данных личностных характеристик выступают концептуальные положения Б. Д. Парыгина.

Кафедра социальной психологии продолжает свое научное развитие и поиск новых актуальных направлений исследования проблем становления профессиональной личности специалистов социальной сферы в условиях ситуации высокой неопределенности, проблем формирования и реализации творческого потенциала специалистов социальной сферы (психологов, специалистов по социальной работе, руководителей социальных учреждений) [3]. Интеграция усилий социальной психологии и социальной работы, включающая научное наследие Б. Д. Парыгина как общую методологическую базу, способствует поиску эффективных путей решения широкого круга социально-психологических проблем.

Литература

1. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология : учебное пособие / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2003. — 616 с. — Текст : непосредственный.
2. *Созинова, М. В.* Практикум по самообразованию и саморазвитию специалистов социальной сферы : учебное пособие / М. В. Созинова, О. Г. Липницкая. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — 1 CD. — (Электронная библиотека Университета ; Вып. 31). — Текст : электронный.

3. *Созинова, М. В.* Творческий потенциал руководителя как ресурс развития профессионального коллектива социальной организации / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Проблемы социальной психологии и социальной работы : XVII Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция (с международным участием), 15 апреля 2022 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — С. 181–182.

Е. П. Тонконогая,

*профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук,
Заслуженный деятель науки РФ*

ВСПОМИНАЯ Б. Д. ПАРЫГИНА — СТУДЕНТА И ПРОФЕССОРА

В связи с проведением Парыгинской конференции хочется вспомнить Бориса Дмитриевича Парыгина, с которым мы учились вместе на философском факультете Ленинградского государственного университета много лет назад. Борис Парыгин учился в университете с 1947 по 1953 год и окончил его с отличием. Уже тогда он, вчерашний школьник, переживший Ленинградскую блокаду, демонстрировал внутреннюю силу и жизнестойкость. Он активно работал и в студенческом научном обществе, и в правлении спортивного клуба. Борис Парыгин с первого курса проявлял огромный интерес к науке, отличался цепкостью и критичностью ума, ввязывался в научные споры, был мастером аргументации; не успокаивался, пока не одерживал победу в споре.

Начало научной карьеры выпускников вузов 1950-х годов пришлось на период «оттепели» в нашей стране. Наверное, этим многое объясняется в судьбе нашего поколения и в наших успехах в гуманитарных науках.

В 1990 годах мы встретились с Борисом Дмитриевичем в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, где он заведовал кафедрой социальной психологии. Именно его поддержка и вера в профессиональный потенциал позволили мне принять сложное решение о руководстве вновь созданной в Университете кафедрой социальной работы (одной из первых в России на тот момент). В дальнейшем наше сотрудничество продолжилось в стенах Университета в качестве заведующих кафедрами. Кафедра социальной психологии (Б. Д. Парыгин) и кафедра социальной работы (Е. П. Тонконогая) выпускали специалистов помогающих профессий и были, с одной стороны, родственными по гуманитарной и социальной направленности, а с другой — конкурентами: приходилось делить нагрузку и учебные дисциплины. Нам всегда удавалось придерживаться принципа справедливости и договариваться, профессор Парыгин относился к коллегам с уважением и учитывал их интересы.

Наше сотрудничество продолжалось на всех научных «площадках» Университета, мы оба были членами Диссертационного совета. Будучи членом совета, Парыгин проявлял те же цепкость и критичность ума, что и в юности. Его зоркий взгляд, надо признать, вызывал трепет у ученых, защищающих свои диссертации. Он требовал глубокого научного анализа, «научной выправки», как он любил говорить. Такая требовательность к себе, коллегам, ученикам всегда отличала Бориса Дмитриевича Парыгина.

Как всякий выдающийся ученый, Б. Д. Парыгин не был простым человеком, он был глубокой и разносторонней личностью. В Университете его окружали признание, любовь коллег, учеников и студентов. Давайте сохраним память о нем, тем более что он оставил значительное научное наследие (учебники, монографии, учебные пособия, статьи), которое требует дальнейшего осмысления и развития в работах его учеников и последователей.

А. А. Мельникова,

профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии;

В. А. Куц,

*ведущий научный сотрудник АО «Концерн „Гранит-Электрон“» (Санкт-Петербург),
доктор культурологии*

НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ВОЗРАСТАНИЕ НАРЦИССИЗМА В АМЕРИКЕ

Развитие личностных качеств тесно связано с культурной средой. Одно из разделений культур — на индивидуалистические или коллективистские. Индивидуалистические культуры поощряют большее внимание к себе, тогда как коллективистские культуры подчеркивают важность социальных ценностей. Поскольку нарциссизм выражается в сильной сосредоточенности на себе, сопровождающейся ощущением своей исключительности, демонстративностью, склонностью к использованию других людей, высокой потребностью в восхищении, логично предположить, что у членов индивидуалистических культур нарциссизм будет более выражен, чем у представителей коллективистских культур. Исследования это подтверждают: люди из США (индивидуалистическая культура) имеют более высокие показатели нарциссизма (NPI) по сравнению с людьми из азиатских стран и Ближнего Востока, у которых выражена коллективистская культура [6].

При этом данная особенность имеет тенденцию к усилению. Поскольку культурные характеристики проявляются в продуктах культуры, то для проверки такого предположения изучались изменения в произведениях средств массовой коммуникации, таких как телешоу, тексты песен и книги. Так, проведенное исследование американских книг, содержащихся в Google Books, за период с 1960 по 2008 год (766 513 книг) выявило, что за изучаемый период количество индивидуалистических слов и фраз (например, «уникальный», «персонализировать», «я», «все обо мне», «я особенный», «я лучший») значительно возросло; при этом использование местоимений первого лица множественного числа (например, мы, нас) уменьшилось на 10 %, а местоимений первого лица единственного числа (я, меня) увеличилось на 42 %, местоимений второго лица (ты, твой) — в четыре раза [4]. Таким образом, с 1960 года язык американских книг все больше фокусируется на личности и уникальности. Те же процессы фиксировали и исследующие ценностные сдвиги в популярных телевизионных шоу. Одними из ярко выраженных индивидуалистических ценностей являются слава и личное богатство, исследователи зафиксировали увеличение случаев их изображения на популярном телевидении США на протяжении десятилетий наряду со снижением случаев фиксирования на общественных ценностях, таких как чувство общности и традиции. Подсчеты показали, что индивидуалистическая ценность «личная слава» считалась высшей ценностью на шоу 2007 года, по сравнению с 15-м (из 16) местом по результатам большинства предыдущих десятилетий. Напротив, чувство общности в 2007 году было на 11-м месте по сравнению с 1-м или 2-м местом за все предыдущие десятилетия [5].

Кроме того, исследователи зафиксировали межпоколенческие различия в личностных чертах, ценностях и установках с постоянным усилением индивидуалистических черт, таких как нарциссизм, а также связанных с нарциссизмом (в случае высокой степени выраженности) напористости и высокой самооценки. Подтверждает выявленные тенденции и диагностика студенческой выборки: метаанализ 85 выборок студентов университетов США за период с 1979 по 2006 год продемонстрировал рост показателя «нарциссические черты личности» на 30 % [1]. В тот же период американские студенты проявили большой интерес к деньгам. И наоборот, метаанализ 72 исследований, проведенных в период с 1977 по 2009 год, показал, что уровень эмпатии снизился более чем на 40 %, причем наибольшее падение произошло после 2000 года [3]. Ценность традиций также уменьшалась из поколения в поколение [2].

Таким образом, исследования выявляют возрастание нарциссических характеристик в американском обществе. Нарциссизм относится к виду личностных расстройств, соответственно, можно предположить, что культурные тенденции, выраженные в американском обществе, стимулируют психические расстройства его граждан.

Литература

1. Egos inflating over time: A cross-temporal meta-analysis of the Narcissistic Personality Inventory / J. M. Twenge [et al.]. — Текст : непосредственный // Journal of Personality. — 2008. — № 76. — P. 875–901.
2. Henrich, J. The weirdest people in the world? / J. Henrich, S. J. Heine, A. Norenzayan. — Berlin : Rat für Sozial- und Wirtschaftsdaten (RatSWD), 2010. — (RatSWD Working Paper Series ; Vol. 139). — Текст : непосредственный.
3. Konrath, S. Changes in dispositional empathy in American college students over time: a meta-analysis / S. Konrath, E. O'Brien, C. Hsing. — Текст : непосредственный // Personality and Social Psychology Review. — 2011. — № 15 (2). — P. 180–198.
4. Twenge, J. M. Increases in Individualistic Words and Phrases in American Books, 1960–2008 / J. M. Twenge, W. K. Campbell, B. Gentile. — Текст : электронный // PLoS ONE. — 2012. — № 7 (7): e40181. — URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0040181> (дата обращения: 27.02.2023).
5. Uhls, Y. T. The Rise of Fame: An Historical Content Analysis / Y. T. Uhls, P. M. Greenfield. — Текст : непосредственный // Cyberpsychology : Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. — 2011. — № 5 (1). — Art. 1.
6. Vater, A. Does a narcissism epidemic exist in modern western societies? Comparing narcissism and self-esteem in East and West Germany / A. Vater, S. Moritz, S. Roepke. — Текст : электронный // PLoS ONE. — 2018. — № 13 (1): e0188287. — URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0188287> (дата обращения: 27.02.2023).

Д. Б. Тугов,

заместитель председателя Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬЯМ МОБИЛИЗОВАННЫХ ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Основной задачей сферы социальной защиты сегодня является чуткое реагирование на запросы общества. С началом объявления специальной военной операции (СВО) в поле зрения социальной сферы появилась новая категория семей, которым особенно важно чувствовать поддержку и заботу государства, — семьи мобилизованных граждан, добровольцев и военнослужащих по контракту.

Санкт-Петербург оказывает активную поддержку членам семей мобилизованных граждан, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В настоящее время в городе организован комплексный подход к оказанию социальной помощи членам семей мобилизованных. Одной

из принятых мер стала организация работы телефонов горячей линии в администрациях районов и учреждениях социального обслуживания, что позволило наладить первичный контакт с семьями, своевременно оказать психологическую поддержку и дать рекомендации по актуальным вопросам социального обслуживания.

С целью оказания адресной и своевременной помощи за каждой семьей закреплен социальный куратор. Кураторы консультируют граждан по различным вопросам оформления мер социальной поддержки, содействуют трудоустройству, получению медицинской помощи, организации образовательной и досуговой деятельности, отдыха и оздоровления.

Особенно стоит отметить инициативные и своевременные меры, принятые администрациями районов с целью привлечения благотворительной и спонсорской помощи.

Большое количество праздничных мероприятий проводится для семей и детей мобилизованных граждан — это общегородские, районные, муниципальные праздники. Для организации ярких и красочных досуговых мероприятий активно привлекаются учреждения социальной защиты населения, культуры, спорта, молодежной политики. Семьи с детьми регулярно получают приглашения для посещения театральных постановок, спортивных событий, интерактивных мероприятий.

Важной составляющей эффективной работы с семьей является психологическая поддержка и сопровождение. Находясь в новой, незнакомой ситуации, чувствуя себя потерянными в разлуке с сыном или супругом, женщины особенно остро нуждаются в психологической помощи. Психологи города оказывают необходимую помощь женам, матерям, детям и другим родственникам в рамках индивидуального консультирования и тренинговых занятий. Для детей организованы развивающие, коррекционные и профилактические мероприятия, которые помогают улучшить их психоэмоциональное состояние, снять напряжение и стресс от разлуки. Организованные на базе учреждений социального обслуживания мероприятия направлены на долгосрочную перспективу, что позволит сохранить положительный климат в семье и сформировать позитивный настрой в целом.

Активная позиция учреждений системы социальной защиты населения позволяет своевременно оказывать людям помощь в решении конкретных социальных вопросов, содействует разрешению многих актуальных проблем и вызовов современного общества.

Сейчас все силы города консолидированы для максимальной поддержки тех семей, чьи отцы, братья и сыновья выполняют свой гражданский долг, защищая интересы страны.

С. Д. Гурьева,*заведующая кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор*

ВЕДУЩИЕ КРАФТЕРЫ ПРОАКТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РАБОТЫ¹

Пандемия и последствия глобального экономического кризиса придали мощный импульс к масштабным изменениям как на личностном, так и на организационном уровне: произошла переоценка понятий «успех», «карьера», «комфорт», «субъективное благополучие», «экономическое благополучие» и т. д.; претерпели существенные изменения траектории карьеры сотрудника; изменился привычный формат и регламент работы с отсутствием привязки к конкретному месту работы и значимости рабочего места сотрудника; изменилось социальное пространство сотрудника, включая систему неформальных межличностных отношений [2]. Умение извлекать уроки из любого кризиса, приобретая новый опыт и знания, включая способность адаптироваться и меняться, влияет на изменение всех трансформационных процессов, включая привычный образ жизни, выстраивание трудовых отношений, функционирование рабочего пространства сотрудника организации. В совокупности все эти изменения повысили требования к психосоциальному дизайну рабочей среды и поставили человека, его благополучие и креативность в приоритет внимания исследователей, организаций и общества. Таким образом, сформировалась актуальная потребность в создании человекоцентрированного подхода к организации рабочей среды, отвечающего на вопрос: как в рамках организации обеспечивать обучение и развитие сотрудника, сохраняя необходимый уровень субъективного благополучия, с одной стороны, и развивать инновационный потенциал и креативность организации — с другой.

Основной задачей нашего исследовательского проекта является создание социально-психологической структурно-процессуальной модели взаимодействия психосоциальных характеристик рабочей среды и проактивного поведения сотрудника как фактора субъективного благополучия и инновационного потенциала организации. Отметим, что проактивное рабочее поведение представляет собой проявление инициативы по улучшению текущих условий работы, предполагает активное изменение сложившегося положения на работе. Проактивное конструи-

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РНФ в рамках проекта № 22-18-00452 «Психосоциальный дизайн рабочей среды как фактор субъективного благополучия сотрудника и инновационного потенциала организации».

рование работы (джоб-крафтинг) — одна из форм проактивного поведения, представляет собой, с точки зрения авторов термина, инициированные самим работающим человеком изменения (в том числе когнитивные) в материальных и нематериальных аспектах своей рабочей роли, то есть в содержании задач, социальных отношениях и приписываемых работе смыслах [1].

Было проведено поисковое качественное исследование методом полуструктурированного интервью на выборке работающих сотрудников в возрасте от 25 до 65 лет, ведущих активную трудовую жизнь, работающих в государственном или коммерческом секторе, являющихся собственниками бизнеса, проживающих в РФ, с использованием платформы Zoom ($N = 98$). Основная задача состояла в следующем: собрать, систематизировать и структурировать субъективные представления респондентов о тех рабочих задачах и ситуациях, где они проактивно трансформируют содержание, способ выполнения или отношение к задаче, чтобы она больше соответствовала их личности. Основная цель исследования — соотнести реальные примеры проактивного поведения сотрудника на русскоязычной выборке с имеющимися содержанием и типами поведения, заложенными в англоязычных опросниках ПКР; дополнить и определить релевантность англоязычных вопросников, описательных моделей, заложенных в них, для описания крафтинга работы и карьеры на русскоязычной выборке. Структура полустандартизированного интервью состояла из двух блоков: крафтинг работы (развитие компетентности и ответственности, снижение уровня изнуряющих требований на рабочем месте, наращивание социальных ресурсов на рабочем месте, поиск новых задач и развивающих требований на работе) и крафтинг карьеры (выход за границы рабочего окружения, использование отношений с людьми для развития карьеры, рефлексия позитивной роли работы и карьеры, выход за границы рабочих задач), включающих три типа крафтеров (человек, ищущий соответствия; вдохновленный; действующий по воле случая) и три типа изменений (изменения в рабочих/человеческих отношениях в контексте работы; в задачах; своего отношения, представления о ситуации и задачах).

Основной результат интервью: обнаружены новые приемы и подходы к крафтингу работы, не включенные в описательные модели, положенные в основу вопросников ПКР. К таким подходам относятся игрофикация и использование метафор, а также управление контекстом выполнения задачи для регулирования личной мотивации, отношения к задаче.

Литература

1. Казанцева, Т. В. Проактивное конструирование работы как фактор повышения субъективного благополучия и успеха / Т. В. Казанцева, С. Д. Гуриева, Л. В. Марарица. — Текст : непосредственный // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2022. — Вып. 5. — С. 169–175.

2. Social Perceptions of Gender Differences and the Subjective Significance of the Gender Inequality / S. D. Gurieva, T. V. Kazantseva, L. V. Mararitsa, O. E. Gundelakh. — Текст : непосредственный // Psychology in Russia: State of the Art. — 2022. — Vol. 15, № 2. — P. 65–82.

Н. Л. Захаров,

*профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
доктор социологических наук;*

М. Б. Перфильева,

*профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
доктор социологических наук*

КОНКУРЕНЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В настоящее время социально-психологическое моделирование образа жизни используется в коммуникационной активности многих коммерческих компаний, в частности в их рекламной деятельности, так как построение маркетинговых коммуникаций на основе понятия образа жизни является одним из инструментов наиболее успешного конкурентирования на рынке. Реклама представляет собой один из популярных инструментов конкурентной коммуникации. Построение рекламной кампании с применением принципов и механизмов lifestyle-маркетинга позволяет усилить ее эффективность за счет привязки к рекламируемому продукту дополнительной ценности. Это помогает увеличить стоимость продукта и обеспечить долгосрочное взаимодействие с потребителями.

Таким образом, когда конкуренция в различных сферах и областях становится все заметнее, когда на нее одновременно влияет непростая экономическая ситуация в стране, применение стратегии позиционирования становится наиболее актуальным и эффективным средством укрепления бренда как на локальных, так и на региональных рынках. Клиент — это единственный доходный ресурс компании в настоящем и будущем, но конкуренция за его внимание крайне высока. В настоящее время увеличение каналов и объема информации на рынке обусловило снижение лояльности. Установление долгосрочных связей может привести к сокращению затрат, поскольку клиенты с долгосрочной ло-

ьяльностью редко переключаются на конкурентов, в то время как клиенты с краткосрочной лояльностью легко разрывают связи и, если найдут лучшие продукты, уходят [1, с. 252].

Социально-психологическим аспектам феномена конкуренции посвящены работы таких отечественных и зарубежных ученых, как М. Вебер, К. А. Абульханова-Славская, Г. М. Андреева, М. Кастельс, В. В. Радаев, А. Г. Здравомыслов, Х. Маккей, С. С. Фролов, Л. Г. Почебут, Ф. А. Хайек, В. П. Ступницкий, О. И. Щербакова, В. Е. Степанов, Л. Б. Черноскутова и др.

Например, по определению М. Вебера, конкуренция — это «формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которых владеют также и другие действующие» [2, с. 117]. М. Кастельс пишет, что «конкуренция организуется на основании факторов, специфических для новой информационной экономики, внутри глобальной системы, представляющей сеть, построенную на информационных технологиях. Конкурентоспособность субъектов глобальной экономики зависит в первую очередь от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» [3, с. 114]. Конкуренция в рамках экономической социологии рассматривается как поведенческая характеристика. По определению В. В. Радаева, «конкуренция — это действия двух и более участников рынка, нацеленные на получение одного и того же ограниченного ресурса, доступного при определенных усилиях с их сторон» [4, с. 320].

Для нас является важным понятие социальной установки. Социальная установка или аттитюд — это специфический образ действий, который человек готов реализовать в определенной ситуации. Это подобие инстинкта в человеческом мире, склонность реагировать с определенной эмоциональной окраской на конкретные объекты и события. Перечислим функции аттитюдов. Во-первых, они ускоряют процесс восприятия и оценивания объективной реальности, помогают категоризировать все явления внешнего мира. Во-вторых, они являются вариантом эмоционального самовыражения.

Социология как популярный инструмент маркетинговых коммуникаций являет собой значительную часть массовой культуры, оказывая сильное влияние как на жизнедеятельность отдельных индивидов, так и на социум в целом. Таким образом, с помощью рекламных сообщений компании оказывают непосредственное воздействие на массовое общественное сознание, а использование психологических методов позволяет усиливать данное влияние и тем самым обеспечивать более долгосрочную перспективу пребывания на рынке. Помимо этого, обострение

конкуренции способствует в целом увеличению рекламы в информационном пространстве, что тем самым стимулирует постоянное развитие и изменение рекламных сообщений с целью выделения их на фоне всех остальных. Методы и приемы психологического воздействия в рекламе являются одним из эффективных способов не только дифференциации от рекламы конкурентов, но и оказания влияния на аудиторию.

Литература

1. Бердникова, Э. Н. К определению понятия «кросс-культурный бренд» в современной коммуникационной практике / Э. Н. Бердникова, К. Н. Маркина. — Текст : непосредственный // Успехи гуманитарных наук. — 2021. — № 6. — С. 250–254.
2. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер. — Текст : непосредственный // Теоретическая социология : антология : [в 2 частях] / составитель и редактор С. П. Баньковская. — Москва : Кн. дом «Университет», 2002. — Ч. 1. — С. 70–146.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — Москва : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с. — Текст : непосредственный.
4. Радаев, В. В. Экономическая социология : курс лекций / В. В. Радаев. — Москва : Аспект Пресс, 2000. — 602 с. — Текст : непосредственный.

Л. Г. Почебут,

профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук;

В. А. Чикер,

доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук;

М. А. Недошивина,

старший преподаватель кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук

УСЛОВИЯ КОНСОЛИДАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ¹

В настоящее время консолидация социального капитала организаций является важной задачей развития нашего общества. Объединение и сплочение людей вокруг общих целей, ценностей, социальных и правовых норм, формирование взаимного доверия, поднятие престижа и репутации различных государственных организаций — важнейший ресурс в продвижении всего общества и достижении намеченных целей.

Социально-психологические проблемы социального капитала организаций становятся центральной темой исследований зарубежных и оте-

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00107.

чественных ученых. Было обнаружено, что высокий уровень консолидации социального капитала организаций оказывает влияние на производительность труда работников, способствует финансовому процветанию организации, определяет благоприятный социально-психологический климат и организационную культуру.

В настоящее время в практической и прикладной социальной психологии исследователи обращаются к проблеме социально-психологического сопровождения формирования высокого уровня социального капитала организации. Последнее рассматривается нами в теоретическом, методологическом, прикладном и практическом направлениях. В отечественной и зарубежной научной литературе опубликовано много теоретических и эмпирических исследований социального капитала. Следует отметить, что до настоящего времени не создана единая согласованная теория и методология, не разработаны методики, позволяющие надежно оценить уровень социального капитала, обеспечить практическую реализацию работы по его консолидации в конкретных организациях.

Понятие «социальный капитал» стало использоваться в социальных науках — экономике, социологии, культурологии, социальной психологии — с конца 1980-х годов. Социальный капитал приносит людям пользу, поскольку они не только обмениваются ресурсами, но и устанавливают взаимное доверие, развивают и укрепляют социальные нормы и правила поведения. В результате такого взаимодействия возникают социальные сети, служащие основой общественной солидарности.

В науке рассматривается несколько видов капитала: физический (промышленное оборудование, здания, транспорт, предприятия и т. д.); финансовый или экономический капитал, выражающийся в количестве денежной массы; человеческий капитал, означающий уровень подготовленности людей к выполнению работы, их компетентность; социальный капитал, формирующийся на основе сотрудничества людей.

Мы разработали социально-психологическую концепцию социального капитала организаций и определяем его как особое смысловое социальное пространство, объединяющее людей на основе взаимного доверия, верности целям и ценностям своей организации, создания и поддержания ее репутации, следования принятым нормам и правилам поведения. Соответственно, основными условиями формирования устойчивого высокого уровня развития социального капитала являются:

1) создание атмосферы доверия между сотрудниками организации. В социологических исследованиях уровень взаимного доверия является основным показателем развитости социального капитала. Американский социолог Н. Луман провел глубокий социологический анализ

и разделил понятия «доверие» (trust) и «уверенность» (confidence). Он считал, что доверие возникает во взаимоотношениях людей, а уверенность появляется в связи с социальными институтами. Доверие — это ожидание того, что человек выполнит свои обязательства, а уверенность связана с надежностью средств массовой информации или выполнением социальных обязательств органов власти. Атмосфера взаимного доверия способствует образованию морального капитала общества;

2) общественные установки на приверженность единым целям развития общества, согласование системы ценностей, выделение приоритетных ценностей и целей;

3) нормативное, законопослушное поведение большинства членов общества, определяемое согласием с установленными законодательством нормами и правилами;

4) создание и поддержание репутации и общественного имиджа своей организации, формирование чувства патриотизма по отношению не только к своей организации, но и к обществу в целом.

Таким образом, достижение консолидации социального капитала возможно при выполнении четырех перечисленных условий.

А. Д. Карнышев,

заведующий лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований Института социальных наук Иркутского государственного университета, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный учитель РФ;

О. А. Карнышева,

доцент кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета, кандидат психологических наук

КОНЦЕПЦИЯ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ Б. Д. ПАРЫГИНА И ЕЕ СВЯЗЬ С СОВРЕМЕННЫМИ ВЗГЛЯДАМИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ

В своих работах Б. Д. Парыгин уделял существенное внимание статической и динамической структуре личности, но в силу принятых в то время традиций проблема психологического здоровья личности не затрагивалась. Между тем в его исследованиях рассматривалась категория «настроение», которая, на наш взгляд, перекликается с психологическим здоровьем: «Каждому человеку присуще или какое-то относительно устойчивое настроение, или целая гамма определенных настроений. По этому признаку принято различать оптимистов и пессимистов; лю-

дей во всем сомневающимися и, наоборот, излишне доверчивых; энергично настроенных, остро воспринимающих и бурно реагирующих или вялых, апатичных, настроенных созерцательно» [4, с. 150–151].

В докторской диссертации одного из авторов доклада, официальным оппонентом которой был Б. Д. Парыгин, на основе социально-психологического анализа были выделены взаимоувязанные друг с другом компоненты структуры личности, которые в последних наших исследованиях мы увязываем с психологическим здоровьем [3]. В его концептуальном подходе личность представляет собой систему из пяти компонентов (подструктур), неразрывно связанных между собой: «1) биопсихических свойств, являющихся природной основой личности, включающих, кроме физических и физиологических особенностей, элементы индивидуального и коллективного бессознательного; совокупность таких взаимодействующих свойств и составляет природную основу психологического здоровья; 2) направленности как системы мотивов, ценностей, мировоззренческих установок и конкретных взглядов на сущность здоровья и его слагаемых; 3) способностей и формирующихся на их основе знаний, умений, навыков как средств познания и преобразования внешнего мира, ресурсов для улучшения своего здоровья; 4) самооценки и самоуважения, зачастую предопределяющих уровень и характер активности человека, влияющих на состояние психологической комфортности; 5) коммуникативных качеств личности как важнейших потенциалов взаимодействия с другими людьми» [1, с. 49], с одной стороны, обеспечивающих оценку своих ресурсов общения, а с другой — приносящих удовлетворенность от успешных контактов. Важно понимать взаимосвязь всех пяти параметров, тогда такой подход позволяет раскрыть детали единства человека, природы, социума.

Наша модель позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что здоровая личность:

а) имеет наследственные физиологические и «медицинские» ресурсы и чувствует свое субъективное благополучие;

б) удовлетворена реализацией своих разумных, экологически и медицински ориентированных потребностей и стоящих перед ней целей;

в) добивается и видит, что ее способности используются для собственного благополучия и не противоречат интересам других людей;

г) понимает, что никто не грозит ее достоинству и самоуважению, а ее поведение не затрагивает достоинства других;

д) в своих контактах в основном ощущает гармонию с окружающим природным миром и социумом. Но все же психологическое здоровье — это интегральное состояние, оно имеет свойства целостности

(эмерджентности) и, значит, комплексно отражает существующие контакты с внешней средой. Все названные аспекты личности предопределяют ее органичную связь и с природой, и с сообществами, в которых она реализует свое бытие.

Наш междисциплинарно-психологический анализ некоторых аспектов пандемии [2] показал, что именно психологическое здоровье обусловило в стабильных коллективах в период пандемии отсутствие паники, крайних точек зрения в вопросах вакцинации, перехода на дистанционный режим и т. п. Не менее, а может быть, и более важно, что осознание связи между здоровьем и состоянием природы становится мощным мотивирующим фактором экологических позиций и экологичного поведения людей.

Сама пандемия COVID-19 обусловила рост ценности здоровья. Остановимся на двух конкретных данных нашего лонгитюдного исследования. Так, респондентов, считающих, что «психологическое здоровье — это реалья, которая помогает сохранять спокойствие в контактах с окружающими, самообладание, уверенность в себе, оптимизм и т. д.», в 2021 году стало 84 % ($n = 623$), а в 2015-м ($n = 786$) их было около 50 %. В свою очередь, респондентов, считающих, что «психологическое здоровье — это ничего не значащее, абстрактное понятие», в 2021 году — 4,1 %, в 2015-м — не менее 15 %. На наш взгляд, это весомые аргументы, чтобы говорить об определенной изоморфности позитивного отношения к природе и психологического здоровья человека и группы.

Литература

1. *Карнышев, А. Д.* Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий / А. Д. Карнышев. — Иркутск : ИГУ, 2020. — 595 с. — Текст : непосредственный.
2. *Карнышев, А. Д.* Кривые Гаусса пандемии COVID-19: попытка междисциплинарно-психологического анализа / А. Д. Карнышев. — Текст : электронный // ИПРАНЭСЭП : электронный журнал. — 2022. — Т. 7, № 2. — С. 126–151. — URL: <http://soc-economy-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2022/t7-2/n22-02-06.html> (дата обращения: 24.03.2023).
3. *Карнышев, А. Д.* Социальная психология управления в школе : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук : 19.00.05 / А. Д. Карнышев ; СПбГУ. — Санкт-Петербург, 1992. — 25 с. — Текст : непосредственный.
4. *Парыгин, Б. Д.* Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. — Москва : Мысль, 1971. — 351 с. — Текст : непосредственный.

А. П. Марков,

*профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор педагогических наук,
доктор культурологии, Заслуженный деятель науки РФ*

КОМПЕНСАТОРНАЯ ПРИРОДА ИСКУССТВА: ПСИХОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ

В цивилизационной динамике искусство всегда выступало ведущим средством целостного постижения реальности, «резервуаром человеческой экзистенции», обеспечивающим интериоризацию и экстериоризацию чувственно-эмоционального опыта человечества (П. Сорокин). Его образы и сюжеты формируют совесть как способность слышать восточку радости и боли, удовлетворяют базовые потребности в красоте и гармонии. Образно-символический мир искусства воспроизводит полноту человеческой сущности в ее духовных, душевных и телесных измерениях, демонстрирует непознаваемые рациональными средствами трансцендентные глубины антропоса.

Особую роль во все времена человеческой истории играла компенсаторная функция искусства. Транслируя базовые энергии, творящие и удерживающие человеческую душу — веру, совесть, надежду, любовь, искусство реабилитирует и исцеляет «человеческую реальность». Художественные образы (и судьбы их творцов) являют «онтологическую полноту» бытия в единстве падения и спасения, которая становится ресурсом реабилитации болезненных личностных проблем и переживаний. В Древнем мире «психотерапевтическую» функцию выполняли мифы, снимающие оппозицию природы и культуры, помогая человеку преодолевать глубинный страх танатоса созданием иллюзии бессмертия и вечности. Встроенные в языческие ритуалы элементы художественной деятельности (танец, пение, элементы драмы) способствовали достижению измененных состояний сознания, переводя его в режим спонтанности, неизреченности и интуитивности, который помогал человеку чувствовать высшие уровни и законы бытия, обретать целостность души в единстве ее аполлонических и дионисийских энергий (Вяч. Иванов).

Художественный текст транслирует переживания боли и радости, энергии веры и надежды его творца. Этот диалог расширяет актуальное время жизнедеятельности, обеспечивая «полноту времен», компенсирует дефицит социального и эмоционального отчуждения. Сюжеты живописи и литературы, концентрирующие боль и отчаяние, способствуют минимизации душевных и физических страданий человека — они делают их выносимыми в ситуации одиночества и покинутости, утраты близких и смысла жизни. Высокий накал страданий героя художественного

произведения делает нашу боль незначимой, помогая ее достойно пережить, а его способ решения личностных проблем дает силы и надежду на исцеление. Именно такое понимание «человекосберегающей» миссии искусства легло в основу *логотерапии* В. Франкла (или *смыслотерапии*, как ее называл сам автор). Основу этого метода составляют три условия обретения смысла жизни: ответственность, любовь и страдание как неизбежный атрибут человеческой судьбы. И чем труднее дается жизнь, тем она осмысленнее. Мету нравственной состоятельности и достоинство человека определяют его мужество и, с точки зрения В. Франкла, способность нести свой крест даже в ситуации обреченности. При этом не только художественные образы, но и судьбы их творцов, нередко трагические, но всегда великие в своей нравственной сущности, могут стать «материалом» для арт-терапевтических практик.

«Атомом» хранения и трансляции компенсаторных и психотерапевтических ресурсов в искусстве является образ (от *греч.* *eikon* — икона) — внешнее проявление и выражение символическими средствами (обликом, словом, музыкой, цветом, графикой) значимых для человека смыслов и сущностей. Компенсаторный и психотерапевтический эффект становится результатом идентификации с образом «героя» художественного произведения. При этом механизм отождествления возникает в том случае, если образ воспринимается как субъективно значимый и экзистенциально близкий. Ключевое условие референтности образа — его соответствии идеалам, надеждам, ожиданиям и переживаниям воспринимающего субъекта. Именно соответствие своему Другому включает мощный психологический механизм «резонанса» (отклика, повтора), усиливающий подобные качества. Во-первых, образ становится значимым, если он воспринимается как проекция «идеального я» личности, осуществившегося в судьбе героя художественного произведения. В данном случае эффект подобия возникает в результате сходства жизненно важных ценностей. Во-вторых, референтный образ обретает это свойство в том случае, если он персонифицирует в сюжетно-содержательной плоскости произведения способ решения актуальных личностных проблем. Именно в таком качестве воспринимает девочка-подросток, остро переживающая свой низкий социальный статус, образ «гадкого утенка» из известной сказки Андерсена, который ей близок болью отверженности. Но этот образ дает девочке и надежду: стать «лебедем» в новом — понимающем и принимающем — человеческом окружении.

Смыслообразующие сценарии художественных произведений помогают человеку цифровой эпохи компенсировать экзистенциальный вакуум, провоцирующий деструктивные импульсы агрессии и аутоагрессии.

Е. В. Андриенко,

*заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ*

НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ¹

Б. Д. Парыгин — один из первых социальных психологов, который рассматривал общественное настроение как важнейший индикатор психического состояния социума, значимость которого трудно переоценить [4]. В рамках современной социальной психологии активно изучаются факторы влияния на этот процесс, в том числе особенности общения, которые, появившись впервые в социальных сетях, распространяются на непосредственное и повседневное взаимодействие людей.

Здесь выделяется специфическая этика общения коммуникаторов в Интернете, связанная с их анонимностью, а значит, с отсутствием ответственности за сказанное. Анонимность пользователей социальных сетей часто приводит к грубой форме выражений, нарушению этических норм и даже преступным по своему содержанию и смыслу высказываниям, которые допускают некоторые коммуникаторы. При этом часть из них делает это намеренно для того, чтобы эпатировать публику и привлечь к себе внимание. Стремление обратить на себя внимание любым способом проявляется в «погоне за лайками», размещении жестких, шокирующих общественность стримов, намеренном огрублении речи [1, с. 79; 2].

Кроме того, весьма широкое распространение получают девиантные высказывания в социальных сетях, которые представлены в различных формах: троллинг (провокационная тактика отражения информации, рассчитанная на раздражение коммуникаторов); фейк (ложная информация); спам (избыточное ненужное информирование); флуд (размещение информации, не имеющей отношения к обсуждаемому вопросу); флейм (разжигание словесной войны между участниками обсуждения) и т. д. Подобные сообщения в Интернете изобилуют многообразными средствами экспрессивности, выраженными, например, многочисленными вопросительными или восклицательными знаками, многоточиями и т. д. [1, с. 80]. Эта чрезмерная употребительность знаков препинания русского языка для обозначения экспрессивного отношения

¹ Доклад подготовлен на основе предыдущих публикаций автора ([1] и [2]).

субъекта общения определяется исследователями как фасцинативная речевая стратегия, которая, по мнению М. С. Рыжкова, необходима в целях уточнения/понимания образа собеседника в условиях опосредованного общения/взаимодействия [5].

Все эти трансформации влияют на стиль общения и определяют новые негативные факторы воздействия на общественное настроение. Издание М. А. Кронгауза, отражающее новую терминологию Интернета, фиксирует многочисленные лингвистические изменения, появившиеся в XXI веке [6]. В качестве главной особенности называется смешение стилей устной и письменной речи (главное — установить контакт, привлечь внимание к своему сообщению). Можно без преувеличения сказать, что сегодня создается новая общеупотребительная лексика на основе стихийного формирования специфической сетевой коммуникации в Интернете.

Также очень быстро формируются субкультурные виртуальные социальные группы по различным поводам взаимодействия стихийных коммуникаций. Наиболее часто встречающиеся жанры интернет-коммуникаций, такие как блог, чат, форум, микроблог, сайт, пост, комментарий и т. д., как правило, в силу своего многообразия не создают устойчивого содержательного контекста, хотя здесь образуются специфические субкультуры общения [1, с. 80].

Современное интерактивное общение в социальных сетях отличается рядом особенностей, которые отражают снижение его содержательного уровня, что связано со стремлением коммуникаторов удовлетворить потребности в неформальной коммуникации и выражении своих эмоций по поводу обсуждаемых явлений. Данное взаимодействие способствует формированию между субъектами явных межличностных связей в режиме непрерывного обмена информацией и впечатлениями. Поскольку для общающихся важно мгновенное сиюминутное взаимодействие, тексты сообщений, сочетая в себе специфику письменной и устной речи, как правило, характеризуются небрежностью, ошибками, незаконченностью слов и предложений, а также явной редуccionей грамматических форм и фонетической основы [3, с. 66].

В целом в качестве основных негативных факторов общения, влияющих на общественное настроение, выделяют: редуccionей грамматических форм и фонетической основы речи; смешение стилей устной и письменной речи; фасцинативную речевую стратегию; девиантные высказывания.

Литература

1. Андриенко, Е. В. Актуальные проблемы общения в эпоху постмодернизма / Е. В. Андриенко. — Текст : электронный // Общение в эпоху конвергенции технологий : сборник научных трудов. — 2022. — Т. 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-obshcheniya-v-epohu-postmodernizma> (дата обращения: 24.01.2023).
2. Андриенко, Е. В. Цифровизация образования в контексте решения психолого-педагогических проблем воспитания и обучения / Е. В. Андриенко. — Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. — 2022. — № 1. — С. 7–19.
3. Катермина, В. В. Языковая личность в дискурсе социальных сетей / В. В. Катермина, Т. О. Илмаз-Леденева. — Текст : непосредственный // Вестник ЧПУ им. И. Я. Яковлева. — 2019. — № 3 (103). — С. 64–70.
4. Парыгин, Б. Д. Общественное настроение / Б. Д. Парыгин. — Москва : Мысль, 1966. — 327 с. — Текст : непосредственный.
5. Рыжков, М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса : на материале русско- и англоязычных чатов : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. С. Рыжков. — Воронеж, 2010. — 273 с. — Текст : непосредственный.
6. Словарь языка Интернета.ru / М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова [и др.] ; под редакцией М. А. Кронгауза. — Москва, 2016. — 288 с. — Текст : непосредственный.

Л. С. Киселева,

*декан факультета дополнительного образования Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
доктор социологических наук, доцент*

ИНСТРУМЕНТЫ ОНЛАЙН-СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Онлайн-социализация — это процесс, с помощью которого индивидуумы усваивают и изучают правила и ценности конкретного социального и культурного контекста посредством виртуальных пространств, создаваемых в онлайн-сети. Эта концепция социализации вытесняет прежнюю концепцию социализации, поскольку новые технологии создают новые виртуальные пространства социализации за пределами семьи, системы образования и рынка труда. Вопросы онлайн-социализации молодежи в российском политическом пространстве вызывают огромный интерес у исследователей, поскольку в онлайн-пространстве идет становление и развитие новой институциональной среды политического участия, дающей возможность молодым гражданам не только оперативно получать информацию, но и высказывать свое мнение по социально значимым проблемам. Сформировалось сетевое поколение, для которого социальные медиа являются естественной средой «обитания».

В целях систематизации наиболее актуальных инструментов и средств политической коммуникации с молодежью автором было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие респонденты в возрасте от 14 до 25 лет [1]. Исследование было проведено посредством онлайн-анкетирования с помощью приложения Google Forms. Респонденты для опроса отбирались в наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте».

Полученные нами результаты опроса свидетельствуют о том, что половина опрошенных время от времени интересуется политикой (50,3 %), треть однозначно подтверждает интерес к политике (30,9 %) и лишь десятая часть не интересуется политикой. Можно констатировать тот факт, что, по сравнению с исследованиями ВЦИОМ пятилетней давности на предмет интереса к политике в социальных сетях у молодежи, в настоящее время интерес к политике существенно возрос.

В части средств получения политической информации мы можем констатировать, что для молодежной аудитории социальные сети являются преимущественным средством ее получения, однако определенным спросом пользуются и ленты новостных агентств. Очевидно, что наибольшая активность респондентов сосредоточена в социальных сетях «ВКонтакте», Instagram, Telegram. В связи с решениями Роскомнадзора о блокировании в РФ Facebook, Instagram¹, Twitter и исключении с платформы YouTube российского политического контента наиболее востребованными стали «ВКонтакте» и Telegram. Социальная сеть «Одноклассники» совершенно не пользуется спросом у молодежи.

Наибольший интерес у молодежи вызывает контент, емко отражающий политические события в виде мемов, юмора и политической сатиры, а наименее популярными являются политическая реклама и специализированные политические программы и телевизионные ток-шоу.

Крайнюю степень важности молодежная аудитория придает тому, насколько политики интересуются проблемами молодежи, а также доступным языком доносят программы своих политических партий и разнобразят средства коммуникации с молодежью, используя в основном социальные сети и другие интернет-коммуникации. Важным является также и создание современного привлекательного для молодежи имиджа политиков с помощью коротких видеороликов, постов в социальных сетях.

Таким образом, нами установлено, что в настоящее время невозможно игнорировать социализирующие возможности сети Интернет, по-

¹ Деятельность компании Meta (которой принадлежат Facebook, Instagram и др.) запрещена на территории Российской Федерации.

сколькx онлайн-среда оказывает огромное влияние на молодежь. Несмотря на то что искусство убеждения существует на протяжении веков, в наши дни в нем появился новый аспект — применение методов убеждения с точки зрения новых технологий и новых медиа. Интерактивные технологии имеют преимущества перед традиционными медиа, так как могут быть более настойчивыми, получать и обрабатывать большие объемы данных, использовать множество стилей и режимов (текст, графика, аудио, видео, анимация, симуляция), масштабироваться и распространяться.

Проведенное нами социологическое исследование позволило сделать вывод о наиболее привычных и эффективных средствах и инструментах политической коммуникации с молодежью. Исходя из полученных нами результатов опроса, удалось выработать алгоритм взаимодействия с молодежью: выявление интересующих молодежью аудиторию проблем; создание понятного и воспринимаемого молодежью контента и трансляция его через предпочитаемые молодежью каналы коммуникации.

Литература

1. Исследование механизма онлайн социализации молодежи в российском политическом пространстве / Л. С. Киселева, А. А. Семенова, У. И. Сидорова, О. А. Киселева. — Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 7-3 (121). — С. 170–174.

О. И. Щербакова,

*профессор кафедры психологии Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор психологических наук*

ЭКОТРЕВОЖНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Актуальность вопроса определяется прежде всего двумя факторами. Во-первых, за последнее десятилетие проблемы экологии не только приобрели всемирную огласку, но и стали неотъемлемой частью жизни каждого человека в связи с тем, что их уже невозможно стало игнорировать. В информационном поле, которым окружена современная молодежь, постоянно появляется все больше пугающих, волнующих новостей о состоянии экологии; это, в свою очередь, провоцирует чувство вины, злость и повышение уровня тревожности. Очевидно, что в большей степени влиянию экологических проблем подвержены молодые люди, поэтому логичным образом разработку эффективных способов работы с экотревожностью стоит начать с них.

Во-вторых, после подробного анализа имеющейся литературы в российских и зарубежных источниках логичен вывод о том, что научная проблема экологической тревожности до сих пор остается малоисследованной, а значит, остро стоит необходимость разработки диагностического инструментария и первичных методических рекомендаций для эоактивистов, психологических служб вузов и самих студентов по снятию экологической тревожности.

При этом проблема экологической тревожности в России почти не является предметом научных социально-психологических исследований. Следствием этого является повышающийся риск роста уровня юношеской депрессии, агрессии, злоупотребления психоактивными веществами, а также проявления чувства беспомощности, фатализма и страха. Без сомнения, работа со студенческой молодежью является неотъемлемой частью более широкой проблемы феномена экотревожности — формирования экологического поведения всего населения страны.

Ранние дискуссии об экологической тревоге появились в период с 2007 по 2013 год. Но именно отчет «Психическое здоровье и наш меняющийся климат» за 2017 год, опубликованный Американской психологической ассоциацией (APA) и EсоAmerica, вызвал широкую дискуссию, предоставив рабочее определение «эковолновости».

Г. Альбрехт [1] ввел термин «экотревога» для описания хронического страха перед обреченностью окружающей среды, но *экотревога* также определяется как психический дистресс или тревога, связанная с ухудшением условий окружающей среды, с точки зрения К. Ашера [3], или тревога, испытываемая в ответ на экологический кризис, по мнению П. Пихкала [2].

Несмотря на растущее число исследований, посвященных изучению эмоций, связанных с изменением климата, не решен вопрос о том, являются ли эти негативные эмоциональные состояния или возникающие синдромы психического здоровья обязательно дезадаптивными или патологическими и нужно ли смягчать их воздействие на экологическое поведение, или, наоборот, они оказывают положительное влияние на принятие экологических решений.

Нами было проведено исследование по выявлению у студентов симптомов экотревожности, которая вызывает губительное поведение, разрушает социальную жизнь, и влияния проявлений экотревожности на психологическое здоровье студенческой молодежи, в котором приняли участие 132 студента I–III курсов направлений подготовки «Психология управления», «Управление персоналом», «Туризм» РЭУ

им. Г. В. Плеханова г. Москвы. Исследование проводилось в сентябре-октябре 2022 года.

Было установлено, что основными экологическими проблемами у студенческой молодежи являются: «загрязнение водоемов», «мусорные свалки» и «загрязнение воздуха», на это указывают больше половины респондентов; более 40 % занимают активную позицию в решении экологических проблем, а также примерно по 1/3 студентов считают, что экологические проблемы оказывают влияние на их психическое и физическое здоровье. Кроме того, был отмечен большой процент студентов (80 %), которые уже имеют умеренную дезадаптацию и наличие проблем с психологическим здоровьем.

Литература

1. *Albrecht, G.* Chronic environmental change: Emerging 'psychoterratic' syndromes / G. Albrecht. — Текст : непосредственный // *Climate Change and Human Well-being* / edited by I. Weissbecker. — New York : Springer, 2011. — P. 43–56.
2. *Pihkala, P.* Anxiety and the Ecological Crisis: An Analysis of Eco-Anxiety and Climate Anxiety / P. Pihkala. — Текст : электронный // *Sustainability*. — 2020. — № 12 (19). — 7836. — URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/19/7836> (дата обращения: 28.02.2023).
3. *Usher, K.* Eco-anxiety: How thinking about climate change-related environmental decline is affecting our mental health / K. Usher, J. Durkin, N. Bhullar. — Текст : непосредственный // *International Journal of Mental Health Nursing*. — 2019. — № 28. — P. 1233–1234.

В. П. Шейнов,

*профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы
(Минск, Беларусь), доктор социологических наук*

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В осуществленном аналитическом обзоре представлены результаты 12 выполненных автором исследований, выявивших связи зависимости от онлайн-коммуникаций с психологическим неблагополучием. Эти исследования выявили «положительные связи зависимости от социальных сетей с зависимостью от Интернета и смартфонов, депрессией, тревожностью, стрессом, низкой самооценкой, кибервиктимизацией, одиночеством, прокрастинацией и отрицательные связи с удовлетворенностью жизнью, успеваемостью школьников и студентов, производительностью труда» [6, с. 607]. При этом «кибериздевательства оказывают негативное влияние на психическое и физическое здоровье их жертв» [7, с. 521].

Автором разработаны надежные и валидные опросники зависимости от мобильного телефона (смартфона), а также от социальных сетей. С их помощью установлено, что «зависимость от социальных сетей положительно коррелирует с интернет-зависимостью, зависимостью от смартфона, со стрессом, прокрастинацией, низким самоконтролем, незащищенностью от кибербуллинга и отрицательно связана с самоуважением» [1, с. 566].

Выявлены «связи зависимости от социальных сетей: положительные — с импульсивностью, нарциссизмом, зависимостью от смартфона и всеми ее факторами и отрицательные — с асертивностью» [3, с. 83].

Установлено наличие «положительных связей зависимости студентов от социальных сетей с импульсивностью, зависимостью от смартфона и всеми ее факторами» [2, с. 188] и «учащихся колледжа — с тревожностью, депрессией, одиночеством, экстраверсией и неудовлетворенностью жизнью» [5, с. 98].

Выявлена «положительная связь зависимости белорусов и украинцев от социальных сетей с тревожностью, депрессией, одиночеством, снижением самооценки и неудовлетворенностью жизнью» [4, с. 46].

Литература

1. Шейнов, В. П. Взаимосвязи зависимости от социальных сетей с психическими состояниями и свойствами ее жертв / В. П. Шейнов, А. С. Девицын. — Текст : непосредственный // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2021. — Вып. 4. — С. 566–573.
2. Шейнов, В. П. Взаимосвязи зависимости студентов от социальных сетей с психологическим неблагополучием / В. П. Шейнов, А. И. Тарелкин. — Текст : непосредственный // Психология человека в образовании. — 2022. — Т. 4, № 2. — С. 188–204.
3. Шейнов, В. П. Взаимосвязь зависимости от социальных сетей и признаков психологического неблагополучия / В. П. Шейнов, А. С. Девицын. — Текст : непосредственный // Социальная и экономическая психология. — 2022. — Т. 7, № 2 (26). — С. 83–106.
4. Шейнов, В. П. Зависимость личности от социальных сетей в белорусском и украинском социумах / В. П. Шейнов, А. С. Девицын. — Текст : непосредственный // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. — 2021. — № 3. — С. 46–54.
5. Шейнов, В. П. Зависимость от социальных сетей и личностные свойства учащихся колледжа / В. П. Шейнов, Н. В. Дятчик. — Текст : непосредственный // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е. Педагогические науки. — 2021. — С. 98–103.
6. Шейнов, В. П. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований / В. П. Шейнов. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». — 2021. — Т. 18, № 3. — С. 607–630.
7. Шейнов, В. П. Опросник «Оценка степени незащищенности индивида от кибербуллинга»: разработка и предварительная валидизация / В. П. Шейнов. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». — 2020. — Т. 17, № 3. — С. 521–541.

Е. А. Ильинская,

*профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии;*

В. В. Никишин,

аспирант кафедры социально-культурных технологий СПбГУП

КОММЕМОРАЦИЯ КАК ИГРА С ПРОШЛЫМ

Время — это удивительный феномен. В иллюзии человеческого линейного времени нам необходимо понять, что в реальности каждого человека может существовать только настоящее. Прошлого уже нет, а будущего еще нет. Все сосредоточено лишь в настоящем моменте — и прошлое, и будущее, и настоящее. Все лежит перед нами, нужно лишь суметь увидеть и познать. Будущее в настоящем представлено воображением. Прошлое же живет в нашей памяти. Здесь и встает актуальнейший вопрос о коммеморации, а именно о том, что мы вызываем из своей памяти в настоящее и для чего это делаем.

Под коммеморацией мы понимаем привнесение в настоящее значимых для нас элементов прошлых событий, для того чтобы еще раз окунуться в эти события, прожить и закрепить их в памяти. Коммеморативные социальные практики реализуют целый ряд функций: коммуникационную, интегративную, социализирующую, идентификационную, информационную, но всегда базируются на индивидуальном осознании прошлого. Причем понимание прошлых событий сильно разнится у непосредственных участников данных событий и тех, кто только слышал о них. В качестве примера можно вспомнить отношение ко Дню Победы ветеранов Великой Отечественной войны, которые понимали, что это очень грустный праздник, и тех, кто сейчас кричит: «Повторим!» Здесь прослеживается индивидуальная эмоционально-экспрессивная вовлеченность в мемориальное действие, которое указывает на то, что коммеморативные практики могут базироваться не на знании или личном опыте, а на эмоциях и чувствах, являющихся зачастую результатом пропаганды.

Термин «коммеморация» происходит от английского слова *commemorate*, что в переводе означает «почтить память», «служить напоминанием», «праздновать годовщину». Данный феномен довольно хорошо разработан, в том числе в рамках близких определений: «вещественные репрезентации памяти» М. Фуко, «памятные места и действия» Л. Мильорати и Л. Мори, «риторика исторического изображения» Й. Рюзен и т. д. В большей мере коммеморация исследовалась в контексте официально организованных мероприятий, являющихся идеологическим

инструментом, частью политики памяти в государстве. Вместе с тем интересным является рассмотрение коммеморации более широко в соответствии с субъектом-инициатором практики.

Инициатором коммеморативной практики может быть один человек (или семья) с целью сохранения памяти о людях или семейных прошлых событиях (индивидуальная коммеморация), группа людей (коллективная коммеморация), общество в целом (общесоциальная коммеморация). Таким образом, коммеморация может быть официальной, то есть организованной представителями власти, и неофициальной, когда организатором выступает неофициальное лицо (стихийная коммеморация).

Индивидуальная коммеморация является результатом глубоких психологических переживаний индивида, указывает на желание вновь и вновь возвращаться к значимым событиям прошлого, порой связанным с ушедшими людьми. Степень перформативности индивидуальной коммеморации зависит только от психологических установок субъекта коммеморации и его желаний.

Коллективная коммеморация может выступать в качестве социального протестного мероприятия, когда организаторы считают, что государство уделяет недостаточно внимания тому или иному событию. В качестве примера можно назвать импровизированный мемориал «Немцов мост» в Москве в память о политике Б. Немцове, поддерживаемый волонтерами.

Примеров общесоциальной коммеморации можно привести много, но нам интересны мероприятия, в рамках которых отчетливо представляются индивидуальные перформативные коммеморативные практики, например всем известная акция «Бессмертный полк». Интересным является то, что люди по-разному относятся к этой акции. Один с удовольствием надевает на себя ордена деда и с гордостью шествует на виду у всех, другой выкладывает портрет своего родственника-героя на страничку в социальных сетях, а третий просто с грустью вспоминает своих родственников и то, с чем им пришлось столкнуться и что пережить.

Основной целью официальных коммеморативных практик является формирование исторической памяти общества через усвоение определенных социальных норм посредством действия или исполнения, то есть не только вербально, но и невербально. Именно публичное участие в мемориальном действии реализует желание индивида идентифицироваться, почувствовать причастность, самореализоваться. Вместе с тем чем публичнее коммеморативная практика, тем больше возника-

ет обсуждений и споров, повышается конфликтность общества. Поэтому использование коммеморации с целью продвижения определенной идеологии в обществе должно проводиться с учетом социального климата и общественного мнения.

Э. В. Барбашина,

*заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного
медицинского университета, доктор философских наук, профессор*

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Подготовка специалистов по социальной работе в Новосибирском государственном медицинском университете происходит с 2002 года. Дипломы бакалавров получили студенты уже 17-го выпуска. Они успешно работают в отделах социальной защиты, геронтологических и реабилитационных центрах, в структурах Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, МЧС и т. д. Обучение осуществляется в заочной форме с применением дистанционных технологий. К настоящему времени накоплен позитивный опыт подготовки специалистов по социальной работе, а также апробированы способы оптимизации процесса обучения.

Единое понимание сущности дистанционного образования отсутствует, что связано с разнообразием средств, различием форматов, широкой областью применения, большим количеством моделей. Большинство авторов согласны с признаками: разделение обучающего и обучаемого во времени и пространстве; организация; технические средства; диалог между участниками, а также подчеркивают планируемость процесса обучения, использование широкого спектра технологий и сертификацию обучения. Основными сложностями являются отсутствие или недостаточная разработанность методического материала и аутентичного контента именно для дистанционного образования и сложности субъектного характера (преподаватели, обучающиеся, администрация, инструкторы).

Процесс дистанционного обучения ориентирован на обучающихся. Его оптимизация предполагает анализ происходящего со стороны студентов и учет полученных результатов. Поэтому первым шагом на пути оптимизации обучения является диагностика. Следует отметить, что по своим личностным характеристикам не все обучающиеся могут

учиться в дистанционном формате. Они должны быть самостоятельными, автономными, инициативными, владеть тайм-менеджментом и в то же время способными работать в команде.

Наибольшую сложность, по мнению студентов, вызывает правильное распределение времени между учебой, работой и семьей. К наиболее значимым недостаткам дистанционного обучения студенты относят невозможность общения с преподавателем и другими обучающимися. К безусловным достоинствам — возможность учиться в удобное время в любом месте, а также совмещать учебу и работу.

Проблема контроля времени минимизируется в нескольких направлениях. Проводятся мини-тренинги, в том числе в дистанционном режиме, на которых разбираются конкретные проблемные ситуации. Осуществляется контроль-мониторинг процесса обучения, результаты которого сообщаются обучающимся. Практически по всем видам работы разработаны и предоставлены обучающимся методические пособия.

Для решения проблемы дефицита межличностного общения организованы чаты, привлечены студенты-тьюторы, которые помогают решать учебные и социальные проблемы. Общение с преподавателями осуществляется с помощью современных средств связи: скайп, почта, чаты. Широко используется формат вебинаров, в рамках которого есть возможность общаться с преподавателем. Кроме этого, проводятся собрания, встречи студентов и преподавателей. Студенты, у которых нет возможности присутствовать, подключаются к занятию с помощью современных средств связи. Для освоения и повышения уровня компьютерной грамотности студентов проводятся мастер-классы, предоставляется возможность пользоваться компьютерами.

Подтверждением правильности выбранного пути по минимизации сложностей дистанционного обучения является успешное прохождение государственной итоговой аттестации.

Л. В. Марищук,

*профессор кафедры психологии и конфликтологии Минского филиала
Российского государственного социального университета (Беларусь),
доктор психологических наук;*

Т. В. Шабалина,

*исполнительный директор обособленного подразделения компании «Хоум эстэйт»
(Полярные Зори, Мурманская обл.)*

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВАХ РАБОТНИКОВ АЭС

Работа в сфере атомной энергетики — это сложная деятельность, требующая большой ответственности. Для оперативного персонала, эксплуатирующего ядерные энергоустановки, вопросы безопасности — абсолютный приоритет. К профессионально значимым качествам (ПЗК) и профессионально важным качествам (ПВК) оперативного персонала выдвигается ряд требований: многочасовая монотонная работоспособность с возможностью моментального реагирования на возникновение внештатных ситуаций; высокая скорость и точность восприятия зрительной и слуховой информации; способность принимать и выполнять соответствующие решения и действия как в штатных, так и в нештатных ситуациях; умение выстраивать коммуникацию, способствующую поддержанию и повышению профессиональной коллективной надежности.

ПВК субъекта деятельности — «совокупность индивидуальных психологических, физических, антропометрических и физиологических особенностей человека, определяющих успешность обучения и деятельности» [1, с. 223].

Что касается ПЗК, то они формируют отношение человека к профессиональным функциям и профессионализации, влияя на профессиональную мотивацию. «Профессионально важные качества, в отличие от профессионально значимых, определяют не отношение к решению профессиональных задач и задач повышения квалификации, а процесс и результат их выполнения» [2, с. 234–235].

Блочный щит управления (БЩУ) является «техническим мозгом» АЭС, поэтому к работе персонала предъявляются жесткие требования: контроль, развитое внимание, ответственное отношение, профессиональные знания, навыки и компетентность.

Проведен сравнительный анализ ПЗК оперативного персонала — держателей лицензии Ростехнадзора на право ведения работ в области использования атомной энергии (ОП БЩУ) и оперативного персонала,

непосредственно влияющего на безопасность работы АЭС (ОП АЭС). Использованы «Методика многостороннего исследования личности» (ММИЛ/ММРІ адаптирована Ф. Б. Березиным и М. П. Мирошниковым); 16-факторный опросник Р. Кеттелла; методика «Корректурная проба с кольцами Ландольта»; методика «Простая сенсомоторная реакция»; U-критерий Манна–Уитни. Определены ПЗК двух групп по 69 человек, отличающихся спецификой работы.

Анализ показал, что у двух групп существуют различия ($p < 0,029$) по шкале социальной интроверсии (нулевая шкала). ОП БЩУ более социально экстравертирован, чем ОП АЭС. Снижение уровня профиля по нулевой шкале отражает стремление к межличностным контактам, что объясняется спецификой работы ОП БЩУ. Персонал проходит большое количество противоаварийных тренировок и тренингов командообразования, работа обязывает их быть слаженной командой и иметь хорошо развитые навыки общения. Повышение уровня профиля у ОП АЭС говорит не об их замкнутости и необщительности, скорее ОП АЭС склонен к интроверсии, так как специфика работы предполагает большее количество индивидуального труда.

В методике «Корректурная проба Ландольта» выявлено различие ($p < 0,048$) по средней точности. Оба типа персонала характеризуются высокими показателями средней точности, но более выраженная способность к безошибочному выполнению деятельности у ОП БЩУ.

Результаты подтвердили, что уровень развития ПЗК оперативного персонала — держателей лицензии Ростехнадзора на право ведения работ в области использования атомной энергии выше, чем у оперативного персонала, непосредственно влияющего на безопасность работы АЭС.

Литература

1. Бодров, В. А. Психология профессиональной пригодности / В. А. Бодров. — Москва : ПЕР СЭ, 2006. — 511 с. — Текст : непосредственный.
2. Поваренков, Ю. П. Системогенетический подход к пониманию профессионально важных качеств субъекта труда / Ю. П. Поваренков. — Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 1. — С. 234–235.

Секция 1
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

Т. А. Адмакина,
доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

**ТРЕВОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО У МАТЕРЕЙ
В СИТУАЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ ОТ ВОСПИТАНИЯ РЕБЕНКА
ПОСЛЕ РАЗВОДА**

Доклад посвящен страхам и тревожным сценариям будущего матерей, оказавшихся в ситуации отчуждения от воспитания ребенка после развода.

Синдром отчуждения родителя — социально-психологическое явление, где один родитель бесосновательно выталкивается из воспитания и жизни общего ребенка вторым родителем (как правило, после развода). Осуществляется это через внедрение в сознание ребенка негативного образа вытесненного родителя.

Отчужденный родитель оказывается в сложной, эмоционально выматывающей ситуации. Он хочет участвовать в жизни ребенка и, как правило, пытается разрешить ситуацию правовым путем, но зачастую это не приводит к восстановлению связи с сыном/дочкой.

Помимо боли и страдания от отсутствия общения с ребенком, чувства вины и стыда за сложившуюся ситуацию, в эмоциональной сфере отчужденных родителей присутствуют беспокойство, тревога за будущее.

В исследовании приняли участие 32 женщины, которые после развода не имеют возможности воспитывать своих детей ввиду того, что те подвергаются психологическому влиянию со стороны отца, который формирует негативный образ матери и отстраняет ее от воспитания. Возраст опрошенных женщин варьирует от 33 до 47 лет. Средний возраст — 33,4 года.

Применялась методика «Родительское сочинение» (автор — профессор О. А. Карабанова), направленная на изучение характера отношения родителя к ребенку и диагностику возможных зон неблагополучия во взаимодействии с ним.

Остановимся на обсуждении шкалы «Я боюсь, что...» Посредством контент-анализа были выявлены следующие категории ответов:

«ребенок будет несчастен» — 28,1 % ответов; «ребенка не будет рядом» (в эту категорию входят такие ответы, как «не могу его обнять», «мы окончательно отдалимся», «не будем общаться») — 25 %; и третья крупная категория — «ребенок будет похож на отца» — 18 %.

Из ответов матерей видно, что в их психическом пространстве строится выражено негативный сценарий, который подпитывает тревогу. Таким образом, беспокойство и отрицательный прогноз оказываются сцеплены, связаны.

Если страх связан с реальным событием, которое разворачивается здесь и сейчас (из-за угла резко выехала машина, и человек оцепеневаает), то тревога — это страх относительно того, что может произойти. Тревога связана со способностью предсказывать будущее и оценивать его последствия, то есть с функцией прогноза. Та же область мозга, возбуждение которой вызывает фоновую тревогу, также порождает чувство предвкушения и воодушевления, если в голове выстраивается желаемое будущее.

Полученные данные можно использовать в психотерапии отчужденных родителей. На стимул «Я боюсь, что...» матери, лишенные общения с ребенком, выдают ответы, которые указывают на выстраиваемую ими тревожную картину мира. Прогнозируя негативный исход, они еще больше погружают себя в чувство безысходности. Получается замкнутый круг.

Цель психотерапии — его разорвать, построив радостный сценарий через состояние воодушевления, веру в себя и возможность положительного исхода.

Литература

Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учебное пособие для вузов по направлению и специальностям психологии / О. А. Карабанова. — Москва : Издат. центр «Академия», 2007. — Текст : непосредственный.

Baker, A. J. L. Behaviors and strategies employed in parental alienation / A. J. L. Baker, D. Darnell. — Текст : непосредственный // Journal of Divorce and Remarriage. — 2006. — № 45. — P. 97–124.

И. Г. Андреева,

профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор биологических наук

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ СТУДЕНТАМ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Курс психофизиологии завершает естественно-научный блок дисциплин об организации и функционировании мозга и нервной системы в целом. Его основные задачи — сформировать профессионально адекватное отношение к психофизиологической проблеме; создать основу для развития навыков оценки психоэмоционального состояния человека, включая самооценку и самоконтроль; усвоить физиологические основы психогигиены; познакомиться с современными методами оценки функционального состояния, вегетативных проявлений эмоций. Практика работы социального психолога предполагает не только знание фундаментальных основ работы мозга и физиологических основ формирования поведения человека, но и знакомство с современными методами, позволяющими дать объективную оценку поведения и психофизиологического состояния человека.

Развитие профессиональных навыков должно происходить через непосредственное знакомство с современным методическим обеспечением развития психофизиологии, включая оценку различных сенсорных функций, определение абсолютных и дифференциальных порогов чувствительности, обнаружение и распознавание речевых сигналов. Глубокое понимание механизмов работы мозга возникает при использовании интегративных подходов и методов, таких как айтрекинг в различных фундаментальных и прикладных исследованиях, применение стабильности в изучении стратегий поддержания позы при разных видах воздействия на индивида, определение функционального состояния и уровня активности по ритмам мозга, параметрам внешнего дыхания и кровообращения [1].

Наряду с традиционными методами психологического тестирования задействование объективных психофизиологических методов расширяет диапазон инструментов диагностики состояния и взаимодействия индивидов. Развитие технологии полиграфа позволяет выполнять в одном психофизиологическом комплексе оценку вегетативных показателей, изучать двигательные реакции индивида, включая окулографию и лицевую экспрессию, оценивать эмоциональное состояние по голосу. Такие комплексы обеспечивают выявление дезадаптации и в дальнейшем проведение профилактических мероприятий. Ознакомление студентов-психологов

с современным перспективным аппаратно-методическим комплексом позволяет значительно увеличить возможности обследования индивидов в направлении их профессиональной ориентации и подбора персонала, профилактики профессионального выгорания, аварийных ситуаций и досудебного разрешения производственных конфликтов [2]. Стрессорные факторы, возникающие в процессе общения небольших групп людей или захватывающие широкие слои общества в периоды пандемий и социальных конфликтов, вызывают состояния функциональной дезадаптации индивидов и наиболее эффективно выявляются аппаратными объективными психофизиологическими методами [3]. Поэтому своевременно сформированные навыки и умения применять данные методы являются важным элементом профессиональной подготовки.

Для социального психолога вопросы биологических основ социального поведения — наиболее актуальная тема. Поэтому представляется исключительно важным обсуждение на семинарских занятиях современных гипотез об эволюционном развитии мозга, включая представление о системе зеркальных нейронов, обнаруженных у человека, млекопитающих и птиц. По мнению ряда исследователей, система зеркальных нейронов в значительной мере обеспечивает такие социально значимые функции, как понимание значения действий и намерений других людей, формирование речи и языка, распознавание эмоций других людей [4].

Таким образом, преподавание психофизиологии в процессе подготовки социальных психологов предполагает глубокое теоретическое ознакомление с основами организации и функционирования нервной системы. И в более развернутом виде требуется изучение работы нейронных структур, обеспечивающих формирование адекватного социального поведения в постнатальном онтогенезе, организацию в зрелом возрасте и его поддержание — в старческом. Для решения этих задач ознакомление с объективными психофизиологическими методами диагностики оказывается важным элементом профессионального обучения.

Литература

1. *Ильин, Е. П.* Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. — Санкт-Петербург : Питер, 2005. — С. 111–148. — Текст : непосредственный.
2. *Психофизиология профессиональной деятельности : учебник для студентов / редактор Р. В. Козьяков.* — Москва : КноРус, 2018. — 414 с. — Текст : непосредственный.
3. *Психофизиология стресса : учебно-методическое пособие / Т. А. Арпаджи, К. А. Бельская, В. В. Гайворонская [и др.] ; под редакцией профессора С. А. Лытаева.* — Санкт-Петербург : СПбГПМУ, 2022. — 44 с. — Текст : непосредственный.
4. *Якобони, М.* Отражаясь в людях: Почему мы понимаем друг друга / М. Якобони ; перевод с английского Л. Мотылева. — Москва : ООО «Юнайтед Пресс», 2011. — 366 с. — Текст : непосредственный.

Д. С. Безносов,

*доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского
государственного института психологии и социальной работы,
кандидат психологических наук*

РОЛЬ МОРАЛИ И НРАВСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Моральные и нравственные нормы играют особую роль в формировании правовых отношений. Представление членов общества о хорошем или плохом поведении в Античности обозначалось термином *mos*, означавшим общепринятые традиции, нормы поведения. Термином *mos* в Древнем Риме обозначали также систему права.

В славянских культурах использовали термин «нравственность» как производное от слова «нрав». В русском языке понятие нравственности связывалось со стремлением к добродетели, с правилами, которыми руководствуется человек.

В системе права нравственность представляет собой высшую ценность, наравне с ценностями справедливости и равноправия. Консолидация общества происходит не только на основе правовых норм, установленных в законодательстве страны, необходимы также твердые моральные и нравственные убеждения.

Мораль — это система чувственных представлений, эксплицитных и имплицитных представлений о добре и зле, о справедливости и несправедливости, о достоинстве и честности. Если закон требует от человека поступать согласно правовым нормам, то мораль предполагает поступки в соответствии с совестью, внутренними убеждениями. В правоведении установлена следующая закономерность: высокий уровень морального сознания членов общества предопределяет соблюдение правовых норм [2, с. 47–48]. Нравственность считается природным побуждением человека, а мораль — социальным явлением.

Г. В. Ф. Гегель также различал эти понятия и утверждал субъективный характер морали — это внутреннее отношение человека к людям. Нравственность создается людьми в результате договоренности о правилах поведения в сообществе и характеризует общие нравы, правила и стереотипы поведения [2, с. 206]. В сообществе людей появляется необходимость создания нравственного закона, регулирующего поведение и взаимоотношения людей. Принятие (интериоризация) этого закона индивидом способствует возникновению морального сознания как особого морального императива, определяющего совесть, долг, понимание справедливости и равенства. Мораль дает человеку возможность

самостоятельно разрешать противоречия между добром и злом, должном и недолжном. В общении люди сталкиваются с различными противоречивыми потребностями и интересами. Нравственные правила и моральные принципы способствуют разрешению этих противоречий. Только в случае невозможности соблюдения договоренностей на основе нравственности и морали люди обращаются к правовым нормам. Гегель подчеркивал взаимосвязь морали и нравственности. Мораль без нравственности означает субъективизм и волюнтаризм, а нравственность без морали приводит к бездумному выполнению правил. Право, не основанное на морали и нравственности, означает бездуховность, формализм и деформацию правовых отношений членов общества. В культуре каждого народа представлена единая триада морали, нравственности и права. Это единство создает солидарность и сплоченность общества вокруг общих целей и ценностей.

Развитие культуры проходит три этапа. Для описания этих этапов Гегель использовал понятие «воля». На первом этапе воля конкретных людей согласуется с волей других. Так формируются объективные нравственные правила. На втором этапе нравственность становится содержанием сознания человека. Так формируется мораль как внутреннее субъективное осознание необходимости соблюдения правил и принципов поведения, предложенных и согласованных сообществом людей. Нравственное поведение регулируется сообществом, моральное поведение определяется волей самой личности, но оценивается сообществом. На третьем этапе общество на основе нравственных правил и моральных принципов разрабатывает правовые законы. Право абстрагируется от волеизъявления каждого члена общества, его потребностей и интересов. Законы дают объективную картину прав и обязанностей каждого члена общества, независимо от его субъективных желаний, потребностей и интересов [1, с. 93].

Таким образом, согласно философии Гегеля, нравственность первична и формируется в процессе общения людей друг с другом. Мораль вторична, она возникает в процессе интериоризации индивидом нравственных правил, выработанных в сообществе. Право — третично, поскольку оно опирается на нравственные и моральные нормы и возникает в результате их экстериоризации. В процессе создания государства представители народа обсуждают и договариваются о правовых нормах, принимают законы. Государство регламентирует и регулирует поведение людей, создает правоохранительные и правоприменительные органы. Постепенно формируются правовое сознание и правовые отношения.

Литература

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; перевод с немецкого, редактирование и составление Д. А. Керимова, В. С. Нерсисянца. — Москва : Мысль, 1990. — 524 с. — Текст : непосредственный.

2. Серков, П. П. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования) / П. П. Серков. — Москва : Норма, 2020. — 688 с. — Текст : непосредственный.

О. А. Белава,

спортивный психолог специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва по футболу Гродненского футбольного клуба «Неман» (Беларусь)

ЗНАЧЕНИЕ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ В ГОТОВНОСТИ ФУТБОЛИСТОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА К СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В деятельности любого спортсмена соревнования являются важной и неотъемлемой частью. Учебно-тренировочный процесс направлен на подготовку к участию в соревновательной деятельности. Следует отметить, что успешность и эффективность участия определяют не только высоким уровнем физической, технической и тактической подготовленности, но и таким психологическим компонентом, как готовность спортсмена к соревновательной деятельности.

По мнению Б. Д. Парыгина [2], психологическая готовность к деятельности является обязательным условием не только ее начала, но и эффективного завершения. Автором подчеркивается особая значимость психологической готовности как фактора эффективной деятельности в экстремальных условиях, в связи с этим отмечается необходимость формирования специальной, в том числе психологической, готовности.

В футболе экстремальность ситуации обусловлена объективными причинами: высокие физические и психические нагрузки, жесткие условия отбора в основной состав команды, высокие скоростные и силовые показатели игроков, принятие мяча в условиях жесткого сопротивления, короткие промежутки времени на принятие решений, возможность получить или нанести травму.

В психологических исследованиях существует различное понимание готовности как психологического компонента. А. Ц. Пуни говорил о готовности к соревнованию, болгарский спортивный психолог Ф. Генов — о мобилизационной готовности. По мнению В. В. Медведева, в этом состоянии мобилизуются такие функции (психические

и физиологические), которые обеспечивают достижение результата в данном виде спорта [1].

Е. П. Ильин отмечает, что состояние готовности к соревнованию связано с волевой мобилизацией физических и духовных сил. Это готовность проявить максимум волевого усилия, не допустить развития неблагоприятного эмоционального состояния, направить сознание не на переживание значимости соревнования и ожидание успеха или неудачи, а на контроль своих действий и действий соперника [1].

В исследовании, проводившемся на базе СДЮШОР СУ ГФК «Неман», приняли участие 45 футболистов подросткового возраста. В качестве метода исследования использовался опросник М. В. Чумакова «Волевые качества личности» (подростковый вариант) [3].

В исследовании был выявлен высокий уровень развития таких качеств, как выдержка (100 % игроков), ответственность (94,4 %), энергичность (91,7 %), внимательность (80,6 %), целеустремленность (94,4 %).

Наличие высокого уровня развития волевых качеств характеризует команду как игроков, умеющих справляться с длительной монотонной деятельностью, терпеливо переносить нагрузки, контролировать эмоциональное состояние, активных, работоспособных, собранных, даже если деятельность неинтересна. Результаты исследования свидетельствуют о том, что у игроков команды есть четко поставленные и осознанные цели.

У 52,8 % игроков команды отмечается низкий уровень развития такого волевого качества, как настойчивость, что может проявляться в реакции деморализации в случае неудачи, низкой фрустрационной толерантности — игроки меньше проявляют гибкость в поведении, могут отказаться от реализации намерения.

Отмечается недостаточное развитие таких волевых качеств, как решительность и инициативность, что может проявляться в склонности к сомнениям и нерешительности, в длительном принятии решения. Действия как отдельных игроков, так и команды в целом становятся неуверенными, на принятие и реализацию решения затрачивается большое количество времени, что в условиях интенсификации игры недопустимо.

В исследовании волевых качеств личности футболиста подросткового возраста анализировались значения эмоционально-волевой регуляции. По результатам исследования было выявлено, что только у 30,6 % спортсменов-футболистов высокий уровень развития эмоционально-волевой регуляции, у 69,4 % выявлен умеренный уровень развития.

Футболисты с высоким уровнем развития эмоционально-волевой регуляции демонстрируют более самостоятельное, независимое и уверен-

ное поведение, умеют распределять свои усилия, ответственны, хорошо контролируют свои эмоции, быстро и независимо принимают решения, являются более надежными и стабильными в соревновательном процессе.

Таким образом, волевые качества являются важной составляющей в оценке готовности спортсмена к спортивной деятельности, что содействует сознательному управлению своим состоянием в экстремальных условиях соревновательной деятельности.

Литература

1. Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. — Санкт-Петербург : Питер, 2000. — 288 с. — Текст : непосредственный.
2. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : ИГУП, 1999. — 592 с. — Текст : непосредственный.
3. Чумаков, М. В. Эмоционально-волевая сфера личности подростков и ее диагностика / М. В. Чумаков. — Текст : непосредственный // Вестник практической психологии образования. — 2015. — № 1 (42). — С. 83–85.

Е. А. Березная,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат искусствоведения;

М. П. Логинова,

магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГЕНДЕРНОЙ ДИСФОРМИИ У ДЕТЕЙ

Гендерная идентичность — элемент личностной идентичности, который включает самоощущение человека как представителя определенного пола, соответствующее гендерное поведение и формируется в процессе социализации [1, с. 155].

Существует такое явление, как расстройство гендерной идентичности, — гендерная дисфория. Оно заключается в несоответствии биологического пола и самоощущения. Современная российская культура придерживается традиционных ценностей. В результате взрослому человеку с гендерной дисфорией сложно признаться в своей идентичности, что порождает у него различные неврозы, фрустрацию.

Кеннет Дж. Цукер и Сьюзен Дж. Брэдли отмечают, что у взрослых людей с гендерной дисфорией недовольство своим полом часто возникло еще в детстве [3, с. 18]. Таким образом, можно отметить наличие связи между детским гендерным поведением и гендерной идентичностью у взрослых. Определение у ребенка гендерной дисфории и работа

с ней могут помочь ему в преодолении тревожности, дистресса, социального остракизма.

Расстройство гендерной идентичности у детей может проявляться в следующем (для мальчиков и девочек признаки сходны): переодевание (травестизм); заявление о принадлежности к другому полу; выбор игрушек и ролевых игр (мальчик проявляет интерес к типично девчачьим игрушкам, выбирает пассивные игры, сторонится общества мальчиков-сверстников, избегает командных видов спорта и проявления агрессии; девочка выбирает мальчишеские игрушки, активные игры, похожие на драку); особенности моторики и речи (мальчик демонстрирует типично женские повадки, говорит более низким голосом; девочка — типично мужские повадки, говорит более низким голосом) [3, с. 22]. Подобные поведенческие черты обычно проявляются в дошкольном возрасте и переходят в подростковый при наличии нарушений гендерной идентичности.

Стоит отметить, что большую роль в развитии гендерной дисфории играют родители. Социально-психологическими факторами, влияющими на восприятие гендера, становятся особенности воспитания и взаимоотношений с родителями обоих полов. Так, при серьезных потрясениях и стрессах, причиной которых становится родитель того же пола, у ребенка может развиться его активное отторжение и, как следствие, не формируется адекватная половая идентификация. Другим фактором гендерной дисфории может быть негативное подкрепление со стороны родителей, недовольных реальным полом своего ребенка. В семьях, где изначально хотели ребенка другого пола, встречаются резкое неприятие и попытка его «переделать», не всегда осознаваемая. Девочек вовлекают в «мужские» виды спорта, мальчиков — в «женскую» деятельность, не дают включаться в ролевые модели взаимодействия, соответствующие реальному полу ребенка, не покупают определенные игрушки.

При этом в современных условиях объединение черт «мужского» и «женского» становится важным для адаптации и успешного функционирования, появляется «мода» на андрогинность [2, с. 34], родители могут поощрять проявление у ребенка черт, не соответствующих традиционному пониманию его пола. В связи с этим иногда сложно заметить истинные проявления гендерной дисфории.

Стоит отметить, что родители обычно по-разному реагируют на межгендерное поведение мальчиков и девочек [3, с. 55]. Это связано с тем, что женоподобное поведение мальчиков более очевидно, чем мужеподобное поведение девочек. К тому же существует представление о девочке-сорванце, поведение которой не вызывает тревожных ассоциаций с нарушением гендерной идентичности.

Подводя итог, стоит отметить, что в современном российском обществе тема гендерной дисфории особенно актуальна. Психологическое сопровождение детей с ярко выраженным межгендерным поведением является залогом их успешной адаптации в социуме и сохранения психологического здоровья.

Литература

1. *Дресвянина, А. В.* Понятие «гендерная идентичность»: сущность и основные исследовательские подходы / А. В. Дресвянина. — Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2009. — № 4. — С. 154–157.
2. *Харламова, Т. М.* Роль гендерной идентичности в выборе стратегий поведения в конфликте / Т. М. Харламова, А. В. Ряпсова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 1. Психологические и педагогические науки. — 2019. — № 1. — С. 25–35.
3. *Цукер, К. Дж.* Расстройства гендерной идентичности и психосексуальные проблемы у детей и подростков / К. Дж. Цукер, С. Дж. Брэдли. — Москва : ИД «Городец», 2021. — 640 с. — Текст : непосредственный

Е. А. Бережная,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат искусствоведения,

Т. В. Романов,

магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Проблема адаптации молодежи к такому этапу жизни, как студенчество, носит актуальный характер. Можно сказать, что студенчество является естественным периодом жизни человека, будь то учеба в колледже, техникуме или университете. Особую сложность этот период представляет для иногородних студентов. В связи с увеличением возможностей мобильности населения Российской Федерации и поступления в иногородние вузы может возникнуть проблема с адаптацией в новом, непривычном для бывшего школьника пространстве. Смена места проживания, сепарация от родительского дома, самостоятельное распоряжение финансами — все это требует особого волевого контроля, умения перестраиваться под новые жизненные реалии. При поступлении в вуз абитуриент уже имеет некоторый жизненный опыт, психологические установки, выработанные правила поведения, однако в процессе погружения в новую социально-психологическую среду все это может претерпевать изменения.

В широком смысле адаптация подразумевает способность к приспособлению к внешней среде; способность организма перестраивать внешние и внутренние процессы в соответствии с новыми для него условиями [3].

Трудности адаптации в новом социальном и психологическом изменении для студента могут заключаться в плохо развитой способности к перестройке и освоению новых для него способов работы с информацией; в расхождении его ожиданий и реальности учебной деятельности. В вузе студент знакомится с новой системой организации образовательного процесса, отличным от школы, вовлекается в новую структуру взаимоотношений. Успешная адаптация в высшем учебном заведении является фактором повышения производительности учебной и будущей профессиональной деятельности, эффективности усвоения знаний, профессиональных навыков и компетенций. Студенчество играет важную роль в развитии и становлении личности. На этом этапе происходит преодоление трудностей взрослой жизни, как учебных, так и бытовых [1].

Сложности у студентов возникают и в связи с тем, что они находятся в незрелом возрасте и им буквально самим приходится познавать самостоятельную жизнь путем проб и ошибок. На этом фоне проявляются и такие черты, как внушаемость, излишняя открытость, выражающиеся в активном поиске единомышленников. При этом для студентов более важно сохранять новое окружение, личные связи, чем повышать свою успеваемость в вузе.

Вузовская адаптация является длительным процессом, так как заканчивается она только к концу II — началу III курса. Студент на протяжении нескольких лет формирует в себе самоконтроль, самоорганизованность, ответственность перед самим собой за результаты учебной деятельности [2]. Данный этап также характеризуется сменой не только места учебы, но и зачастую места жительства, условий проживания, коллектива. Студентам предстоит приспособиться к новой группе таких же первокурсников. Важным для приспособления студентов при этом является погружение в новые для них правила и нормы университета.

А. Г. Маклаков утверждает, что главная проблема первокурсников — огромная нагрузка. С каждым семестром увеличивается объем новой информации и заданий, а темы для изучения становятся сложнее. По причине своей неопытности в выстраивании самостоятельной работы студенты зачастую откладывают подготовку на последние дни, из-за чего им приходится бездумно зубрить материал [4].

Важным условием, которое способствует большей продуктивности при адаптации, является содействие вуза. Благодаря системе кураторства

у студентов есть больше возможностей познакомиться с жизнью внутри высшего учебного заведения. Такой контроль за первокурсниками помогает им лучше освоиться в новом месте, реализовать потребности, которые могут заключаться не только в учебной деятельности, но и, к примеру, в творческой, общественной и т. п.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что адаптация для студентов является одним из ключевых этапов в жизни. Успешность процесса адаптации в целом может способствовать дальнейшему эффективному освоению профессии и погружению в трудовую деятельность.

Литература

1. *Ананьев, Б. Г.* Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев ; главный редактор В. В. Усманов. — [3-е изд.]. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 288 с. — Текст : непосредственный.
2. *Безюлева, Г. В.* Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов / Г. В. Безюлева. — Москва, 2008. — Текст : непосредственный.
3. Большой психологический словарь / под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — Москва : Прайм-Еврознак, 2003. — Текст : непосредственный.
4. *Маклаков, А. Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков. — Текст : непосредственный // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22, № 1. — С. 16–24.

М. А. Блохина,

магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

В. Н. Мунгалов,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ СТУДЕНТОВ

В актуальную сферу научных отраслей входит исследование качества жизни человека. В психологии данный феномен рассматривается с позиции экзистенциальной исполненности, которую А. Лэнгле определяет как персональное ощущение человеком «внутреннего согласия с событиями проживаемой жизни, принадлежности себе; вера в свои возможности», неотъемлемой частью которого является осуществление свободного выбора [6, р. 37].

Студенты как социальная группа более подвластны кризисным ситуациям, преодоление которых зависит от наличия личностных ресурсов; одним из них является экзистенциальная исполненность. В этот период

актуализируется потребность в обнаружении смысла жизни как ориентира для самореализации в профессиональной области, в создании семьи с человеком, с которым совпадают ценности [1]. Наполненная смыслом жизнь является нерушимой опорой при столкновении с разного рода трудностями [5]. Для переживания экзистенциальной исполненности человеку необходимы осуществление четырех фундаментальных мотиваций (фундаментальное доверие, фундаментальная ценность, самооценка, смысл жизни), а также активизация таких личностных характеристик, как свобода, ответственность, решительность и рефлексия, поскольку эти качества способствуют самопониманию, осуществлению выбора в соответствии с собственной ценностной системой [3].

Уникальным инструментом в познании себя, восприятии своего опыта и чувствовании экзистенциальной исполненности выступает рефлексивность [4]. Д. А. Леонтьев и Е. Н. Осин определили качественно разные формы рефлексии: системная рефлексия основана на самодистанцировании и способности посмотреть на себя со стороны; интроспекция нацелена на анализ актуального состояния (самокопание); квазирефлексия — «уход» от анализа ситуации «здесь и сейчас» в потенциально возможные или фантазийные размышления [2].

Исследование, результаты которого приводятся ниже, проведено М. А. Блохиной под руководством В. В. Хороших.

Цель — изучение особенностей переживания экзистенциальной исполненности студентами с разным уровнем и типом рефлексивности.

Гипотеза: переживание экзистенциальной исполненности у студентов с разным уровнем и типом рефлексивности имеет специфические особенности.

В исследовании приняли участие 100 студентов (69 % девушек и 31 % юношей) в возрасте от 18 до 26 лет, обучающихся в российских вузах (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Томский государственный университет и др.) на различных направлениях подготовки: 70 % гуманитарные, 17 % — технические, 13 % — другие.

Для определения типа и уровня рефлексивности использовался опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (ДТР) Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина (2009); степень экзистенциальной исполненности измерялась при помощи следующих методик: «Тест экзистенциальных мотиваций» (ТЭМ) В. Б. Шумского, Е. М. Уколовой, Е. Н. Осина, Я. Д. Лупандиной (2016), «Шкала экзистенции» (Existenz-Skala, ESK) Кристин

Орглер (Christine Orgler) (1988–1989) в адаптации С. В. Кривцовой. Полученные результаты обрабатывались при помощи программы статистической обработки (SPSS).

По результатам корреляционного анализа была установлена прямая взаимосвязь между системной рефлексией и компонентами экзистенциальной исполненности. Подобные данные указывают на то, что с повышением уровня системной рефлексии возрастает и устойчивость студентов к включению их в созависимые отношения: для студентов характерны более глубокие и осмысленные представления о жизни, большая самостоятельность и свобода в принятии решений.

Наибольшее число обратных взаимосвязей установлено между интроспекцией и компонентами экзистенциальной исполненности. Этот результат может указывать на актуализацию самоисследования студентов при возникновении сложностей в построении траектории собственной жизни, при переживании ощущения ее бессмысленности.

Также были выявлены обратные взаимосвязи между квазирефлексией и составляющими экзистенциальной исполненности. Это может указывать на «уход» студентов в сторонние, потенциально возможные, но нереальные размышления при ощущении бессмысленности жизни, отсутствии доверия к миру, себе, собственным решениям.

Литература

1. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. — Москва : Просвещение, 1989. — 256 с. — Текст : непосредственный.
2. Леонтьев, Д. А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин. — Текст : непосредственный // Психология : журнал Высшей школы экономики. — 2014. — Т. 11, № 4. — С. 110–135.
3. Лэнгле, А. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика исследования / А. Лэнгле, Е. М. Уколова, В. Б. Шумский. — Москва : Логос, 2014. — 556 с. — Текст : непосредственный.
4. Ниязбаева, Н. Н. Экзистенциальная исполненность человека в переживании ценностей / Н. Н. Ниязбаева. — Текст : непосредственный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2019. — Т. 8, № 5А. — С. 219–224.
5. Франкл, В. Психотерапия на практике / В. Франкл. — Санкт-Петербург : Речь, 2001. — 256 с. — Текст : непосредственный.
6. Langle, A. Grandiose loneliness. Narcissism as an anthropological-existential phenomenon / A. Langle. — Текст : непосредственный // Moscow psychotherapeutic journal. — 2002. — № 2 (33). — P. 34–58.

В. В. Блюм,*доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук*

ПСИХОЛОГ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Формированию образа психолога способствуют популяризация психологии и доступность интернет-источников. Психолога часто воспринимают как волшебника или человека, который анализирует бессознательное. Встречаются и не очень лестные высказывания о психологе: мозгоправ, шарлатан, что обусловлено распространением псевдопсихологов, снижающих авторитет настоящих специалистов.

Все же у большей части общества появляется представление о психологе как специалисте, помогающем понять и принять самого себя, пережить кризисные этапы жизни, справиться с трудностями. Психолог помогает человеку осознать причины проблемы, раскрыть свой потенциал и самостоятельно найти выход из сложной ситуации.

Цифровизация повлияла на все сферы человеческой жизни. Современные технологии призваны преобразовывать мир. И. Г. Хангельдиева отмечает: «Природа технологий нейтральна. Степень и качество их влияния на цивилизацию зависят от целеполагания и заложенных в них человеческих смыслов» [4, с. 52].

Мы опросили студентов СПбГУП направления подготовки «Психология», которые назвали следующие плюсы и минусы профессиональной деятельности психолога в онлайн-формате.

Отмечены следующие плюсы онлайн-работы для психолога: возможность оказывать помощь удаленно из любой точки мира; комфортные условия работы из дома; меньше времени и расходов на дорогу; меньше расходов на аренду помещения; все необходимое для консультации находится под рукой; возможность работать с теми людьми, которым тяжело говорить с незнакомыми, и др.

Минусы онлайн-работы для психолога: невозможность увидеть целостную картину состояния клиента, все невербальные проявления клиента (движения рук, ног, позу); могут возникнуть сложности с пониманием эмоций и состояния; сложнее поддерживать контакт, в том числе и контакт глаз; для некоторых категорий людей такой формат невозможен в силу возрастных, индивидуально-личностных особенностей; не все методики можно использовать в данном формате либо к ним необходимо заранее готовиться; отсутствует возможность применять методы, подразумевающие физический контакт и живое общение; могут быть помехи или отключение Сети; нельзя проконтролировать обстановку вокруг клиента, чтобы его ничто не отвлекало; сидячий образ жизни;

необходимо разбираться в информационных технологиях, быть мобильным и быстро переключаться; эффективность работы в онлайн-формате ниже, чем при работе вживую.

Плюсы онлайн-работы для клиента: возможность выбора лучшего специалиста благодаря Сети; для некоторых категорий людей такой формат будет удобнее; можно оставаться в комфортной для себя обстановке; меньше времени и расходов на дорогу; услуги онлайн-психолога стоят дешевле; можно проводить сессии в перерывах между другими делами; проще оптимизировать время; снижается риск опоздать, потерять предоплату.

Минусы онлайн-работы для клиента: могут быть помехи или отключение Сети; боязнь «слежки», записи сеанса; нет полной гарантии конфиденциальности и кибербезопасности; для некоторых категорий людей такой формат невозможен в силу возрастных, индивидуально-личностных особенностей; большое количество отвлекающих факторов; отсутствие живого общения, тактильного контакта снижает доверие и вызывает недопонимание; сложнее делиться своими переживаниями, нет ощущения эмпатии; не возникает особая атмосфера, которая могла бы сложиться на офлайн-встрече.

Итак, востребованными для будущих психологов, кроме фундаментальных знаний, становятся метанавыки (метакомпетенции) коммуникаций, умение работать с очень большими объемами информации (Big Data) [4]. Психологу необходимо быть мобильным, гибким, обладать развитыми метанавыками (meta skills), которые расширяют и формируют гибкие навыки (soft skills) в профессиональной деятельности. К основным из них относят рефлексивность, эмоциональный интеллект, принятие себя и других, конгруэнтность, принятие неопределенности, осознанность как внимание к себе [1; 2].

«Рефлексивный компонент представляет собой интегрирующее звено в структуре профессиональной идентичности специалиста в области психологии и актуален на всех ступенях профессионального развития» [3, с. 274]. И. Н. Семенов выделяет следующие виды рефлексии профессиональной деятельности:

- 1) ситуативную — осмысление мотивов профессиональных действий;
- 2) ретроспективную — осознание принятых решений, осуществленных действий и отношения к ним, например определение коррекционно-развивающих задач или выбор психодиагностических методов;
- 3) перспективную (самую важную) — «осознание способов прогнозирования профессионального развития и учет факторов риска в профессиональной деятельности психолога» [3, с. 276].

Таким образом, невозможно получить образование на всю оставшуюся жизнь, не обновляя профессиональные знания и навыки. Современный психолог, по мнению студентов-психологов, — «продвинутый специалист, который хорошо разбирается в новых технологиях, активно использует их в профессиональной деятельности»; «постоянно повышает квалификацию, стремится к новым знаниям, умениям и техникам»; «много читает, анализирует, изучает и применяет навыки более опытных в своей профессии»; «многофункциональный, гибкий»; «способный сосредоточить внимание на клиенте, не отвлекаться на внешние факторы» и «умеющий эффективно работать, не имея непосредственного контакта».

Литература

1. *Асмолов, А. Г.* Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции / А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов. — Москва : Акрополь, 2018. — 212 с. — URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/9e2/9e2f20ef577a4b21d27dda5a674c4453.pdf> (дата обращения: 25.02.2023). — Текст : электронный.
2. *Даниленко, Л. П.* Мета навыки и метакомпетенции как учебные стратегии образовательного процесса / Л. П. Даниленко. — Текст : электронный // Дневник науки. — 2019. — № 4 (28). — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38231421> (дата обращения: 25.02.2023).
3. *Кузнецова, О. В.* Введение в профессию: психолог : учебник и практикум для вузов / О. В. Кузнецова ; под редакцией Л. Ф. Обуховой. — Москва : Юрайт, 2023. — 440 с. — Текст : электронный // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/511141> (дата обращения: 25.02.2023).
4. *Хангельдиева, И. Г.* Цифровая эпоха: возможно ли опережающее образование? / И. Г. Хангельдиева. — Текст : электронный // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. — 2018. — № 3. — С. 48–60. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35572086> (дата обращения: 25.02.2023).

М. С. Бриль,

*и. о. заведующего кафедрой психологии кризисных и экстремальных ситуаций
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат психологических наук*

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ХОДЕ РЕФЛЕКСИВНО-ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

Поскольку рефлексивно-психодинамический тренинг не является широко распространенной методикой подготовки психологов и специалистов по социальной работе, целесообразно уделить внимание его описанию. Данный подход был сформулирован преподавателями факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

и сотрудниками Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева.

Упомянутый тренинг проводится в качестве методики подготовки психологов и направлен на приобретение участниками опыта естественного взаимодействия в группе с возможностью его рефлексии и анализа. Безусловно, подобная формулировка не делает суть процесса хоть сколько-нибудь понятной. Объективно рефлексивно-психодинамический тренинг представляет собой длительный групповой процесс, в котором ведущие не предлагают участникам каких-либо упражнений, исключая собственную активность, а любые взаимодействия в группе инициируются и развиваются участниками. Это условие является необходимым для восприятия развивающихся процессов как естественных, а не искусственно направляемых. В начале тренинга участникам озвучивается его цель — получение опыта живого взаимодействия в пространстве, позволяющем осознать собственные реакции, а также процессы, происходящие в группе. К последним можно отнести борьбу за лидерство в различных аспектах, формирование и столкновение малых групп, взаимную поддержку или, наоборот, конфронтацию участников. Под реакциями мы понимаем возникающие в ходе тренинга мысли, чувства, эмоции и состояния. Часть из них проявляется в поведении участников, однако степень открытости этих проявлений строго цензурируется. И здесь мы подходим к особенностям самопрезентации личности в рефлексивно-психодинамическом тренинге.

В повседневной жизни человек стремится взаимодействовать с окружающими таким образом, чтобы создаваемый им образ себя в глазах других людей подтверждался. По этой причине даже самый открытый и искренний человек бессознательно говорит и совершает действия таким образом, чтобы они не противоречили его образу зеркального «я». В противном случае у человека возникнет противоречие, которое потребует ответа на вопрос: ошибаюсь ли я в своем представлении, раз совершаю действия, ему противоречащие? В борьбе идеи и поведения предпочтение отдается поведению — его труднее изменить, а значит, разумный выход — не поступать вразрез с собственными представлениями. Когда нам не удастся сдержать собственную нежелательную реакцию (или мы чувствуем, что скоро нам это не удастся), мы стремимся прервать взаимодействие, переключиться или покинуть пространство, рискующее стать для нас небезопасным. На рефлексивно-психодинамическом тренинге участники сделать это не в состоянии: группа является закрытой, единственное правило — необходимость полного присутствия. В представленных

обстоятельствах личности приходится демонстрировать иные формы защиты собственной идентичности.

Часто в начале тренинга участниками овладевает удивление неопределенности процесса. Им предстоит длительное время находиться вместе, а никаких попыток структурировать это пространство ведущими не предпринимается. Следуя потребности определить собственную реальность, а также под влиянием прошлого опыта участники нередко пытаются выработать перечень правил, на основании которых они будут взаимодействовать в дальнейшем. В том числе процесс обсуждения правил кажется им достаточно нейтральным, чтобы присмотреться друг к другу и одновременно не выдать чрезмерно себя настоящего. В других форматах групповой работы правила нужны, чтобы создать определенный формат взаимодействия, при котором у участников возникает ощущение безопасности и контроля за происходящим. В рефлексивно-динамическом тренинге обсуждение правил — отчаянная попытка самих участников контролировать происходящий процесс.

Из описания этого процесса становится понятно, что главное стремление личности (если можно так охарактеризовать бессознательный процесс) в рефлексивно-психодинамическом тренинге — контролировать собственные проявления, однако это не представляется возможным. Нежелание раскрываться и демонстрировать спонтанные реакции перед другими участниками группы приводит к длительным паузам, в ходе которых возрастает напряжение от противоречия желаний — высказаться или промолчать. Участники используют нейтральные темы: обсуждение прошлых событий, мировых новостей, совместные игры — все это со временем утрачивает свою актуальность, поскольку становится ясно, что участники спонтанно проявляют себя в любом процессе, а в кругу постоянно бодрствующих свидетелей скрыть или исказить эти проявления невозможно.

В завершение хочется отметить, что в последние годы способы защиты, которые выбирает личность, пополнились новыми инструментами, однако это уже тема для отдельного разговора.

А. Ю. Вакульчик,

*специалист кафедры общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета (Минск)*

Уязвимость к интернет-аддикции на этапе юношества

Последние два десятилетия цифровые технологии основательно интегрировались в повседневную жизнь человека. Такие базовые сферы, как учеба, работа и досуг, хотя бы частично перенесены в онлайн-пространство. Влияние пандемии COVID-19 на данную тенденцию очевидно. Благодаря тотальной цифровизации создается иллюзия жизни в онлайн-пространстве. Размытие границ реального и виртуального миров, в свою очередь, детерминировало появление феномена интернет-аддикции.

Публикации демонстрируют широкий спектр формулировок в отношении дисгармоничного пользования Интернетом: интернет-аддикция [6], интернет-аддиктивное расстройство [5], онлайн-аддикция, интернет-зависимость, проблемное использование Интернета [1], патологическое пользование Интернетом.

На сегодняшний момент феномен интернет-аддикции остается спорным. В научной литературе ее относят к категориям нехимических и поведенческих, связывая с технологической и кибераддикцией.

Интернет-аддикции присуща сосредоточенность целей и ценностей человека в онлайн-пространстве наряду с потерей интереса к реальной жизни.

Основой для возникновения и дальнейшего сохранения аддиктивного поведения являются следующие переменные:

1) притягательность виртуального пространства (доступность, анонимность, пользовательский контроль за действиями в Интернете, возможность эскапизма) [4; 6];

2) особенности среды (благополучие семьи, материальный достаток, отношения в студенческом коллективе) [1];

3) психологическое состояние пользователя (стресс, одиночество, суицидальный риск, психические расстройства);

4) личностные характеристики пользователя (внушаемость, кризис идентичности, склонность к избеганию неудач, слабая сила воли, впечатлительность, эмотивность, импульсивность, тревожность) [2].

Приведенные характеристики, особенно свойственные человеку на этапе юношества [3, с. 121], являются предпосылками интернет-аддикции. Притягательность Интернета для молодежи объясняется возможностью отвлечься от давящей реальности с грузом ответственности

перед взрослостью и задачей выбора ориентиров на дальнейшую жизнь, компенсировать неудачи, восполнить дефицит коммуникации и найти единомышленников. Необходимость осмысления своей индивидуальности выражена потребностями в духовном контакте, проявлении соучастия и зеркале («другом я») [3, с. 231]. Преодоление человеком кризиса идентичности в онлайн-пространстве путем отождествления с «я-виртуальными» и другими пользователями чревато размыванием субъектности.

Чрезмерная включенность в Сеть способна стать препятствием на пути юношей и девушек к социальной зрелости, адаптированности, автономности и проявлению индивидуальности. Интернет-аддикция проявляется снижением навыков социального взаимодействия, информационными перегрузками, высокой тревожностью, трудностями контроля поведения, эмоциональной лабильностью, снижением продуктивности.

Высокие рефлексивность, самоконтроль, адаптивность и осмысленность жизни являются свойствами, препятствующими дисгармоничному пользованию Интернетом [2]. Основным условием профилактики интернет-аддикции является осмысленное использование Интернета в качестве инструмента достижения целей человека в реальном мире.

Литература

1. Колесников, В. Н. Интернет-активность и проблемное использование Интернета в юношеском возрасте / В. Н. Колесников, Ю. И. Мельник, Л. И. Теплова. — Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал. — 2019. — № 1 (33). — С. 34–46.
2. Колмогорцева, А. А. Психологические предикторы и «протекторы» интернет-зависимости студенческой молодежи / А. А. Колмогорцева, Е. А. Рылская. — Текст : непосредственный // Образование и наука. — 2022. — Т. 24, № 5. — С. 122–146.
3. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : ИГУП, 1999. — 592 с. — Текст : непосредственный.
4. Griffiths, M. D. Online addictions: Conceptualizations, debates and controversies / M. D. Griffiths, H. M. Pontes, D. J. Kuss. — Текст : непосредственный // *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*. — 2016. — Vol. 3, № 2. — P. 151–164.
5. Saliceti, F. Internet Addiction Disorder (IAD) / F. Saliceti. — Текст : непосредственный // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — 2015. — Vol. 191. — P. 1372–1376.
6. Young, K. S. Internet Addiction: Symptoms, Evaluation, And Treatment / K. S. Young. — Текст : непосредственный // *Innovations in Clinical Practice: A Source Book*. — 1999. — Vol. 17. — P. 19–31.

А. Ю. Векшина,

магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

В. Н. Мунгалов,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

ОПЫТ ПОДБОРА ПАКЕТА МЕТОДИК ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ

Во второй половине XX века в отечественной психологии интенсивно изучались различные функциональные состояния: физическая и умственная работоспособность (интеллектуальная выносливость), утомление, монотония, психическое пресыщение и др. На этапе изучения исследователями была обозначена проблема, заключающаяся в определении принципа подбора методик для измерения уровня умственной работоспособности [4]. Сложность подбора методик для диагностики заключалась в необходимости учета специфического воздействия различных факторов на центральную нервную систему [2], благодаря чему в работах Н. Д. Левитова, М. И. Виноградова, А. С. Егорова, В. П. Загрядского, В. И. Рождественской, В. В. Суворовой были выделены объективные (психофизиологические) и субъективные показатели, в дальнейшем определившие подход к интегральной оценке работоспособности при умственном труде. Также следует упомянуть лонгитюдное исследование В. А. Толочка, в котором он выделил различные закономерности и детерминанты умственной работоспособности (интеллектуальной выносливости). Сущность исследования сводится к подробному описанию объективных (изменение количественных и качественных показателей результатов деятельности) и субъективных (выраженность усталости, утомления, болезненных ощущений) показателей [5].

На основании анализа теоретических и экспериментальных подходов было сформулировано рабочее определение интеллектуальной выносливости — способности, сохраняющей темп и результативность выполнения заданий при работе с информацией в течение длительного времени. В качестве основы для диагностики был выбран следующий пакет методик: опросник САН (самочувствие, активность, настроение) и систематизированный подбор заданий на лингвистический, числовой и зрительно-пространственный интеллект, предложенные Г. Айзенком [1].

Таким образом, на основании работ исследователей и собственного теоретического анализа для обоснования выбора подобранных методик были выделены следующие факторы, влияющие на интеллектуальную

выносливость при ее диагностике у студентов: психическое здоровье; физическое здоровье; степень адаптации к умственной деятельности; умственное развитие; условия труда [3].

Вышеназванные аспекты важны при диагностике интеллектуальной выносливости, и их рассмотрение возможно на первом этапе диагностики при предоставлении студентам опросника на самочувствие, активность и настроение (САН). Опросник САН можно использовать для формирования выборки, где в итоге диагностики из выборки исключаются те, у кого на момент ее прохождения было плохое самочувствие.

Результативность — один из аспектов интеллектуальной выносливости согласно рабочему определению, поэтому вторым этапом диагностики является выполнение студентами заданий на разные виды интеллекта, на прохождение которых отводится 40 минут. Диагностика включает 90 заданий, которые чередуются по видам интеллекта и имеют тенденцию к постепенному возрастанию уровня сложности. Таким образом, представляется возможным отражение результативности в условиях напряженной работы, необходимым становится сравнение общего количества решенных задач и количества правильно решенных задач. Важным остается и отслеживание темпа работы при выполнении заданий: наблюдение осуществляется посредством обозначения временных интервалов каждые 10 минут, которые по команде студенты отмечают вертикальной чертой в бланках диагностики.

Анализируя содержательные аспекты умственной работоспособности (интеллектуальной выносливости), выявленные в ходе теоретического обобщения и ориентации на исследования психологов, можно установить, что предлагаемый выбор методик позволяет диагностировать интеллектуальную выносливость у студентов разных курсов.

Литература

1. Айзенк, Г. Природа интеллекта — битва за разум: Как формируются умственные способности / Г. Айзенк, Л. Кэмин. — Москва : Эксмо-Пресс, 2002. — 352 с. — Текст : непосредственный.
2. Егоров, А. С. Психофизиология умственного труда / А. С. Егоров, В. П. Загрядский. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. — Текст : непосредственный.
3. Лифанова, Е. В. Физиолого-гигиенические аспекты трудовой деятельности человека / Е. В. Лифанова. — Волгоград : ВолГМУ, 2006. — 105 с. — Текст : непосредственный.
4. Марищук, В. Л. Функциональные состояния и работоспособность / В. Л. Марищук. — Текст : непосредственный // Методология исследований по инженерной психологии и психологии труда / под редакцией А. А. Крылова. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1974. — Текст : непосредственный.
5. Толочек, В. А. Циклы в динамике умственной работоспособности: 1-месячные, 2-месячные и 1-летние циклы. Ч. 1 / В. А. Толочек. — Текст : непосредственный // Психологический журнал. — 2019. — Т. 40, № 4. — С. 57–72.

Н. С. Ганатовская,

*педагог-психолог средней общеобразовательной школы № 365 им. М. П. Краснолуцкого
Фрунзенского района Санкт-Петербурга*

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

С начала пандемии COVID-19 в профессиональном психологическом сообществе, средствах массовой информации и даже на уровне государственной власти подчеркиваются возрастающая потребность общества в получении квалифицированной психологической помощи и значимость работы психологов-консультантов, оказывающих помощь и поддержку не только взрослым, но и детям.

Актуализируются проблемы психологического здоровья личности и общности в кризисных ситуациях; проблемы развития, самореализации и гармонизации личности в современных условиях. Вызовы времени показали недостаточность методического сопровождения профессиональной деятельности специалистов служб социального и психолого-педагогического сопровождения школ и актуализировали вопросы этических и правовых основ работы не только психологов, но и смежных специалистов.

Согласно распоряжению Комитета по образованию «целью психолого-педагогической помощи и психолого-педагогического сопровождения является создание обучающимся условий для обучения с учетом особенностей их психофизического развития и состояния здоровья, в том числе получение социально-педагогической и психологической помощи, направленной на своевременное обеспечение сохранения и укрепления психологического здоровья обучающихся, снижение рисков дезадаптации и негативной социализации, получение бесплатной психолого-педагогической коррекции» [2, с. 5].

Таким образом, основными целями работы психолога в школе остаются сопровождение процесса обучения и создание психологически комфортной среды для успешного раскрытия потенциала каждого ребенка в ведущей для него учебной деятельности. В своих трудах Б. Д. Парыгин подчеркивает: «Деятельность как социально-психологическое явление занимает особое место в науке... Понятие деятельности характеризует активное начало в человеческой психике, во многом определяющее состояние и развитие как личности, так и общества» [1, с. 207].

В чем же заключается ценность психологического сопровождения в общеобразовательных учреждениях среднего общего образования?

Особенностью и одновременно неоспоримой сложностью является пролонгированная работа психолога не только непосредственно с учащимся, его родителями и полем семьи, не только с педагогами и администрацией, но и, таким образом, с целой системой социальных взаимоотношений и взаимодействий. Проблематика обращений к психологу, работающему в школе, остается максимально разнообразной и широкой.

С повышением уровня стресса, тревоги и напряжения в обществе фокус в работе школьного психолога все больше смещается на оказание психологической помощи не только детям и подросткам, но и взрослым участникам образовательных отношений, что, в свою очередь, требует получения и (или) развития компетенций в сфере психологического консультирования, в том числе кризисного. Возрастает потребность в разработке новых программ для профессионального развития, профилактики эмоционального выгорания и деформации личности практикующих специалистов, оказывающих психологическую помощь в системе образования.

Утвержденные за последние несколько лет нормативные документы, которые регламентируют не только непосредственную деятельность психолога, но и его работу как специалиста службы социального и психолого-педагогического сопровождения школы, являются значимыми не только в регулировании и унификации работы психологов учреждений среднего общего образования, но и для информирования и просвещения всех участников образовательных отношений о принципах, целях, задачах и направлениях деятельности психологов. Это увеличивает число обращений за психологической поддержкой и помощью.

К сожалению, несмотря на востребованность, работа психологов в школах по-прежнему остается недооцененной, непрестижной и низкооплачиваемой. Тем более что измерить реальный вклад практикующего психолога в создание атмосферы школы и комфортных условий для обучения, в формирование и развитие личности учащихся невозможно даже психодиагностическим инструментарием.

Литература

1. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2003. — 616 с. — Текст : непосредственный.
2. Российская Федерация. Законы. Об организации работы по оказанию психолого-педагогической помощи и психолого-педагогическому сопровождению : Распоряжение Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга от 24 августа 2021 года № 2395. — Текст : электронный // Образование Невского района Санкт-Петербурга : [сайт]. — URL: <http://www.nevarono.spb.ru/roo/1-roo/12289-ob-organizatsii-raboty-po-okazaniyu-psikhologo-pedagogicheskoy-pomoshchi-i-psikhologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya.html> (дата обращения: 01.11.2022).

П. Н. Дмитриева,

*доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)*

АКТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Отношение молодежи к представительной демократии очень важно для общества в ситуации противоречивых сигналов, таких как отказ от участия в выборах, с одной стороны, и новые формы политических выступлений (флешмобы и онлайн-петиции) — с другой.

Вновь возникает вопрос: молодежь становится более политически активной или дистанцируется от политики? Отношение молодежи к современным политическим процессам остается предметом дискуссий: одобрение идеи демократии явно доминирует, негативные оценки встречаются редко [1, с. 97].

Политолог Пиппа Норрис указала на факт, что недовольство эффективностью демократических институтов вполне может сопровождаться одновременной пропагандой принципа демократии [3, S. 56].

Такую позицию не следует понимать как общее неприятие демократии и предпочтение авторитарных структур. Оценка данной конституционной реальности может включать несколько аспектов: функционирование институциональных механизмов (взаимодействие между правительством и оппозицией, обеспечение равенства перед законом), действия властей (учет интересов разных групп населения, злоупотребление должностными полномочиями) и результаты этих действий (экономические и социально-политические достижения) [1, с. 96].

Молодые люди в подавляющем большинстве привержены демократической модели общества [2]. Почти половину молодых людей можно охарактеризовать как довольных демократией, четверть принадлежит к критически настроенным по отношению к демократическим ценностям, а еще одна четверть состоит из недовольных демократическими ценностями.

На формирование ценностных ориентаций *казахстанской молодежи* оказывают влияние глобализация, рыночная психология, государственная идеология, возрождение духовно-нравственных традиций. Будущие студенты рассчитывают на жизненный прорыв и улучшение своего благополучия, условием которого является достойное образование.

Нами проведено социально-психологическое исследование образовательных, социально-профессиональных, личностных ориентаций потен-

циальных абитуриентов, родителей, студентов. В исследовании приняли участие учащиеся 10–11-х классов школ г. Алматы в количестве 520 человек (2003–2004 г. р.); родители учащихся в количестве 164 человек; студенты Алматинского филиала СПбГУП в количестве 314 человек.

В результате проведенного исследования было установлено, что современные выпускники школ как активная и мобильная социальная группа чутко реагируют на происходящие социально-экономические изменения (экономический кризис, пандемия коронавируса, увеличение числа абитуриентов как следствие выхода Казахстана из «демографической ямы» и др.), что отражается на их системе ценностных ориентаций и целеполагания. Отмечаются рост инструментального подхода к образованию, смена коллективной ориентации индивидуализированной, доминирование материальных и демократических ценностей.

При этом неизменно на высоком уровне остаются такие ценности, как образование и активная гражданская позиция, предоставляющие возможность реализовать перспективную цель стать конкурентоспособным специалистом в демократическом обществе.

Литература

1. Гаврилюк, В. В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2002. — № 1. — С. 96–105.
2. Мельникова, А. А. Культурно-психологические коды ментальности России в контексте глобализации и задач образования / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Проблемы психолого-педагогической работы с молодежью в поликультурной среде современного образовательного учреждения. — Санкт-Петербург : НИЦ «Арт», 2016. — С. 111–115.
3. Vorländer, H. Demokratie: Geschichte, Formen, Theorien / H. Vorländer. — [4. Auflage]. — München : C. H. Beck, 2020. — 128 S. — Текст : непосредственный.

В. А. Капустина,

заведующая кафедрой психологии и педагогики Новосибирского государственного технического университета, кандидат психологических наук;

М. А. Матюшина,

старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Новосибирского государственного технического университета

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-ПСИХОЛОГА

Способности молодых специалистов преобразовывать, разрабатывать и реализовывать нестандартные новые решения профессиональных задач определяют развитие современного общества. Остается открытым вопрос о том, как нужно рассматривать креативность — как общую или специфичную для конкретной области способность [7].

Все определения понятия «креативность» объединены общей характеристикой, а именно: оригинальностью решения, то есть способностью создавать что-то новое, принципиально отличающееся от существующего [2]. Анализ научной литературы по теме креативности в профессиональной деятельности выявил три основных подхода:

1) креативность как личностная характеристика (Н. Ф. Вишнякова, Г. Шоттенлоер, С. Дж. Доллингер, Р. Рейтер-Палмон, Т. Тирни) [1; 5; 6; 10];

2) креативность как творческое мышление (М. М. Кашапов, А. Гервиг, М. А. Ранко, Дж. Хаазе, Э. Хофф) [2; 4; 8];

3) креативность как результат взаимодействия личности и социума/контекста (Я. А. Пономарев, М. Чиксентмихайи, М. Родс, М. Хаммонд) [9].

Исследования позволяют сделать вывод, что креативность представляет собой результат личностных, когнитивных, поведенческих, эмоциональных и контекстуальных процессов.

В статье С. А. Минюровой показано, что на стадии стабильной профессиональной деятельности проявление креативности становится ресурсом самоорганизации и профессионального саморазвития [3].

Цель нашей работы — исследовать взаимосвязь между креативностью и коммуникативными способностями студентов-психологов.

Методы: анализ научной литературы, психологическое тестирование; математическая обработка данных: корреляционный анализ по Спирмену.

Использовались тесты диагностики вербальной креативности С. Медника, диагностики невербальной креативности Е. П. Торренса, «Коммуникативные и организаторские способности» Л. П. Калининского.

Эмпирическая база — факультет гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета. В исследовании приняли участие 62 студента-психолога I курса бакалавриата.

Гипотеза состоит в предположении наличия взаимосвязей между креативностью и коммуникативными и организационными способностями, поскольку перечисленные характеристики являются важными для профессиональной деятельности психолога.

Результаты пилотного исследования. Обнаружены две значимые положительные корреляции между компонентами креативности (абстрактность названий и вербальная оригинальность) и направленностью личности, а также две значимые отрицательные корреляции беглости как компонента креативности с психологическим тактом и уступчивостью. Это означает, что студенты-психологи в стремлении повысить свой общий интеллект и расширить кругозор, а также организовать совместные усилия людей для достижения общих целей коллектива склонны давать своим идеям абстрактно-философские названия и использовать оригинальные словесные ассоциации. Это может быть причиной некоторых проблем во взаимодействии с клиентами в процессе консультирования, поскольку излишняя оригинальность может мешать эффективному пониманию и общению.

Студенты с выраженным психологическим тактом, предполагающим умение быстро находить нужный тон, оценивать ситуацию и адаптироваться к ней, быть находчивыми при первой встрече и в процессе общения, и выраженной уступчивостью, готовностью уступать без аргументов не предоставляют большое количество идей, генерируемых в ответ на стимул. Это позволяет предположить, что такие студенты будут больше сосредоточены на поиске решений, подходящих для клиента, а не на предложении множества альтернатив.

Обобщение результатов исследования позволяет сделать следующие выводы: креативность в профессиональном контексте требует новых, более системных эмпирических исследований, направленных на определение ее места в структуре профессионализма специалистов различных профессий, в том числе ее взаимосвязи с профессиональной идентичностью и социальной эффективностью.

Знание о влиянии креативности на профессиональные качества и особенности позволяет преподавателям и администрации вузов вно-

сдать изменения в образовательную программу с целью повышения качества подготовки. Например, мы полагаем, что чрезмерное развитие креативности у психологов может привести к снижению их профессиональной компетентности, поэтому при развитии креативности необходимо учитывать специфику будущей профессиональной деятельности студентов.

Литература

1. *Вишнякова, Н. Ф.* Психологические основы развития креативности в профессиональной акмеологии : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук : 19.00.03 / Н. Ф. Вишнякова. — Москва, 1996. — 394 с. — Текст : непосредственный.
2. *Кашапов, М. М.* Креативность как когнитивный ресурс в лечебной деятельности начинающих врачей / М. М. Кашапов, О. А. Скакунова. — Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Психология». — 2019. — Т. 27. — С. 16–31.
3. *Минюрова, С. А.* Креативность как ресурс личностно-профессионального саморазвития субъекта / С. А. Минюрова. — Текст : непосредственный // Образование и наука. — 2006. — № 3. — С. 70–77.
4. A Meta-Analysis of the Relation between Creative Self-Efficacy and Different Creativity Measurements / J. Haase [et al.]. — Текст : непосредственный // Creativity Research Journal. — 2018. — № 30 (1). — P. 1–16.
5. *Dollinger, S. J.* Standardized minds or individuality? Admissions tests and creativity revisited / S. J. Dollinger. — Текст : непосредственный // Psychology of Aesthetics Creativity and the Arts. — 2011. — № 5. — P. 329–341.
6. Evaluation of self-perceptions of creativity: Is it a useful criterion? / R. Reiter-Palmon [et al.]. — Текст : непосредственный // Creativity Research Journal. — 2012. — № 24. — P. 107–114.
7. *Furnham, A. F.* Personality and intelligence as predictors of creativity / A. F. Furnham, V. Bachtiar. — Текст : непосредственный // Personality and Individual Differences. — 2008. — № 45. — P. 613–617.
8. *Hoff, E.* Konstn att mäta kreativitet [The art of measuring creativity] / E. Hoff, I. Clars-son, F. Rasulzada. — Текст : непосредственный // Kreativitet: Teori och praktik ur psykologiska perspektiv [Creativity: Theory and practice from psychological perspectives] / edited by E. Brodin [et al.]. — Stockholm : Liber, 2014. — P. 543–573.
9. Predictors of Individual-Level Innovation at Work: A Meta-Analysis / M. Hammond [et al.]. — Текст : непосредственный // Psychology of Aesthetics Creativity, and the Arts Creativity, and the Arts. — 2011. — № 5. — P. 90–105.
10. *Tierney, P.* Creative self-efficacy development and creative performance over time / P. Tierney, S. M. Farmer. — Текст : непосредственный // Journal of Applied Psychology. — 2011. — № 96. — P. 277–293.

В. В. Касперович,*соискатель лаборатории воспитания личности
Национального института образования (Минск, Беларусь)*

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

Основополагающий вопрос для каждого человека созвучен с философским пониманием «об отношении сознания и бытия» в реальном времени в среде обитания. Именно зрелостью сознания индивида определяются его бытие в обществе, принятие им ролей и позиций. Воспитание, привитое и вынесенное из круга семьи, учебных платформ, наполненное достижениями практики и подтвержденное научными знаниями, формирует новый взгляд на протекающие процессы.

Г. В. Ф. Гегель утверждал, что развитие всех идей движется поступательно — от низших к высшим, благодаря этому осуществляется переход количественных изменений в качественные. Этот постулат просматривается в формировании личности. Благодаря мыслительной деятельности меняются поведенческие реакции, где на базовом, количественном уровне проработанных знаний выстраивается осмысленная позиция, дающая оценку человеком-творцом своей истории. То есть приобретенные знания в процессе осмысления становятся базой для формирования позиции и, подкрепляясь новой могучей творческой энергией, претворяются в практику. Выбранные роли определяют развитие и становление сознания личности.

Труд занимает решающую позицию в развитии сознания, что способствует становлению человека в материальном и духовном плане и открывает его право на приобретение достойного места в социуме. Безработица лишает права быть полноценным членом общества. На смену радости приходят разочарование и внутренний хаос, вместо привычного поведения на поверхность выходят неадекватные реакции, пробуждающие губительные мотивы человеческих качеств. Пропуская накопленный опыт через призму, не всегда можно найти выход из создавшейся ситуации, и только внутренняя сила, подкрепленная волевыми качествами, открывает способность к пробуждению. В то же время понимание законов развития среды обитания с непрерывным процессом роста материального мира изменяет сознание людей, их взгляды, идеи и способы взаимодействия во внутренних отношениях.

Человек развивается через качественную оценку себя как специалиста. На смену стереотипному трудовому поведению приходит мастерство, тем самым открывая дорогу лидерским качествам. Новше-

ства притягивают и формируют группы единомышленников. Личность не растворяется в этом сообществе, а принимает роль движущей силы, изменяя его характерные черты, тем самым меняя ход развития. Личность творит историю, сила воли и разум раздвигают стандартные рамки поведения, заполняя образовавшиеся пустоты своей жизни достижениями прогресса. Подлинное и великое оставляет след для подражания и предлагает путь для движения общества вперед. Смелость, инициативность, энергия, разумное начало, проработанное мыслительной деятельностью, являясь стимулирующей функцией в пробуждении желания к переменам.

Пандемия и военное столкновение братьев-славян обусловили психологическую стрессовую и кризисную ситуацию. Кризис в обществе выявил слабые стороны в экономике и психологическом здоровье людей. Н. Г. Осухова пишет: «Кризисная ситуация — это ситуация, в которой в результате внешних воздействий или внутренних изменений происходит нарушение адаптации человека к жизни, в результате чего он не в состоянии удовлетворять свои основные жизненные потребности» [3, с. 29]. Психологическое здоровье предполагает не только успешную адаптацию, но и продуктивное развитие человека на благо самому себе и обществу, в котором он живет [1, с. 49]. В то же время именно через преодоление кризисов, стрессов происходит развитие человека. При этом личный пример в сложных кризисных ситуациях пробуждает сознание людей, становится ориентиром для подражания, вырисовывая сценарии поведения. Ярким примером послужила вакцинация первых лиц государства, благодаря чему удалось сберечь основную часть населения.

В целом же благодаря сохраненному историческому наследию и привитому опыту через обучаемые программы на всех уровнях воспитания, через дух пионерства, патриотизма рождается новый, приспособленный член общества и гражданин своей страны — доброволец, лидер, личность, то есть субъект, способный не только приспосабливаться к окружающей действительности, но и переделывать ее соответственно гуманистическим целям и потребностям.

Литература

1. *Ананьев, В. А.* Психология здоровья. Кн. 1: Концептуальные основы здоровья / В. А. Ананьев. — Санкт-Петербург : Речь, 2006. — 384 с. — Текст : непосредственный.
2. *Мясищев, В. Н.* Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. — 428 с. — Текст : непосредственный.
3. *Осухова, Н. Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях / Н. Г. Осухова. — Москва : Академия, 2005. — 288 с. — Текст : непосредственный.

Г. С. Кожухарь,

*доцент кафедры теоретических основ социальной психологии
Московского государственного психолого-педагогического университета,
кандидат психологических наук;*

К. И. Фрольцова,

*магистрант II курса кафедры социальной психологии развития
Московского государственного психолого-педагогического университета*

К ПРОБЛЕМЕ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Изучение условий, факторов, механизмов саморазвития личности предстает одной из актуальных проблем современной психологии. В основном это связано с тем, что в современных социокультурных условиях принципиальное значение имеет борьба основных экзистенциальных мотивов: стремления к стабильности и изменчивости. Л. А. Стахнева, перефразируя классические идеи экзистенциальной психологии, пишет, что «саморазвитие характеризуется борьбой множества противоположно направленных тенденций, диалектика которых проявляется в противоречии между тенденцией к инертности, стереотипии, устойчивости, с одной стороны, и тенденцией к подвижности, изменчивости — с другой» [3, с. 36].

Для истинной личности саморазвитие является метаценностью и главной потребностью, что подробно описано классиками экзистенциально-гуманистической психологии. Данный термин соотносился с разными понятиями, но, главное, личность понималась как наделенная способностью и тенденцией к бесконечным изменениям и трансформациям (К. Гольдштейн, А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.).

В своих трудах, посвященных психологии общения, Б. Д. Парыгин уделял большое внимание роли социально-психологических барьеров как состояний или свойств индивида, которые блокируют резервы его духовного и психологического потенциала или тормозят их реализацию в его жизнедеятельности [2]. Продолжая его идеи, можно трактовать саморазвитие как фундаментальную потребность человека становиться и быть субъектом собственной жизни, достигая высшей цели — духовного уровня развития. При этом «реализация духовного потенциала ограничена системой социально-психологических барьеров, блокирующих самореализацию и развитие личности» [1, с. 13].

Большой вклад в концепцию саморазвития внес А. А. Бодалев, который оценивал коммуникацию как фундаментальное условие саморазвития человека на любом этапе его становления.

Одним из существенных барьеров саморазвития выступает проблема взаимоотношений, связанная с разрывом между ценностно-смысловыми системами взаимодействующих индивидов. Именно саморазвитие личности как непрерывный процесс может сократить этот разрыв, повышая уровень взаимопонимания. Ведь в качестве интерпретации саморазвития часто используется понятие «самодвижение», то есть непрерывный процесс внутренних изменений и преобразований.

Естественно, круг общения является внешним фактором для раскрытия внутренних ресурсов, при этом огромное влияние на саморазвитие взрослого человека оказывают направленность и мотивация. Направленность можно понимать как результат борьбы мотивов и осознание разноуровневых целей деятельности как мощных мотивационных факторов. Преодоление барьеров возможно, когда человек оценивает новые требования к собственной деятельности и личности, связанные с изменением социальной ситуации, и соотносит их с собственными установками и направленностью как системообразующим фактором целостности (соотношение внутренних и внешних барьеров).

Потребность разрешать противоречия за счет самопознания, социальной рефлексии, поиска взаимопонимания с другими людьми и осмысления движения развития общества может выступать, с одной стороны, в качестве преодоления барьеров, а с другой — как ресурс саморазвития, обеспечивая достижение нового, более высокого уровня целостности личности [4].

Сознание субъекта активности проявляется в системе интенций, которые оформляются в речевых конструкциях, отличающихся в зависимости от изменяющегося социума, в них проявляется мотивация саморазвития, связанная с центрированностью на себе или партнере по общению (способностью децентрации с себя на другого и наоборот). Собственно, именно эта способность, описанная еще Ухтомским, выступает основой диалогического общения.

Ценность самосознания в контексте проблемы развития личности неоспорима, и именно отсутствие барьеров саморефлексии, с одной стороны, как процесса самопознания, личностной установки, а с другой стороны, как социальной рефлексии — механизма самопознания через познание других людей, обеспечивает духовный рост.

Только развивающаяся личность способна находить общий язык с современными представителями разнообразных социальных групп, создавать диалогические отношения, своей жизнью демонстрировать ценности, а не декларировать их.

Литература

1. *Журавлев, А. Л.* Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии / А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко. — Текст : непосредственный // ИПРАН. Социальная и экономическая психология. — 2016. — Т. 1, № 3. — С. 4–23.
2. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология: истоки и перспективы / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. — 532 с. — Текст : непосредственный.
3. *Стахнева, Л. А.* Саморазвитие: миф или реальность? / Л. А. Стахнева. — Текст : непосредственный // Психология зрелости и старения. — 2004. — № 3. — С. 21–37.
4. *Фризен, М. А.* Психологическая сущность и детерминанты саморазвития / М. А. Фризен. — Текст : непосредственный // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 24–33.

А. Ю. Колхонен,

*аспирант кафедры психологии личности
Санкт-Петербургского государственного университета;*

И. А. Мироненко,

*профессор кафедры психологии личности Санкт-Петербургского
государственного университета, доктор психологических наук*

ДИАЛЕКТИКА ДОБРА И ЗЛА КАК РЕСУРС ДЛЯ ПРОДУКТИВНОСТИ ЖИЗНИ В НАШЕ ВРЕМЯ

Душевное здоровье человека и продуктивная жизнь — не универсальные категории. Э. Фромм под продуктивной жизнью подразумевал использование человеком его прирожденных сил для развития всего потенциально заложенного в нем, а это, в свою очередь, требует от человека осознания в нем «всего человеческого», чему, однако, могут препятствовать социальные нормы; и тогда человек встречается со специфическими для его времени вызовами. Эту социальную специфичность и обусловленность психологического благополучия хорошо отразил Э. Фромм.

Имеющаяся тенденция избегания негатива в современной культуре привела к тому, что грусть, печаль и прочие отрицательные переживания воспринимаются как пережиток времени, нечто, что не должно присутствовать в жизни социально адаптированного, успешного человека. Сложилось то, что Ницше обозначил как «религию комфорта»: он называл «последними людьми» тех, кто сделал все, чтобы ограничить в себе избыток радости и печали, обманывая себя тем, что они счастливы [1]. Как писал Олдос Хаксли, «в наше время все счастливы», однако современные социально-политические вызовы, такие как неопределенность будущего, вызывающая тревогу, злость и агрессивность, несогласие с политическим вектором, требуют не просто осознания негативных

переживаний, того, что можно назвать злом, но и конструктивного использования негативных переживаний для продуктивной жизни. И даже понимания того, что счастье — это не отсутствие страданий.

Э. Фромм говорит, что негативные мысли можно либо подавлять, либо вытеснять из сферы сознания, либо конструктивно взаимодействовать с ними.

В каждом индивиде идет борьба за свободу и независимость, в процессе такой борьбы «жизнеутверждающие силы в человеке вступают в борьбу с разрушительными и злыми побуждениями» [2]. Чем лучше человек осознает свои разрушительные тенденции, тем в большей степени он способен использовать их. Именно этот способ взаимодействия с негативом, для которого характерна борьба жизненных сил, может проявляться при наличии зла в нашей жизни: «чем более человек осознает последние, тем более он способен бороться с ними... так в результате этой борьбы зло само становится источником добродетели» [2]. Таким образом, отказ от избегания негатива — это путь продуктивной жизни, при которой человек использует «всё человеческое» в себе и реализует потенциально заложенные в нем возможности. Альтернатива, по Э. Фромму, стоит между подавлением зла, с одной стороны, и продуктивностью — с другой [2].

Безответственное отношение к самому себе, равнодушие — как социально приемлемая маска — должны скрывать боль и печаль, чтобы создать видимость счастья, но это, по мнению Э. Фромма, приводит к утрате своего «я»: «Характер зрелой и цельной личности, плодотворный и уравновешенный, — это источник и основа „добродетели“, а „порок“ — это самовредительство, равнодушие к своему я и его попираание» [3, с. 380]. Для Э. Фромма злом является все то, что препятствует жизни: «Гуманистическая этика под благом понимает утверждение жизни, раскрытие и развитие человеком своих потенциалов, под добродетелью — ответственность за свое существование» [3, с. 395].

Применение идей Э. Фромма к современному контексту приводит к пониманию диалектики добра и зла как необходимого условия продуктивности жизни, и зло в этом процессе выступает необходимым материалом для того, чтобы человек мог сделать жизнь продуктивной. Это, в свою очередь, требует от человека принятия негатива и взаимодействия с ним, а не подавления и избегания, которое создает маску псевдосчастья, о котором говорил Ницше. В современных условиях стоит осветить идею диалектики добра и зла как ресурса, который может помочь во времена, сложные и негативно воспринимаемые обществом, и превратить саму «проблему» в ресурс; как сказал Э. Фромм, «зло становится

источником добродетели» [2, с. 218], или, как писал Рут Аншен, «Бог позволил существовать злу, и оно входит в структуру миропорядка, дабы повысить свободу человека и его волю в том, чтобы побороть это зло» [4, р. 23].

Литература

1. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше ; перевод с английского С. Жигалкина. — Санкт-Петербург : Азбука, 2012. — Текст : непосредственный.
2. Фромм, Э. Человек для самого себя / Э. Фромм. — Москва : АСТ, 1947. — 340 с. — Текст : непосредственный.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы; Человек для себя / Э. Фромм ; перевод с английского Д. Н. Дудинского. — Минск : ООО «Попурри», 1998. — 672 с. — Текст : непосредственный.
4. Anshen, R. N. The Reality of the Devil: Evil in Man / R. N. Anshen. — New York : Harper & Row, 1972. — 142 p. — Текст : непосредственный.

У. В. Кольцова,

магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

Т. И. Короткина,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ДОВЕРИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ СУПРУГОВ БРАКОМ

Роль семьи в жизни общества невозможно переоценить, ведь именно в семье начинают закладываться ценности и моральные устои личности, что отражается на дальнейшем развитии общества в целом. От семьи зависят зарождение духовных ценностей, устремлений индивида, развитие каждого из супругов, а также экономическая и демографическая обстановка в стране и другие, не менее важные показатели.

Насущными проблемами семьи являются неудовлетворительное материальное положение, уход одного из супругов при наличии детей, низкая рождаемость, отказ молодых людей от вступления в брак, растущее число абортот. К сожалению, большое число браков в России находится на грани разрыва, это связано с галолирующим изменением ценностей на стыке эпох и напряженностью социальной обстановки в мире.

Мы переходим от привычного образа семьи как ячейки общества к более глубокому понятию, заключающему в себе всю ценность и неповторимость смысла этого слова.

Целью брака является не только рождение детей, но и удовлетворение в полной мере интересов и потребностей каждого из супругов. Удовлетворенность, по определению С. Ю. Головина, — это «состояние удовлетворения-чувства удовольствия, испытываемого субъектом, чьи потребности, желания удовлетворены, исполнены» [1, с. 533].

Доверие и эмоциональный интеллект каждого из супругов — важные показатели для семейной жизни, высокий уровень которых поможет предотвратить возможные проблемы. Е. П. Ильин выделяет две составляющие доверия: эмоциональную и рациональную, «к рациональной относится уверенность в том, что объект доверия способен выполнить взятые на себя обязательства. Она основывается на оценке его... последовательности, предсказуемости поступков. Эмоциональная составляющая доверия основана на оценке „доброй воли“ партнера, общности ценностей и мотивов: доброжелательности, открытости... мотивированности на достижение общей цели, порядочности» [3, с. 21].

По Д. Гоулману, эмоциональный интеллект — «способность мотивировать себя и настойчиво стремиться к достижению цели, несмотря на провалы; сдерживать порывы и откладывать получение удовольствия; контролировать настроение и не позволять чувствам затмевать разум; сопереживать и надеяться» [2, с. 73].

Целью нашего исследования является определение характера взаимосвязи доверия и эмоционального интеллекта с удовлетворенностью супругов браком.

Эмпирические задачи:

- 1) определить уровень доверия между супругами;
- 2) диагностировать уровень и показатели эмоционального интеллекта супругов;
- 3) измерить уровень удовлетворенности супругов браком;
- 4) сопоставить уровень доверия между супругами с уровнем их удовлетворенности браком;
- 5) сопоставить уровень и показатели эмоционального интеллекта супругов с уровнем их удовлетворенности браком;
- 6) сравнить пары с высокой и низкой удовлетворенностью браком по уровню эмоционального интеллекта супругов и доверия между ними.

Если в ходе исследования выявятся пары, в которых уровень удовлетворенности браком у супругов не совпадает, будет проведен дополнительный анализ уровня эмоционального интеллекта и доверия каждого из супругов.

Объектом исследования выступают супружеские пары со стажем совместной жизни десять и более лет.

Предмет исследования — взаимосвязь доверия и эмоционального интеллекта с удовлетворенностью супругов браком.

Гипотеза: существует взаимосвязь доверия и эмоционального интеллекта с удовлетворенностью супругов браком — пары с высоким уровнем доверия и эмоционального интеллекта характеризуются высоким уровнем удовлетворенности браком.

Методы исследования: опросный; тестирование.

Методики исследования: тест на эмоциональный интеллект Д. Люпина; тест на удовлетворенность браком Е. Ю. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской; методика доверия/недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко (в авторской модификации).

Наше исследование представляется актуальным, так как мы живем в постоянно меняющейся реальности и вопросы семьи требуют особого внимания. Анализ и учет факторов удовлетворенности супругов браком могут помочь сохранить крепкие брачные отношения на долгие годы. Надеемся, что наше исследование даст материал для психологов, консультирующих семьи.

Литература

1. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. — Минск : Харвест, 1998. — 592 с. — Текст : непосредственный.
2. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. — [11-е изд., перераб. и доп.]. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. — 545 с. — Текст : непосредственный.
3. Ильин, Е. П. Психология доверия / Е. П. Ильин. — Санкт-Петербург : Питер, 2013. — 288 с. — Текст : непосредственный.

Е. Д. Короткина,

*заведующая кафедрой психологии Тверского государственного университета,
кандидат психологических наук*

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Организационная культура — сложное структурное образование, состоящее из множества тесно связанных, дополняющих и уравновешивающих друг друга элементов. У каждой организации, в том числе образовательной, есть своя миссия. Под миссией понимается цель, смысл существования школы, вуза, учреждения дополнительного образования для учащихся. Это миссия, которая формирует взгляды руководства, выражает цели, служит стимулом и помогает в формировании задач. Ценности —

это основное средство реализации миссии организации в обществе. Таким образом, ценность — свойство социального объекта удовлетворять определенные потребности социального объекта (человека, группы людей, общества) [2]. Организационные ценности — это набор ценностей членов организации, которые либо являются общими для всех ее сотрудников, либо значимы для определенных групп персонала и руководителей. Организационные ценности влияют на организационное поведение сотрудников и эффективность организации [3]. Целью данного исследования является определение характера взаимосвязи между характеристиками организационной культуры и ценностными ориентациями сотрудников государственной или частной образовательной организации. В качестве гипотез были выдвинуты предположения о том, что существует взаимосвязь между типом организационной культуры и ценностными ориентациями личности; между рыночным типом организационной культуры и показателем «традиционные — секулярно-рациональные ценности» существует обратная взаимосвязь; между клановым типом культуры и показателем «сохранение индивидуальности — ориентация на группу» существует прямая взаимосвязь. Для исследования использовались психодиагностические методики: «Методика диагностики ценностных ориентаций (МДЦО)» Е. В. Пахомовой; «Инструмент оценки организационной культуры. OCAI (Organization Culture Assessment Instrument)» К. Камерона и Р. Куинна; «Модифицированный опросник ценностей» Р. Инглхарта; «Методика исследования ценностей VSM 2013» Г. Хофстеде.

Как писал Б. Д. Парыгин, различные исследования в зарубежной и отечественной психологии сходятся в понимании ценностей как важнейшего функционального компонента структуры личности, как высшего уровня в иерархии побуждений, потребностей, интересов человека [4]. При этом основным механизмом становления личностных ценностей как регулятора индивидуального поведения является интегрирование социальных ценностей, а необходимым условием для трансформации ценностей общества в личностные, как отмечает И. Н. Илюшина, выступает включение индивида в социальную деятельность с целью реализации соответствующей ценности [1].

Результаты исследования показали, что в государственной образовательной организации доминирующим типом организационной культуры является бюрократический (52 %). Также высокие показатели по шкале «Клановая организационная культура» (27 %). Данные показатели свидетельствуют о том, что государственная образовательная организация достаточно формализована, для сотрудников характерна обязательность и предсказуемость. Для частной образовательной организации,

напротив, характерен рыночный тип организационной культуры (42,5 %) с элементами бюрократического типа (28,3 %). Данные показатели характеризуют сотрудников как целеустремленных, требовательных и конкурентоспособных. Ценности организации направлены на конкуренцию, поддержание репутации и достижение цели.

Результаты исследования ценностных ориентаций сотрудников показали, что у работников государственной образовательной организации выявлен высокий уровень консерватизма (80 %). Данным сотрудникам свойственна ригидность в смене установок, они ориентированы на традицию и преемственность, предпочитают стабильность. Сотрудники в большей мере ориентированы на ценности своей группы. У сотрудников частной образовательной организации установлен низкий уровень консерватизма, доминирует показатель сохранения индивидуальности, высока заинтересованность в собственном благополучии.

Несмотря на имеющиеся различия в организациях, приверженность сотрудников традиционным и секулярно-рациональным ценностям на социокультурном уровне остается в средних значениях. Однако по шкале «Ценности выживания — ценности самовыражения» было выявлено, что сотрудники государственной образовательной организации отличаются более выраженной приверженностью ценности выживания. В то же время у сотрудников частной образовательной организации этот показатель усредненный.

Результаты исследования подтвердили наличие взаимосвязи между типом и ценностями организационной культуры и ценностными ориентациями сотрудников образовательной организации.

Анализ данных феноменов важен для увеличения эффективности работы сотрудников, повышения мотивации к работе и лояльности к организации. Разработка ценностей организации и формирование определенной организационной культуры может обеспечить безболезненную адаптацию новых сотрудников в коллективе.

Литература

1. *Илюшина, И. Н.* Проблема ценностей и ценностных ориентаций в психологии / И. Н. Илюшина. — Текст : электронный // КиберЛенинка : Научная электронная библиотека. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tsennostey-i-tsennostnyh-orientatsiy-v-psihologii> (дата обращения: 24.03.2003).
2. *Лапыгин, Ю. Н.* Теория менеджмента : [учебное пособие] / Ю. Н. Лапыгин. — Москва : Рид Групп, 2011. — 336 с. — Текст : непосредственный.
3. *Организационная культура* : [учебник] / под редакцией Н. И. Шаталовой. — Москва : Экзамен, 2006. — 652 с. — Текст : непосредственный.
4. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология : [учебное пособие] / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2003. — 616 с. — Текст : непосредственный.

Е. Б. Костюк,

доцент кафедры искусствovedения СПбГУП, кандидат педагогических наук

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДУХОВНОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Рубеж XX–XXI столетий для общества и человека в России был сопряжен с целым рядом кризисных явлений: крушение сложившейся социально-экономической системы в период перестройки, изменение социального устройства общества — все это сопровождалось не только культурно-духовным кризисом личности, но и социально-психологическим переломом всего бывшего советского общества. Как справедливо отмечал Б. Д. Парыгин, «развитие той или иной формации по нисходящей линии, последние завершающие этапы, когда особенно ярко проявляются ее противоречия и антагонизмы (например, разрушение СССР. — *Е. К.*), обычно окрашены атмосферой сомнения, неверия, скептицизма и пессимизма, переходящего в отчаяние и захватывающего самые широкие слои общества» [3, с. 297]. Эти «настроения эпохи» нашли отражение, в частности, в деструктивных формах искусства, разрушающих и без того «пошатнувшиеся» нравственно-моральные устои и психологическое здоровье общества.

В период духовной войны начала XXI столетия для конструктивного развития российского социума, преодоления «культурного инфицирования» (В. Миронов) особое значение приобретает задача создания такой культурной атмосферы, которая, с одной стороны, способствовала бы формированию устойчивого «культурного иммунитета» к деструктивным формам социальной манипуляции средствами искусства, с другой — создавала бы новые, полезные для социального здоровья художественные средства.

Искусство в истории человечества, как отмечал выдающийся российский ученый Д. С. Лихачев, способствовало его духовному обогащению, культурному росту личности. Более того, академик считал, что культурное многообразие России — это ее сильная сторона: «культура России принадлежит десяткам народов Запада и Востока» [2, с. 198]. Она находит свое отражение в различных явлениях музыкальной, театральной, изобразительной культуры. Академик А. С. Запесоцкий подчеркивает, что «искусство выступает „зеркалом“ национальной культуры, в котором отражена ее духовная специфика, народные представления о добре и зле, истине и справедливости, человеческом счастье и смысле жизни» [1, с. 226]. Однако совершенно очевидно, что в условиях «духовной

войны» начала XXI столетия, направленной на разрушение нравственно-психологического здоровья общества не только в России, средства искусства используются с целью его разрушения в массовых масштабах.

В XX–XXI веках самыми массовыми видами искусства стали музыка и кино. Научно-технический прогресс, обусловивший возможности создания и (что еще важнее) трансляции на миллионную аудиторию кинопроизведений и эстрадных песен, создал основу не только для формирования новых потребностей, что широко используется в рекламных целях в период «эпохи потребления», но и для влияния на умонастроения людей, их жизненные установки, нравственно-моральные императивы, которыми стали руководствоваться не только отдельные личности, но и целые социальные группы. Достаточно вспомнить поколение хиппи и связанную с ним рок-музыку. Музыкальное искусство способно оказывать как позитивное психологическое влияние, так и негативное. Об этом предупреждали еще философы древности. Так, например, китайские мыслители утверждали: «если звуки коротки и отрывисты, мысли народа печальны; если звуки широки, гармоничны, неторопливы, народ доволен и радостен» [4, с. 13].

В этих условиях актуализируется вопрос о том, какого рода эмоционально-идейное воздействие оказывается на современное общество России средствами массовой музыкальной культуры, в частности такого широко применяемого средства, как песня. Песня включает две важные составляющие — слова и ритмоинтонацию, которые способны воздействовать на психологическое состояние человека. Словом можно «убить и воскресить», это давно известная истина. О чем же современная российская песня «говорит» человеку? Нами был проведен опрос среди респондентов от 10 до 22 лет, чтобы выявить песни, которые любят слушать сейчас молодые. Среди наиболее популярных из опроса были заявлены песни групп «Дайте танк!», «Король и Шут». Песни на английском языке предпочитают 25 % респондентов; на английском и русском — 40 %; на русском — 25 %. Источники знания о песнях на русском и английском языках: родители — у 5 %, друзья — у 20 %, Интернет — у 40 %, социальные сети — у 35 %. Тексты этих «произведений» наполнены мыслями о самоубийстве, «мести самому себе», «я никого не люблю» и т. п. Положенные на повторяющийся ритм, характерный для массовой музыки с XX века, они фактически становятся «заклинаниями» и соответственно влияют на жизненные установки, приводя к социальному пессимизму, депрессивным настроениям и т. п. Надо отметить, что и ситуация СВО, в которой живет российское об-

щество с 24 февраля 2022 года, показала недостаточную психологическую готовность, особенно молодежи, к защите национальных интересов своей страны. Между тем, вспоминая опыт прошлого, нужно иметь в виду те технологии социальной мобилизации, которые были наработаны нашими соотечественниками, например перед Второй мировой войной, когда в 1936–1939 годах были созданы такие песни, как «Если завтра война, если завтра в поход», «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью (Марш авиаторов)», «Три танкиста» и т. п. Сохранилось много свидетельств современников о том, какое психологическое воздействие оказывала созданная в самом начале Великой Отечественной войны песня «Священная война».

Таким образом, необходимо обдумать систему мер, направленных на улучшение, коррекцию в информированности личности и общества о возможностях психологически деструктивного воздействия некоторых форм современной массовой музыки. Кроме того, совершенно очевидно, что культурная атмосфера влияет на социально-психологический настрой личности и общества, если в музыке, воздействующей массово, не менять идейную установку с пессимистично-аморфной на оптимистически-деятельную, то невозможно эффективно изменить настроение социума.

Литература

1. *Запесоцкий, А. С.* Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций / А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2018. — 608 с. — Текст : непосредственный.
2. *Лихачев, Д. С.* Избранные труды о русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2006. — 416 с. — Текст : непосредственный.
3. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология : [учебное пособие] / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2003. — 616 с. — Текст : непосредственный.
4. *Сисаури, В. И.* Церемониальная музыка Китая и Японии / В. И. Сисаури. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2008. — 292 с. — Текст : непосредственный.

Л. В. Маришук,

*профессор кафедры психологии и конфликтологии Минского филиала
Российского государственного социального университета (Беларусь),
доктор психологических наук;*

О. В. Воровко,

психолог Унитарного предприятия «Универмаг Беларусь» (Минск)

САМОВЫРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РАБОТНИКОВ НЕТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Потребность творческого самовыражения существует не только у тех, чья профессия связана с творчеством, но и у людей, чьи профессии не относятся к категории творческих. Творчество — это не только процесс и результат создания новых образов, но и среда, в которой человек самовыражается, и одновременно фактор развития личности. В мире немало людей, наделенных талантами, но не реализующих их в профессиональной деятельности, так как они выбрали другую специальность. Многие нашли варианты реализации своего творческого потенциала в виде увлечений и хобби либо используют творческий подход в приобретенной профессии, продумывая различные варианты ее усовершенствования.

Творчество невозможно вне социального взаимодействия; это не столько индивидуально-психологическая, сколько социально-психологическая характеристика личности. Сотрудники, не обладающие ярко выраженными творческими наклонностями, могут повысить собственную креативность среди креативных коллег. Развитие креативности происходит через подражание ролевым моделям и социальное научение.

Человек, реализующий свой творческий потенциал, одновременно его приумножает, а ограничение проявлений творческой активности ведет к обеднению личности, к более жесткой ее привязке к ограничениям, наложенным усвоенными знаниями. Появляется творческое бессилие, препятствующее развитию творческой уникальности.

Самовыражающаяся личность — это личность, стремящаяся к своему призванию, посвятившая себя поставленной цели за пределами собственного «я», занятая любимой работой [1; 5; 8], а самовыражение — это желание личности реализовать себя, проявить свой творческий потенциал [5]. По мнению Б. Д. Парыгина [6], стремление к самовыражению, то есть проявление склонностей, способностей и дарований, — это показатель тенденции к персонификации. Осознание общественной значимости собственной личности важно для любого человека. В актив-

ной деятельности транслируется индивидуальность, периодически нуждающаяся в социальном признании.

С явлением самовыражения К. Леонгард [4, с. 32–33] связывал акцентуации, обозначив их как доминирование одной из черт характера, которая, достигая определенного предела, начинает негативно сказываться на деятельности, но при этом обуславливает и особенности самовыражения.

В литературе по психологии [2; 3; 9; 11; 12] широко обсуждаются проблемы самовыражения человека, ибо это одна из форм потребности в уважении и любви [5]. Самовыражение в профессиональном творчестве хорошо известно, в то время как вопрос о специфике самовыражения в художественном творчестве работников трудовых коллективов, занятых в нетворческих профессиях, остается открытым.

В проведенном на выборке 1 тыс. человек (работники торговли) исследовании были получены данные, свидетельствующие о лучшем состоянии психологического здоровья равно успешных в профессии лиц, реализующих себя в творчестве, по сравнению с теми, кто творчеством не занимается. Сравнение двух групп проводилось по показателям экспертных оценок, самооценок и психодиагностических методик. Значимо ($p < 0,05$) различаются обе группы уровнем креативности; меньшей выраженностью симптомов эмоционального выгорания; большей сформированностью позитивных социально-психологических установок, ярко выраженной внутренней и внешней положительной мотивацией.

Так, средние значения креативности [10, с. 107–110] имеют бóльшие значения у людей, выражающих себя в художественном творчестве. Творческие работники отличаются следующими особенностями:

1) они не боятся рисковать ($16,31 \pm 0,27$), в отличие от нетворческих работников ($15,20 \pm 0,25$), которые более осторожны в своих действиях и более тщательно продумывают свои шаги;

2) более любознательны ($17,17 \pm 0,22$), чем нетворческие работники ($15,08 \pm 0,27$);

3) не боятся сложностей ($15,46 \pm 0,25$), в отличие от нетворческих работников ($13,78 \pm 0,25$);

4) у них больше развито воображение ($14,72 \pm 0,28$), чем у нетворческих работников ($12,50 \pm 0,33$).

Позитивные социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере [7, с. 59–67] более выражены у самовыражающихся в творчестве. Так, по шкале «Ориентация на процесс»

группа творческих работников набрала $6,35 \pm 0,11$ балла против $5,50 \pm 0,10$ в группе нетворческих работников. Это еще раз подтверждает, что процесс работы является для них более интересным и важным, нежели результат. Превзошла группа творческих работников ($5,97 \pm 0,15$) группу нетворческих ($5,42 \pm 0,15$) и по шкале «Ориентация на альтруизм». Для людей с установкой на труд также обнаружены более высокие значения в группе творческих ($6,62 \pm 0,13$), чем в группе нетворческих ($5,73 \pm 0,14$). Видимо, работа является для них одним из основных источников радости и удовольствия.

Внутренняя (творческие набрали $4,63 \pm 0,04$ балла, а группа нетворческих — $4,33 \pm 0,06$) и внешняя (в группе творческих испытуемых — $4,23 \pm 0,05$ балла, а в группе нетворческих — $3,85 \pm 0,05$) положительная мотивация более сильна в группе работников, выражающих себя в художественном творчестве, а внешняя отрицательная мотивация более выражена у нетворческих ($2,86 \pm 0,08$ балла, в то время как в группе респондентов, занимающихся творчеством, — $2,43 \pm 0,07$ при $p < 0,05$).

В группе творческих работников выявлена отрицательная взаимосвязь экспертной оценки успешности и эмоциональной отстраненности из фазы истощения синдрома эмоционального выгорания ($r = -0,193$, $p < 0,01$). Работники, самореализующиеся в творчестве, менее подвержены данному симптому. Они эффективно справляются со своими чувствами, так как занимаются деятельностью, приносящей им радость, поэтому с удовольствием общаются и с коллегами, и с покупателями.

Таким образом, работники торговли, находящие самовыражение в художественном творчестве, в сравнении с работниками, не находящими его, отличаются большей креативностью и успешностью в профессиональной деятельности и меньшей сформированностью симптомов эмоционального выгорания.

Литература

1. *Абульханова-Славская, К. А.* Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. — Москва : Мысль, 1991. — 299 с. — Текст : непосредственный.
2. *Громов, Е. С.* Природа художественного творчества : [книга для учителя] / Е. С. Громов. — Москва : Просвещение, 1986. — 239 с. — Текст : непосредственный.
3. *Кулка, И.* Психология искусства / И. Кулка ; перевод с чешского И. В. Олива. — Харьков : Гуманитарный центр, 2014. — 560 с. — Текст : непосредственный.
4. *Леонгард, К.* Акцентуированные личности : [перевод с немецкого] / К. Леонгард. — Москва : Высш. шк., 1981. — 390 с. — Текст : непосредственный.
5. *Маслоу, А.* Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. — Санкт-Петербург : Питер, 2017. — 448 с. — Текст : непосредственный.
6. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : ИГУП, 1999. — 592 с. — Текст : непосредственный.

7. Потемкина, О. Ф. Психология личности, или Как полюбить себя и других / О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2004. — 288 с. — Текст : непосредственный.

8. Роджерс, К. К науке о личности / К. Роджерс. — Текст : непосредственный // Истории зарубежной психологии. Тексты / под редакцией П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. — Москва : МГУ, 1986. — С. 200–232.

9. Сухарев, В. А. Психология интеллекта / В. А. Сухарев. — Донецк : Сталкер, 1997. — 416 с. — Текст : непосредственный.

10. Туник, Е. Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления / Е. Е. Туник. — Санкт-Петербург : Питер, 2013. — 320 с. — Текст : непосредственный.

11. Шкуратова, И. П. Самопроявление личности в общении : [монография] / И. П. Шкуратова. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2009. — 192 с. — Текст : непосредственный.

12. Buhler, Ch. Bieg zycia ludzkiego / Ch. Buhler. — Warszawa : PWN, 1999. — 393 s. — Текст : непосредственный.

К. Н. Маркина,

доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,

кандидат культурологии

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕЙКОВ

В современном медийном пространстве особую значимость и коммуникационный вес приобрел такой феномен, как фейк. Фейк — это результат целенаправленного создания контента, ориентированного на вирусное распространение за счет превалирования коннотативной составляющей над денотативными компонентами значения. Основной функцией фейка, в отличие от фактоида, является не вброс в медийное пространство лживой, непроверенной или не полностью истинной информации, а получение эмоционального отклика аудитории на размещенный в публичном доступе инфоповод.

Бесспорно, отношение к фейкам как феноменам, полностью искажающим реальность, со стороны журналистов и специалистов по информационной безопасности может быть исключительно негативным. Сенсационность фейков настолько способствует их неконтролируемому распространению, что современные исследователи медиaprостранства неоднократно предпринимали попытки теоретически осмыслить данный феномен и предложить практические рекомендации по купированию неограниченной редупликации фейков.

Однако для специалистов по массовым коммуникациям, особенно в коммерческом секторе, фейки представляют собой достаточно эффективный инструмент налаживания и поддержания контактов с целевыми аудиториями в нативном режиме. Торговым маркам и брендам для

адекватной и постоянной коммуникации с клиентами достаточно сложно перманентно продуцировать классические инфоповоды, тогда как внедрение в актуальную новостную повестку медиапространства за счет резонансных фейков позволяет не только оперативно заинтересовать нужный аудиторный сегмент, но и сформировать заданную реакцию, умозаключение, лояльность к маркетинговому субъекту, изменить его репутационные показатели и пр.

Для специалистов по массовым маркетинговым коммуникациям потенциал фейков имеет и очевидные преимущества при работе с самыми разными целевыми аудиториями. Психологически грамотно оформленный фейк воспринимается реципиентом как часть актуальной повестки без выраженного стремления критически осмыслить его денотативное содержание. Аудитория поглощает информационный контент скорее по инерции, нежели рационально, аналитически вычлняя в нем истину, полуправду и откровенную ложь. В контексте действия Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором за создание и распространение фейков предусмотрена ответственность вплоть до уголовной (ст. 17), использование полностью ложной информации в целях создания фейка нелогично и может привести к нежелательным последствиям. Однако если учесть тот факт, что ценность фейка заключается отнюдь не в объективности или необъективности излагаемых фактов, а в субъективной составляющей и степени ее проявленности, то механика создания коммуникативного фейка, рассчитанного на комментинг, эмоциональное проявление аудитории и другие реакции, заключается только в интерпретации истинных фактов и внесения в их контекст субъективных суждений и акцентов.

Именно в связи с превалированием коннотативной составляющей над смысловыми компонентами фейки обладают повышенной виральностью и легко распространяются в цифровом пространстве. Нередко фейки обрастают вымышленными подробностями, в которых каждый новый сегмент аудитории найдет актуальные для себя эмоциональные элементы. Помимо этого, фейки органично встраиваются в новостной контент, хотя по природе своей часто не имеют к классическим новостям никакого отношения и могут публиковаться без значительных изменений месседжа с определенной периодичностью.

С точки зрения семиотического подхода эффективный фейк строится по модели утвердительного высказывания, наиболее быстро распространяется в социальных сетях благодаря их системе алгоритмизации коммуникации и выстраиванию дружественной ленты, приобретает дополнительную эффективность психологического воздействия за счет много-

кратного эхо-воспроизведения одного и того же инфополюса с разными вариантами субъективной интерпретации.

Поскольку основной массив реципиентов не являются реальными свидетелями событий, их ощущение сопричастности происходящему формируется за счет эмоциональной солидарности с коннотативными компонентами фейка. Если фейк вызывает какую-либо эмоциональную реакцию, значит, он был создан профессионально, достиг поставленной цели и продемонстрировал свою эффективность.

Н. В. Миргород,

*доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, старший преподаватель
кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского
государственного университета, кандидат психологических наук;*

И. Ю. Филиппов,

*студент VI курса факультета психологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В ИНТЕРНЕТЕ

Для современного человека восприятие окружающего мира становится все более опосредованным изображениями; отмечается смещение способов коммуникации от вербальных к визуальным, образным. Это влечет за собой изменение функций и статуса образов. Социологи, психологи и лингвисты в рамках «визуального поворота» в науке все чаще приходят к идее их использования для изучения социальных явлений. Интернет-контент нередко признается заведомо вредоносным, в частности, в связи с распространением суицидальных тенденций среди детей и молодежи. А могут ли популярные образы из Сети помочь нам в постижении сути настораживающих молодежных тенденций? В рамках данного исследования деструктивным контентом (ДК) мы называем визуальные ряды (коллажи), состоящие из нескольких изображений разной тематики, отсылающих к темам анорексии, голодания, самоповреждения, медицинских манипуляций, суицидального настроения, собственно суицида. Такой лишенный вербального компонента контент, в достаточной степени популярный среди молодежи, обладает заметной спецификой: его отличают визуальность, эмоциональная насыщенность, смысловая неоднородность содержания, цветовая гамма.

В рамках идеи о главенстве визуального и возможном использовании образа как маркера социальных явлений важной исследовательской

задачей становится понимание причин привлекательности деструктивного визуального контента. При этом невозможно рассматривать контент отдельно от личности потребителя, ведь именно человек своим вниманием, оценкой и отношением поддерживает существование материала, делая его востребованным. Не менее ценным представляется исследование психологических характеристик потребителей деструктивных материалов — участников соответствующих сообществ и пользователей, находящих такой контент интересным и эстетичным.

Целью исследования было выявление особенностей эмоциональной сферы потребителей ДК. Гипотезы: предпочтение ДК в Сети связано с эмоциональными особенностями пользователя; уровень эмпатии и агрессии у потребителей ДК выше, а рефлексии — ниже, чем у других пользователей; спектр эмоций, возникающих при просмотре ДК, у его потребителей и обычных пользователей различен. Были применены следующие методики: опросник эмоциональной эмпатии А. Мехрабиана и М. Эпштейна, опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева с соавторами, опросник «Ауто- и гетероагрессия» Е. П. Ильина, сокращенная версия шкалы депрессии Цунга.

Для изучения эмоционального восприятия контента была применена авторская методика, содержащая девять визуальных коллажей и восемь вербальных рядов, описывающих различные спектры эмоций.

Объектом исследования стали пользователи одной из социальных сетей, отобранные из 140 участников (после предварительного опроса) в две группы по 36 человек: экспериментальную (респонденты, находящие ДК привлекательным) и контрольную (респонденты, относящиеся к ДК негативно), преимущественно возраста 21 ± 2 года.

Определены наиболее распространенные причины потребления ДК: «эстетическое наслаждение» (24,1 %), «творческое вдохновение» (13 %), «развлечение для глаз» (11,1 %), «возможность отразить эмоции» (11,1 %), «коллекционирование интересных картинок» (9,3 %). Установлено, что для описания своих эмоций в процессе созерцания ДК потребители значимо чаще используют ряд «удовольствие, нега, нежность» ($p < 0,01$). Выявлено, что у значительно большего числа потребителей ДК были эпизоды самоповреждения. При этом значимой корреляции фактора «самоповреждение» с уровнем аутоагрессии не обнаружено. Это говорит об использовании практики селфхарм преимущественно в качестве деструктивной стратегии совладания с негативным состоянием.

Подтвердились гипотезы о более высоком уровне агрессии среди потребителей ДК; о различии у них и обычных пользователей спектров

эмоций, возникающих при просмотре ДК; о наличии эмоциональных особенностей потребителей ДК. Обнаружен ряд значимых корреляционных связей. Депрессивные тенденции демонстрируют 61,1 % группы потребителей ДК и 41,6 % контрольной группы. Обнаружены статистически значимые различия между выборками по уровню гетероагрессии ($p < 0,01$), фактору самоповреждения ($p < 0,05$), типу проживания ($p < 0,05$). Последнее означает, что для группы потребителей ДК менее характерно проживание в одиночестве.

Как отмечают М. Ю. Сидорова с соавторами, люди, подверженные суицидальным мыслям, могут пользоваться Интернетом с такими конструктивными целями, как поиск поддержки и стратегий преодоления своего состояния. В то же время в Сети человек может встретиться с триггерным контентом и собеседниками, способными убедить его, что причинение вреда себе — это нормально, а также потенциально препятствовать обращению человека за профессиональной помощью [1].

Исследование отвечает практической необходимости изучения уровня деструктивности материалов, транслируемых в Интернете, и выявления их потенциальной опасности.

Литература

1. Сидорова, М. Ю. Киберсамоубийство и цифровой селфхарм: общая проблематика и компьютерные решения. Часть 1 / М. Ю. Сидорова, Д. Г. Мацепуро, А. З. Гайбуллаев. — Текст : непосредственный // Социальная и клиническая психиатрия. — 2018. — Т. 28, № 3. — С. 92–104.

Н. Б. Морозова,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЛИЕНТОВ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Изучение психологических особенностей людей, страдающих различными заболеваниями, является актуальной проблемой современной практической медицины и медицинской психологии [5].

Активное изучение психосоматических патологий началось в середине XX века после публикации трудов Ф. Александра [2], хотя отечественные и зарубежные психологи и задолго до этого предпринимали попытки связать симптомы заболевания клиента с его психологическими особенностями [6]. В настоящее время психосоматику (от *греч.* *psyche* — душа, *soma* — тело) понимают как направление медицины

и психологии, которое изучает влияние психологических факторов на возникновение соматических заболеваний [5].

Многочисленные исследования показывают связь ряда заболеваний с психологическим профилем человека, особенностями его личности. Так, изучение психологических особенностей пациентов с урологическими проблемами выявило у них повышенную тревожность, апатию в сочетании с общей слабостью, снижение общей работоспособности и депрессию [1]. Страдающие ишемической болезнью сердца характеризуются повышенной тревожностью, высокой потребностью в социальной поддержке на фоне вынужденной (в силу заболевания) социальной изоляции, депрессией, что влияет на их поведение и качество жизни [4]. Больных с патологиями желудочно-кишечного тракта характеризует повышенная тревожность, депрессия, ипохондрические и фобические переживания [3]. Многочисленные методы медицинской психологии помогают понять роль заболевания во взаимодействии человека с окружающей средой и в развитии личности [5].

Было проведено пилотажное исследование клиентов с психосоматическими заболеваниями. Средний возраст обратившихся за психологической помощью составлял 39 лет. Ранее диагностированные у них соматические заболевания — сердечно-сосудистые (аритмия, повышенное артериальное давление, головные боли); желудочно-кишечные патологии (гастрит, язвенный колит, синдром раздраженного кишечника); проблемы щитовидной железы и др. Ряд современных исследователей относят данные заболевания к психосоматическим [2; 5]. Психологическое обследование включало следующие методы: клиническая беседа, опрос, тестирование. Использовались методики: Гиссенский опросник психосоматических жалоб, Торонтская алекситимическая шкала (TAS), Шкала депрессии Бека, опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса, опросник «Индекс жизненного стиля», тест тревожности Спилбергера.

Анализ результатов показал тенденцию, характерную для всех психосоматических больных: высокий уровень алекситимии, депрессии, тревожности, истощения, интенсивности соматических жалоб. Преобладающие копинг-стратегии (стратегии преодоления стресса): бегство-избегание, поиск социальной поддержки, дистанцирование, что может свидетельствовать об избегании собственной ответственности за принятие решений. Способы психологической защиты: отрицание, интеллектуализация, подавление (вытеснение), отрицание.

Были предложены следующие направления психологической помощи: развитие эмоционального интеллекта, нахождение внутренних ре-

сурсов и опор, телесно-ориентированные практики, осознание собственной ответственности за решение своих жизненных проблем.

Литература

1. *Агранович, Н. В.* Комплексная оценка психологических нарушений и влияние их на качество жизни больных с хронической почечной недостаточностью / Н. В. Агранович, Ю. П. Редько. — Текст : непосредственный // Медицинский вестник Северного Кавказа. — 2007. — № 1. — С. 8–12.
2. *Александр, Ф.* Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение / Ф. Александр ; перевод с английского С. Могилевского. — Москва : Эксмо-Пресс, 2002. — 352 с. — Текст : непосредственный.
3. *Елфимова, Е. В.* Психосоматические взаимоотношения при заболеваниях желудочно-кишечного тракта на модели синдрома раздраженного кишечника / Е. В. Елфимова, М. А. Елфимов, А. С. Березкин. — Текст : непосредственный // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. — 2015. — № 4 (116). — С. 83–88.
4. *Кубарева, М. И.* Психосоциальные факторы ишемической болезни сердца / М. И. Кубарева, А. Д. Ибатов. — Текст : непосредственный // Терапевтический архив. — 2019. — № 12. — С. 70–74.
5. *Малкина-Пых, И. Г.* Психосоматика : [справочник практического психолога] / И. Г. Малкина-Пых. — Москва : Эксмо, 2005. — 992 с. — Текст : непосредственный.
6. *Соловьевская, Н. Л.* История развития психосоматики / Н. Л. Соловьевская. — Текст : непосредственный // Труды Кольского научного центра РАН. — 2018. — № 11–15. — С. 110–120.

В. Н. Мунгалов,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Рассмотрение процессов культурогенеза имеет целью построение моделей развития культуры, обладающих прогностической ценностью для развития общества и человека [1]. Субъектом культурогенеза можно назвать человека или сообщество людей. Развитие культуры находит свое выражение в ментальности как системе мировоззренческих установок, позволяющих человеку структурировать события, жизненные ситуации и организовывать свою деятельность.

Культурогенез как предмет научного исследования опирается на диалектический анализ противоречий в существовании человека. Так, например, А. П. Назаретян [3] рассматривает процессы развития культуры как ответ на технологические прорывы, нарушающие баланс во взаимодействии человека с природой. А. Я. Флиер [5] по характеру доминирующих ориентаций в отношениях с природным и социальным окружением рассматривает три стадии культурогенеза: культуры эколого-генетической ориентации (первобытные), культуры историко-генетической

ориентации (государство и религия), культуры экономико-социальной ориентации (модерн и постмодерн).

В. С. Степин отмечает, что жизнедеятельность человека осуществляется через реализацию трех видов отношений: отношение к природе и вещам, отношение к другим людям и социальным коллективам, отношение к духовному миру [4]. Результатом реализации этих отношений становится формирование систем общественных отношений. Сопоставление таких систем в историческом контексте раскрывает процессы культуругенеза как процесса зарождения и становления культуры, формирования и трансформации основных ее характеристик.

Культура представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ активности человека [4]. Эти программы создаются прежде всего для оптимизации процесса передачи опыта взаимодействия с окружающим миром новым поколениям. Создаваемые обществом программы позволяют человеку структурировать события в своей жизни, создают основу для анализа ситуаций и формируют ментальность как особенность психического склада и мировоззрения человека.

Сопоставление ментальностей — это вопрос поиска сходного и различного в мировоззрении людей как представителей разных социальных общностей. Анализ ментальности только на основании элементов духовной культуры существенно сужает прогностическую ценность сопоставления ментальностей. Понимание ментальных особенностей народов в многонациональном государстве, а также ментальности своих соседей позволяет обеспечивать безопасность сложившихся (или формируемых) социальных общностей. Поэтому в анализе ментальностей разных сообществ необходимо учитывать природные (ландшафт, климат, природные ресурсы), экономические (достаток, торговля, тип хозяйственной деятельности как основа благосостояния сообщества), политические (особенности власти и взаимодействие с соседями), социальные и культурные факторы [2]. Причем масштаб их рассмотрения (уровень цивилизации, государства, региона, этноса и пр.) определяется исследовательскими задачами.

Отражение ментальности в культуре было впервые выражено через понятие архетипа в 1916 году К. Юнгом. Анализируя мифологию разных народов, К. Юнг обнаружил сходные сюжеты и культурное своеобразие их раскрытия. Для сопоставления культур в 1959 году Дж. Мердок предложил использовать культурные универсалии — черты, свойственные всем культурам. Им было предложено более 70 таких черт (организация совместного проживания, разделение труда, космология, семья и пр.).

Развивая идеи о культурных универсалиях, В. С. Степин [4] предлагает рассматривать мировоззренческие универсалии. Они описываются в виде двух блоков: атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность, и социальные универсалии. Так, к первому блоку автор относит такие категории, как «пространство», «время», «движение», «количество» и др. Во втором блоке мировоззренческих универсалий можно назвать категории «человек», «общество», «личность», «добро», «зло», «красота» и др.

Таким образом, описание ментальностей исторических сообществ либо сообществ в определенный временной момент в теоретическом аспекте опирается на сопоставление культурных, мировоззренческих универсалий. Анализ ментальности сообществ предполагает рассмотрение предыстории формирования данной ментальности с выделением детерминант, повлиявших на особенности смыслового наполнения означенных выше универсалий. Выбор универсалий для сопоставления и анализ детерминант определяются в соответствии с целями исследования и его масштабом.

Литература

1. *Запесоцкий, А. С.* Современная культурология как научная парадигма / А. С. Запесоцкий. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 76–87.
2. *Мунгалов, В. Н.* Содержание и структура ментального пространства сибиряков (на примере русских, бурят и евреев) / В. Н. Мунгалов. — Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. — 2010. — № 334. — С. 138–141.
3. *Назаретян, А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика–психология–прогнозирование / А. П. Назаретян. — Москва : Мир, 2004. — 368 с. — Текст : непосредственный.
4. *Степин, В. С.* Цивилизация и культура / В. С. Степин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. — 408 с. — Текст : непосредственный.
5. *Флиер, А. Я.* Культурогенез / А. Я. Флиер. — Москва : Рос. ин-т культурологии, 1995. — 128 с. — Текст : непосредственный.

А. В. Никифорова,

преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУП

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ У ЖЕНЩИН, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СЕБЯ КАК ЧАЙЛДФРИ, И ЖЕНЩИН, ПРИНЯВШИХ РЕШЕНИЕ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ

Семья всегда была важнейшим институтом развития личности и необходимым условием формирования коммуникаций человека с окружающим миром [5]. В настоящее время семья претерпевает серьезные

трансформации (в том числе под воздействием СМИ [2]), в результате которых становится заметной такая тенденция, как спад рождаемости [1]. Нежелание становиться родителями или стремление заводить первого ребенка уже в зрелом возрасте напрямую связано с демографическими установками молодого поколения России [4, с. 36]. Также следует отметить рост популярности такого социального движения, как чайлдфри.

В России представители чайлдфри-сообществ появились не так давно по сравнению с Западной Европой и США. Стоит заметить, что эта группа граждан неоднородна по составу, их взгляды на семью и материнство могут быть различными. Единственное, что их объединяет, — отказ от рождения детей при отсутствии физиологических проблем, которые могли бы обусловить такое положение. В настоящий момент выделяют две большие группы: чайлдфри — люди, которые спокойно относятся к детям и могут с ними взаимодействовать, и чайлдхейт — те, кто негативно относится к детям вообще и отказывается от любого контакта с ними.

Таким образом, все, что происходит с институтом семьи, находит определенное отражение в социальных представлениях о материнстве, замужестве и детях у людей разных социальных групп. А. Брушлинский, раскрывая теорию «социальных представлений» в понимании С. Московичи, пишет: «Это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения (отчасти иррациональные), идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность» [3, с. 2]. Говоря о структуре социальных представлений, стоит акцентировать внимание на теории «ядра и периферии» Ж.-К. Абрика, согласно которой ядро социальных представлений устойчиво и базируется на базовых нормах и ценностях, а периферия имеет тенденцию к изменениям [6, с. 129].

Было проведено исследование с целью проверки гипотезы о том, что есть различия в социальных представлениях о материнстве у женщин чайлдфри и женщин, принявших решение иметь детей. В исследовании принял участие 71 человек, из них 31 — представители чайлдфри, 40 — планируют стать родителями.

Результаты социальных представлений о материнстве у женщин чайлдфри и женщин, принявших решение иметь детей, следующие:

1) у женщин чайлдфри в ядре социальных представлений присутствует такая ассоциация, как ответственность, в то время как у жен-

щин, планирующих иметь детей, ядро определяется такой ассоциацией, как любовь;

2) у женщин чайлдфри периферия социальных представлений о материнстве обозначается такой ассоциацией, как забота, в то время как у женщин, планирующих иметь детей, периферия определена такой ассоциацией, как обязанность.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что для женщин чайлдфри материнство связано в первую очередь с определенными обязательствами по отношению к ребенку, и материнство для них больше похоже на рутину, чем на приятное событие. У женщин, планирующих иметь детей, наоборот, отношение к материнству больше выражено в термине принятия и отражает эмоциональную и духовную составляющие данного явления, нежели как то, что способно ограничить их свободу.

Возникает вопрос о причинах, влияющих на процесс формирования социальных представлений о материнстве у женщин-чайлдфри. Возможно, это связано с нарушениями эмоциональных коммуникаций в родительских семьях, однако такая гипотеза требует дальнейшей проверки, актуальность которой будет подкрепляться ростом числа женщин чайлдфри в нашей стране.

Литература

1. Горшкова, В. В. Семья в проблемном поле современного социума / В. В. Горшкова, Е. П. Тонконогая, А. А. Мельникова. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. — 302 с. — Текст : непосредственный.
2. Запесоцкий, А. С. Влияние СМИ на молодежь как проблема отечественной педагогики / А. С. Запесоцкий. — Текст : непосредственный // Педагогика. — 2010. — № 2. — С. 3–16.
3. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс : [перевод с французского] / С. Московичи. — Москва : Центр психологии и психотерапии, 1998. — 480 с. — Текст : непосредственный.
4. Рудакова, Е. К. Многофакторный анализ внутренних демографических угроз России / Е. К. Рудакова. — Текст : непосредственный // Власть. — 2020. — Вып. 6. — С. 30–38.
5. Современная социология семьи: проблемы и их решения / А. Ю. Нагорнова, Е. А. Данилова, А. А. Салихова [и др.]. — Ульяновск, 2020. — 122 с. — Текст : непосредственный.
6. Социальные представления о брачном партнере: поколенческий подход / Т. П. Емельянова, Д. А. Шмидт. — Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. — 2021. — Т. 12, вып. 1. — С. 126–142.

А. О. Новикова,

магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

А. А. Мельникова,

профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурыологии

МАНИПУЛЯЦИИ В ОБЩЕНИИ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

Семья является одним из объектов социологических, социально-психологических и педагогических исследований. Проблему психического состояния семьи невозможно переоценить. Здоровый психологический климат семьи обеспечивает индивиду возможность и способность преодолевать трудности, невзгоды и препятствия на жизненном пути. Исследования ряда ученых четко показывают, какое негативное влияние оказывают конфликты на удовлетворенность супругов семейной жизнью, на их взаимоотношения и психологическую составляющую в паре в целом. Часто встречающимся результатом конфликта между супругами является развод. Семейные пары распадаются, когда люди не могут конструктивно разрешить спор, не умеют слушать и слышать друг друга, а главное — не могут объективно установить реальную причину конфликта для дальнейшего недопущения разногласий [1].

Не последнее место в рейтинге основных причин семейных конфликтов занимают манипулятивные ссоры. Чаще всего супруги прибегают к манипуляции именно в момент ссоры. Это связано с тем, что во время взаимных обвинений у каждого из супругов есть шанс направить конфликт в нужное ему русло; в идеальном варианте — локализовать спор. Однако чаще всего манипуляции оказывают разрушающий эффект. Таким образом, манипуляция может стать как своего рода уловкой, хитростью с положительным результатом, так и каплей масла в огонь конфликта.

Манипуляции как таковые — это сложный, многогранный процесс, характеризующийся социально-психологическим воздействием с целью изменения восприятия, а как следствие — и поведения другого человека. Для манипуляций характерно множество приемов, которые активно применяются в семьях. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся методы манипуляции.

Манипуляция виной — часто применяемая техника в эпоху абьюза, газлайта и токсичности. Это эмоциональное и духовное насилие, результатом которого может стать психологическая травма. Манипулятор в данной ситуации позиционирует себя как властелин, имеющий

возможность подавлять жертву, то есть манипулируемого. Чаще всего данный прием носит перманентный характер и используется от ссоры к ссоре.

Манипуляция безразличием. Для данного приема характерно молчание, избегание всякого взаимодействия с партнером, выражение отрешенности и незаинтересованности. Имеет, как правило, деструктивный характер и не ведет к положительному разрешению конфликтной ситуации. Некоторые люди именно этот способ манипуляции переносят наиболее тяжело.

Манипуляция любовью — еще один прием, который может применяться как намеренно, так и неосознанно, при этом он даже может быть основан на искренних добрых чувствах. Осознанная манипуляция любовью чаще всего ведет к тому, что объект вынужденно поступает своими предпочтениями, подавляет собственное «я» — по его мнению, во имя любви и мира в семье. Однако так он всего лишь попадает на уловку расчетливого супруга.

Манипуляция страхом схожа по своему содержанию с манипуляцией виной, однако тут в большей степени речь идет о физическом насилии, шантаже и запугивании. Как правило, при этом употребляются слова «развод», «дети», «суд», «имущество» — в общем то, что объект манипуляции больше всего боится потерять и больше не обрести.

Манипуляция деньгами. Типичная ситуация для семьи, где муж зарабатывает, а жена просто «красивая». Роли вполне конкретные: он добытчик, она содержанка. Он манипулирует, а она вынуждена мириться с этим, думая (вполне возможно, что ошибочно), что без него она «не выживет», не прокормит себя, не сможет удовлетворять все свои «хочу».

Манипуляция слезами — исключительно женский способ, который по содержанию схож с обидой, но выражается еще и в слезах, истериках. Женщина в данной ситуации полностью перекладывает ответственность на мужчину, и ему не остается ничего другого, кроме как поддаться и начать всячески успокаивать жену, потому что большинство мужчин с трудом переносят женские слезы.

Манипуляция унижением. Манипулятор методично вспоминает обо всех прошлых неудачах и, бесконечно указывая на них, вырабатывает в манипулируемом комплекс неполноценности, ощущение собственной никчемности и бездарности.

Таким образом, прочность семьи обуславливается не отсутствием ссор, в том числе спровоцированных манипуляциями, а умением достойно с ними справляться и накапливать опыт для безболезненного и быстрого преодоления конфликтных ситуаций в будущем [1]. Для этого

необходимо понимать, что стоит за поведением супруга — искренние чувства или манипулятивная стратегия.

Литература

1. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.

И. А. Нуттунен,

магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

А. А. Мельникова,

профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии

ОТЦОВСТВО КАК ФЕНОМЕН: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА

Отцовство и связанная с ним проблематика все чаще привлекает внимание психологов. Связано это с тем, что фактически за очень короткое время, в течение жизни двух-трех поколений, существенно изменилась не только картина отцовства, но и мнение общества о том, каким должен быть отец, как он должен себя вести и какие функции в семье и по отношению к детям выполнять. По словам И. С. Кона, отцовство является социально обусловленным феноменом в большей мере, чем материнство, а потому его специфический стиль зависит от множества социокультурных условий и изменяется от культуры к культуре [3, с. 183]. При этом необходимо учитывать усиление кросс-культурной составляющей данного процесса, на которую влияют современные СМИ [2].

В психологии существует несколько подходов к рассмотрению роли отца в жизни семьи. С психоаналитической точки зрения отцовство рассматривается как взаимоотношения отца и ребенка в связи с психосексуальным развитием ребенка. Зигмунд Фрейд выделял следующие важнейшие аспекты диады «родитель (отец) — ребенок»:

1) воплощение силы;

2) реализация потребности в безопасности и защите;

3) авторитетность, воспитание и регулирование поведения детей, а в дальнейшем и их моральные установки [1, с. 7]. Именно отцовские моральные принципы и ценности становятся основой для развития личностной идентичности.

Немецкий социолог Эрих Фромм отличал отцовскую любовь от материнской. Любовь матери — безусловная любовь, теплота и принятие своего ребенка, каким бы он ни был. Отцовская любовь условна, ее на-

до заслужить, следуя отцовским принципам и наставлениям. Таким образом, отцовство, включая в себя передачу социально-культурных норм, традиций и следование им, выполняет социализирующую функцию. Материнская любовь безоценочна, поэтому за социализацию ребенка отвечает отец. Когда он является носителем нормы, с ним связано чувство опоры, надежности и уверенности у всех членов семьи. В психоаналитической концепции отец рассматривается как проводник во внешний мир, его задача состоит в утверждении и сохранении определенных моделей поведения, полезных не только для социализации ребенка, но и для дальнейшего развития рода.

Классический бихевиоризм определял образ отца как «воспитателя», наставника, который пресекает или поощряет определенное поведение ребенка и таким образом воспитывает надлежащие реакции. Отец — это модель, наблюдая за которой, ребенок подражает и учится на его примере справляться с той или иной ситуацией, вырабатывая при этом определенные модели поведения.

В рамках социальной и гендерной психологии отцовство исследуется как социальная роль, статус в семье. Отец транслирует пример того, как вести себя в той или иной ситуации в социуме и с детьми. На этой основе у ребенка формируется понимание, каким должен быть отец и мужчина.

На базе различных теорий А. Н. Липасова [4] анализирует и сравнивает три подхода к понятию отцовства.

Биологический детерминизм. Представители данного подхода (Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, З. Фрейд, Э. Фромм и др.) считают, что отцовство — это инстинкт, биологически заложенный в человеке. Главная задача отца состоит в том, чтобы позаботиться о дальнейшем потомстве как части социума. В обязанности отца входят утверждение и сохранение определенных моделей поведения, полезных не только для социализации ребенка, но и для дальнейшего развития рода. Отец — прежде всего продолжатель рода, хранитель семейной собственности и ролевая модель для детей.

Социальный конструктивизм, который рассматривает отцовство с точки зрения демонстрации власти и порядка. В данной концепции четко разграничены материнские и отцовские функции: мать полностью занимается воспитанием детей, отец занят на работе. В задачи отца входит контроль, прежде всего, над своей семьей. Отец доминирует, но эмоционально не включен, не проводит время с семьей, компенсируя это навязыванием своей воли всем членам семьи. Немецкий психоаналитик А. Митчерлих исследовал феномен «общество без отца» и отмечал, что именно демонстрация излишней автономности, контроля

и маскулинности отца порождает синдром «отсутствующего отца». Он подчеркивал, что этот синдром способен образовывать «в психике дыру, которая наполняется демонами, дающими право разрушать. Это ведет к регрессу и варварскому, эгоистичному и инфантильному поведению» [4, с. 640]. «Общество без отца» либо живет в мире фантазий, либо ведет себя беспричинно агрессивно.

Биосоциальный подход — синтез биологического детерминизма и социального конструктивизма. Представители данной концепции И. Игли и В. Вуд выдвинули идею, что мужские и женские роли зависят как от биологической природы, так и от конструируемых в обществе норм и ожиданий по отношению к ним. Биосоциальный подход рассматривает отцовство с эмоциональной стороны. Это одновременно психологическая готовность стать и быть отцом, которая включает в себя особенности характера, субъективный опыт, а также учет социального контекста и общественных ожиданий в формировании своего поведения отцами.

Таким образом, понятие «отцовство» в настоящее время активно исследуется, однако пока отсутствует единая теория, интегрирующая все изложенные концепции.

Литература

1. *Евсеевкова, Ю. В.* Отцовство как психологический фактор развития личности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Ю. В. Евсеевкова. — Новосибирск, 2006. — 18 с. — Текст : непосредственный.
2. *Запесоцкий, А. С.* СМИ как фактор трансформации российской культуры : [научный доклад А. С. Запесоцкого и материалы дискуссий] / А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. — Текст : непосредственный.
3. *Кон, И. С.* Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон. — Москва : Время, 2009. — 496 с. — Текст : непосредственный.
4. *Липасова, А. Н.* Эволюция социологических объяснений отцовства: от Г. Спенсера до Р. Коннелла / А. Н. Липасова. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер. «Социология». — 2016. — Т. 16, № 3. — С. 637–647.

Л. О. Пелепчук,

*аспирант кафедры социальной психологии
Московского государственного областного университета*

ОБЩИЙ УРОВЕНЬ И ЧАСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ

В настоящее время толерантность к неопределенности как характеристика личности играет исключительно важную роль в процессе адаптации человека в любой сфере жизнедеятельности [2]. Мир стре-

нительно меняется и ставит новые и неожиданные задачи; при этом наибольшая нервно-психическая нагрузка ложится на молодое поколение, в частности на студенческую молодежь.

Толерантность к неопределенности (далее — ТкН) — понятие, вошедшее в зарубежную психологию в конце 1940-х годов, то есть после Второй мировой войны. Изначально в западной психологии толерантность к неопределенности понималась как когнитивный компонент, мотивационный конструкт, черта личности, социальная установка. В отечественной психологии этот феномен чаще изучается как социальная установка или интегральная способность личности.

В нашем понимании толерантность к неопределенности наиболее корректно рассматривать как социальную установку. На основе такого ее понимания нами было проведено исследование ТкН у студенческой молодежи. В исследовании приняли участие 150 студентов различных вузов России в возрасте 16–26 лет.

Целью работы стало определение показателей пяти параметров ТкН и ее общего уровня. Для достижения цели требовалось решить несколько задач, предполагающих определение у студентов уровней: 1) принятия новизны; 2) принятия сложных задач; 3) принятия неопределенных ситуаций; 4) предпочтения неопределенности; 5) толерантности к неопределенности. Последняя задача — определить общий уровень ТкН.

Поставленные задачи решались с помощью «Шкалы толерантности к неопределенности МакЛейна» в модификации Е. Н. Осина [1].

В результате было установлено:

1) показатель принятия новизны составил 12,7 балла из 21 возможного, то есть оказался в области средних значений. Это означает, что студенты склонны скорее положительно относиться к новым задачам и обстоятельствам, чем отрицательно;

2) уровень выраженности положительного отношения к сложным задачам составил 28,3 балла из 49 возможных, то есть находится в области средних значений. Это означает, что студенты в одних случаях благосклонно принимают сложные задачи и позитивно относятся к ним, в других реагируют на них негативно;

3) уровень выраженности отношения к неопределенным ситуациям составил 32,5 балла из 63 возможных, то есть показатель этого параметра ТкН попадает в область средних значений и означает амбивалентное отношение опрошенных студентов к неопределенным ситуациям;

4) уровень выраженности предпочтения неопределенности составил 40,1 балла из 70 возможных, то есть показатель этого параметра ТкН находится в области средних значений и означает, что студенты в каких-

то ситуациях могут отдать предпочтение неопределенности, но скорее всего начнут действовать, чтобы внести ясность;

5) уровень толерантности/избегания к неопределенности составил 37,4 балла из 63 возможных, что соответствует среднему уровню выраженности. В одних случаях студенты демонстрируют адаптацию к ситуации неопределенности, в других — делают все возможное, чтобы устранить эмоционально-психологический дискомфорт от нее.

Общегрупповой показатель общего уровня ТкН оказался равным 151 баллу из 266 максимально возможных (умеренная ТкН). По уровням общего уровня ТкН студенческая выборка распределилась следующим образом: высокий уровень — 34 человека (23 %); средний — 110 (73 %); низкий — 6 человек (4 %). Очевидно, что большая часть обследованных студентов имела средний, то есть умеренный общий уровень ТкН. Вкупе с долей обладателей высокого уровня ТкН можно предположить тенденцию к позитивному отношению к ситуациям неопределенности и прогрессирующему уровню адаптивной реакции на неопределенные и неоднозначные условия. Высокая ТкН отражает готовность индивида воспринимать неопределенные обстоятельства жизни и деятельности как желательные и интересные, как вызов, принимая который они получают возможность проявить себя. Таких студентов в выборке оказалось 23 %. 4 % участников исследования отличались низким уровнем ТкН; этим студентам трудно приспособиться к изменениям и быть продуктивными в новых условиях. Они испытывают стресс, демонстрируют поспешные и необдуманные реакции на стимулы извне, избегают неопределенных ситуаций. С большой долей вероятности можно утверждать, что им требуется психологическая поддержка.

Литература

1. *Осин, Е. Н.* Факторная структура версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна / Е. Н. Осин. — Текст : непосредственный // Психологическая диагностика. — 2010. — № 2. — С. 65–86.
2. *Цветкова, Н. А.* Толерантность к неопределенности и адаптивность психологов с различным стажем работы в УИС / Н. А. Цветкова. — Текст : непосредственный // Антропология. — 2022. — № 2 (6). — С. 116–126.

Д. А. Перевезенцева,

*ведущий методист Центральной городской публичной библиотеки
им. В. В. Маяковского (Санкт-Петербург)*

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ

В современном мире женщины все чаще занимают руководящие позиции в профессиональной деятельности, при этом для большинства из них базовой ценностью остается семья [2; 5]. В связи с этим возникает вопрос: как им удается и удастся ли вообще сочетать семейные роли и роли руководителей? Сказывается ли это на семейном благополучии?

«Исследования 1998 года, посвященные лидерству женщин в бизнесе, показали, что такие женщины прекрасно справляются со своими семейными ролями, а неуспешность в семейной жизни во многом определяется ожиданиями мужчины в отношении семейных ролей, которые должна исполнять женщина» [4]. Другое исследование, проведенное в 2008 году, помогло понять, как женщина может быть успешной одновременно в разных ролях: жены, матери, руководителя [1].

Упомянутые исследования показали, что женщина-руководитель может быть счастливой в том случае, если не будет пытаться реализовать стратегию суперженщины, то есть достигнуть идеала во всем. Важную роль здесь играет поддержка мужчины и его готовность взять на себя часть обязанностей по дому.

Как показали исследования М. Мацковского, женщины способны занимать руководящие должности за счет перекалывания своих обязанностей на мужчин, которые, в свою очередь, не могут найти себе подходящую работу по объективным или субъективным причинам. Они просто неспособны зарабатывать больше. Опять же здесь стоит вопрос договоренности в паре. Если женщину устраивает быть кормилицем в семье, а мужчину — заниматься домашними делами, то, на наш взгляд, никакой проблемы нет. Но если в данной ситуации возникают претензии, то эту проблему необходимо обсуждать и приходиться к консенсусу.

Итак, как же распределяются обязанности в доме, если женщина занимает руководящую должность? Здесь может быть три сюжета развития событий.

Первый, когда женщина-руководитель снимает с себя часть обязанностей и ответственность за многие вопросы распределяется на всех членов семьи. Решения принимаются коллегиально, а не конкретным человеком. Некоторые мужчины в таких случаях гордятся своими женами и готовы идти на уступки.

Второй вариант, когда женщина, став руководителем, продолжает «нести все обязанности» по дому на себе. Она продолжает соответствовать ожиданиям мужа и стремится быть хорошей хозяйкой, матерью и женой. Весь груз ответственности лежит на женщине.

Третий вариант, когда женщина-руководитель полностью «выключается» из роли жены и матери.

Как пишет А. Е. Чирикова, «концентрация деловой жизни и ее успешность порождает у женщины потребность повторить этот успех и в семейной жизни. Поэтому деловые успехи женщины являются в известной мере цементирующим фактором семейной жизни» [3].

Семьи, в которых возникают проблемы из-за лидерских качеств женщины и ее руководящей должности, спасти можно. Просто для этого необходимо большее количество усилий каждого из партнеров. Как показывает психологическая практика, те браки, которые заключались по любви, имеют положительную перспективу в разрешении конфликтных ситуаций и разногласий. Ведь любовь и плоды этой любви — дети — способны возродить былые чувства и справиться с неравенством в разных аспектах жизни.

Эгалитарная модель семьи способствует гармоничным отношениям между супругами. Партнеры не делят свои обязанности на мужские и женские, они дополняют и поддерживают друг друга. Мужчина и женщина в таких семьях обретают психологическое равновесие, так как у них появляется уверенность в том, что партнер всегда подставит свое плечо, когда это потребуется.

Можно предположить, что лидерские качества женщины менее болезненно отражаются на семье, если материальный и карьерный рост происходит не внезапно, а постепенно, шаг за шагом.

Литература

1. Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. — Москва : Ин-т социологии РАН, 2009. — № 3 : Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт / Н. Ю. Лапина, А. Е. Чирикова. — 72 с. — Текст : непосредственный.
2. Мельникова, А. А. Взаимосвязь оснований русской культуры и гендерных архетипов в контексте цивилизационной динамики / А. А. Мельникова, Л. Я. Круглянская. — Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2014. — № 2-2. — С. 131–133.
3. Чирикова, А. Е. Женское лидерство и семейные роли: социологический анализ / А. Е. Чирикова. — Текст : непосредственный // Россия и современный мир. — 2011. — № 1. — С. 149–162.
4. Чирикова, А. Е. Женщина во главе фирмы / А. Е. Чирикова. — Москва : Ин-т социологии РАН, 1998. — Текст : непосредственный.

5. Smolina, T. L. How Russians View Themselves: Psychological Study of National Auto-Stereotypes / T. L. Smolina, A. A. Melnikova. — Текст : непосредственный // Психология и Психотехника. — 2017. — № 4. — С. 15–22.

К. Петрова,

*преподаватель кафедры психологии Великотырновского университета
Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), доктор психологических наук, профессор;*

В. Чавдарова,

*преподаватель кафедры психологии Великотырновского университета
Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), доктор психологических наук, профессор*

ПОДГОТОВКА РУКОВОДИТЕЛЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

Требования к руководителю социально-психологического тренинга связаны с тем, что функционирование группы, ее успех или неуспех, удовлетворенность участников группы, их прогресс, реализация поставленных целей, продолжение деятельности и прочее всецело зависят от его подготовки.

Цель нашего доклада заключается в том, чтобы наметить некоторые основные принципы, необходимые в предварительном обучении при подготовке фасилитаторов.

В связи с этим можно отметить четыре направления [2, с. 567]: наблюдение за опытными руководителями; надзор за первыми группами, которыми руководит фасилитатор; участие в групповой работе (обучение), приобретение личного опыта; индивидуальная работа с психологом (при необходимости).

Кратко представим эти направления.

1. Наблюдение за опытными руководителями. Важно: за кем будет организовано наблюдение; как будет осуществляться мониторинг (организация, параметры мониторинга); какой аспект тренинга будет наблюдаться; наблюдение за переговорами; обсуждение наблюдаемых параметров.

Хорошо наблюдать за руководителями тренингов с большим стажем работы, которые могут поделиться своим опытом. Лучше всего для решения поставленных задач подходит видеонаблюдение, так как можно повторно просматривать записи; вести учет наблюдения по заранее согласованным параметрам; обсудить наблюдаемое, принимая во внимание цели и субъективные впечатления [1, с. 60–61].

2. Надзор за первыми группами, который проводит руководитель. Этот важный шаг необходим в связи с возможными ошибками, неиз-

бежно совершаемыми при ведении первых групп для того, чтобы своевременно устранить слабые места, которые могут стать привычным поведением. Неправильно путать супервизию с наблюдением, проверкой, контролем, потому что это такой вид обучения, по поводу которого, как и в случае наблюдения, ведутся обсуждения и заключаются договоренности. Здесь важно помнить, что супервизию можно проводить разными методами — по документам (делясь тем, что происходит в группе, без участия супервизора); с помощью видеозаписей; при непосредственном участии супервизора в деятельности группы. Оптимальным вариантом является совместное руководство группами — лидером с большим опытом и руководителем, который еще только обучается.

3. Участие в групповой работе (обучении) или приобретение собственного опыта. Группы личного опыта в последние десятилетия набрали большую популярность. Это связано с тем, что участие в них позволяет будущему лидеру группы получить опыт в качестве участника, составить свое мнение о том, каким образом действует группа, как происходит получение опыта. Таким образом можно увидеть, какие действия воспринимаются положительно или отвергаются, а на какие группа реагирует равнодушно.

4. Индивидуальная работа с психологом (при необходимости). При наличии серьезных психологических проблем у руководителя необходима консультация с психологом/психотерапевтом. Он поможет руководителю тренинга отрефлексировать свои затруднения, переживания, проблемные зоны и конфликты, которые не следует «переносить» на группу. Нельзя использовать группу для решения личных проблем. Мы не можем утверждать, что руководители тренинга — люди без личных или профессиональных проблем, но при наличии таковых их следует держать под контролем или, по крайней мере, внимательно следить, чтобы эти проблемы не мешали работе.

Не обязательно реализовывать все четыре направления подготовки, но хотя бы одно из них должно присутствовать в обучении руководителя социально-психологического тренинга.

Литература

1. *Петрова, Кр.* Социально-психологический тренинг — теория, методика, практика / Кр. Петрова. — Велико-Тырново : Великотырновский ун-т, 2013. — Текст : непосредственный.
2. *Ялом, И.* Теория и практика групповой психотерапии / И. Ялом. — [5-е междунар. изд.]. — Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2000. — 640 с. — Текст : непосредственный.

О. А. Прокофьева,

практикующий психолог (Санкт-Петербург)

ОБРАЗ «Я» И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Актуальность темы обусловлена результатами ряда социологических и психологических исследований, демонстрирующих рост числа конфликтов среди старшеклассников и отсутствие у них способности к конструктивному преодолению проблемных ситуаций [1; 2]. Как отмечают психологи, значимая социально-психологическая специфика юношеского возраста выражается в трансформации коммуникационной сферы, сопровождающейся проблемами у подростков во взаимоотношениях с окружающими и на внутриличностном уровне, а также в определении своего места в мире.

Юношеский возраст является переломным периодом в жизни каждого человека. Это период перехода от зависимого детства к ответственной взрослости, характеризующийся повышенной чувствительностью к мнению социального окружения и влиянию средств массовой информации [3]. Юноши и девушки находятся в постоянном поиске, их отношение к себе самим и представления о себе часто бывают неустойчивы и противоречивы. Особенности развития личности в этот период во многом определяют последующий жизненный путь. В случае негативного самоотношения у субъекта имеют место неадекватная самооценка, повышенная внутренняя конфликтность, направленное стремление к самообвинению в каждом «провале», а также активное применение защитных механизмов. В случае позитивного самоотношения субъект характеризуется уверенностью в себе, он полностью принимает себя и значимость собственного «я».

Научные изыскания, проведенные Л. С. Выготским и Д. Б. Элькониным, отмечают основные личностные преобразования, сопутствующие юношескому возрасту: становление общего мировоззрения, переход к автономным суждениям, рост требований, предъявляемых к моральным качествам индивида, и пр. В рассматриваемом возрасте (15–18 лет) происходит становление ценностных ориентаций субъекта, в дальнейшем выступающих устойчивой характеристикой их личности. Этот период также благоприятен для определения смысла жизни, формирования самосознания, аккумуляции целостного образа «я», работы с самоопределением, выбора профессиональной сферы для будущей трудовой деятельности.

Образ «я» можно описать как отличающееся осознанностью и сравнительной устойчивостью словесное определение, которое субъект дает самому себе. Становление образа «я» начинается в младшем школьном возрасте, более того, в это время оно является одной из важнейших задач. Качество прохождения этого этапа развития личности обуславливает последующий успех или неуспех социальной адаптации субъекта и его психологическое благополучие. К юношескому периоду у человека уже создан достаточно устойчивый образ «я», хотя и подверженный некоторым колебаниям.

Важная роль в формировании представлений индивида о себе, налаживании социальных взаимодействий и развитии способности эффективно преодолевать различные конфликты принадлежит выбранной им стратегии. Определение стратегии поведения в разросшейся конфликтной ситуации обуславливается представлениями старшеклассника о себе и его самоотношением. Поэтому мы имеем достаточные основания для того, чтобы констатировать актуальность изучения взаимосвязи между образом «я», сформированным у старшеклассников, с одной стороны, и предпочитаемыми ими стратегиями поведения в рамках конфликтов — с другой.

Литература

1. Мельникова, А. А. Норма и патология в культурологическом контексте / А. А. Мельникова. — Текст : электронный // Никоновские чтения : электронный сборник научных статей : [в 2 томах]. — Чебоксары, 2016. — С. 115–118.
2. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.
3. Плескачевская, А. А. Феномен детства: семиотический аспект социально-философского анализа : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / А. А. Плескачевская. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 1997. — Текст : непосредственный.

А. Д. Пузырева,

магистрант III курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

Т. А. Адмакина,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОСОЗНАННОЙ БЕЗДЕТНОСТИ

В современных реалиях вопросы деторождения и репродуктивные установки интересуют ученых разных направлений, в том числе психологов, поскольку репродуктивные планы человека во многом отражают

его индивидуальные психологические черты и позиционирование себя в мире. Феномен осознанного отказа от рождения детей — новая тенденция; никогда прежде она не была так распространена. Мы полагаем, что тенденция к осознанной бездетности связана с рядом психологических факторов.

Распространенность установки на осознанную бездетность стала особенно активно расти в 1970-х годах в Европе. В России эта тенденция пришла на начало 2000-х. С тех пор количество людей с позицией осознанной бездетности только растет. Популяризация данной тенденции связана с рядом процессов, происходящих в обществе. Однако имеются основания предполагать, что в основе тенденции лежат не только социальные причины или новое модное течение. Опираясь на ряд проведенных исследований в этой области, мы предполагаем, что есть определенные психологические факторы, способствующие тому, что человек склонен выбирать осознанный отказ от деторождения.

За последние десятилетия у многих людей значительно поменялись приоритеты и ценности, особенно это касается смысложизненных ориентаций и взглядов на семью. Если прежде, примерно до XX века, бездетность чаще всего была обусловлена невозможностью иметь детей, то сейчас все больше людей склонны намеренно выбирать путь осознанной бездетности. Для современного в общем смысле человека, особенно женщины, стали доступны такие возможности, как формирование собственных репродуктивных планов, близость без последствий. Как отмечает С. А. Векилова, «одним из достижений XX века считается отделение сексуального поведения человека от его репродуктивного поведения. Индивидуальный эротизм и телесное наслаждение перестают бытьотягощенными страхом наступления их неминуемых последствий: зачатия и беременности. Несмотря на то что история развития средств контрацепции насчитывает тысячелетия, их широкое распространение и легитимность начинаются только в XX веке» [1, с. 91–92].

Хотя возможность контрацепции появилась уже в далекой древности, в течение долгих веков рождаемость почти не контролировалась. Феномен осознанной бездетности распространяется лишь в последние сто лет, и данная тенденция продолжает нарастать. Для этого были объективные предпосылки, в том числе исторические и культурные; женская эмансипация, особенности общества постмодерна также являются факторами роста числа людей с негативной репродуктивной установкой. И все же небольшая часть общества по-прежнему выбирает деторождение.

По результатам уже проведенных немногочисленных исследований психологических факторов, влияющих на осознанную бездетность,

можно судить, например, о взаимосвязи между личностной беспомощностью и осознанным нежеланием иметь детей у представителей чайлдфри [3]. Другое исследование выявило, что людей с осознанной бездетностью отличает выраженность личной установки «эгоизм» и отсутствие ценностной категории «дети» [4]. Еще одно исследование показало, что у людей с позицией чайлдфри в юношеском возрасте наблюдается желание быть независимыми и самостоятельными, то есть отмечается ориентация на внутренние стремления в большей степени, чем у желающих стать родителями [2]. Мы делаем вывод, что, несмотря на причины, которыми люди объясняют свое нежелание иметь детей, они имеют схожие глубинные мотивы и психологические факторы, пока не изученные в полной мере.

Литература

1. *Векилова, С. А.* Психология семьи : [учебник и практикум для вузов] / С. А. Векилова. — Москва : Юрайт, 2020. — 308 с. — Текст : непосредственный.
2. *Земзюлина, И. Н.* Мотивационно-ценностные установки людей с позицией чайлдфри в юношеском возрасте / И. Н. Земзюлина, А. В. Северинова. — Текст : электронный // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие : сетевой научный журнал. — DOI:10.23888/humj20202216-224 (дата обращения: 10.03.2023).
3. *Куцубей, А. Т.* Психологические особенности и мотивы отказа от рождения детей представителями чайлдфри / А. Т. Куцубей, И. В. Пономарева. — Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2019. — Т. 5 (71), № 3. — С. 94–104.
4. *Перова, А. П.* Психологические особенности женщин-чайлдфри: современный взгляд / А. П. Перова, Ж. Ю. Кара. — Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — № 6. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/115PSMN620.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

Е. А. Сазонова,

магистрант III курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

Т. А. Адмакина,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ У ЖЕНЩИН С ОПЫТОМ ПАРТНЕРСКИХ РОДОВ

Сегодня институт семьи и в России, и в остальном мире переживает величайший кризис из-за перемен, связанных как с легализацией сожительства, так и с социально-экономическими трансформациями, включающими пересмотр семейной концепции, которая была актуальна еще несколько десятилетий назад.

Уровень удовлетворенности браком представляет собой один из важнейших показателей для определения благополучного или неблагополучного супружества, который позволяет прогнозировать, как определенные факторы могут повлиять на отношения и исход семейного союза.

Чаще всего люди вступают в брак, когда они готовы к рождению детей. Знания о том, какие факторы влияют на повышение удовлетворенности браком, могут помочь нам вырастить более здоровое ментально и физически юное поколение, поскольку проблемные взаимоотношения взрослых, как правило, накладывают отпечаток на развитие и становление детей.

Роды представляют собой огромную психологическую и физическую нагрузку для женщин, даже если они проходят благополучно. Женщина в момент родов чрезвычайно уязвима, она переживает физическую боль, беспокоится о своем здоровье и здоровье ребенка. Кроме того, мы не можем забывать о том, что в медицине существует такое понятие, как «акушерская агрессия», перед лицом которой женщина в момент родов может чувствовать себя беспомощной и одинокой. Благодаря работам зарубежных исследователей мы знаем, что одна из самых острых потребностей будущей матери — чувствовать себя в безопасности. Это может быть достигнуто, если в родах принимает участие близкий женщине человек. Кроме того, существуют данные о том, что благодаря партнерским родам женщина имеет возможность родить более «естественно», физиологично и снизить вероятность каких-либо нарушений.

Такое явление, как партнерские роды, стало популярно в России сравнительно недавно, но уже породило большое количество мифов и домыслов. Кто-то думает, что после партнерских родов большинство мужей теряют сексуальный интерес к жене. Но есть и другое мнение: участие мужчины в процессе родов способствует большей любви к младенцу и благодарности к его матери. Мы придерживаемся позиции, что совместный опыт может укрепить отношения, а опыт проживания партнерских родов определенно можно отнести к одному из наиболее ярких и значимых событий в семейной жизни. Однако, проведя эмпирическое исследование связи удовлетворенности браком и способа родов у женщин, мы увидели, что при оценке взаимоотношений в паре партнерские роды являются нейтральным фактором.

Литература

Деларю, А. В. Партнерские роды как медико-социальный феномен : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / А. В. Деларю. — Волгоград : Волгоград. гос. мед. ун-т, 2007. — 28 с. — Текст : непосредственный.

Егорова, О. В. Феномен удовлетворенности браком: основные направления исследований / О. В. Егорова. — Текст : электронный // Институт Психологии РАН : [сайт]. — Сборник конференции молодых ученых. — 2019. — URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunarо/nauchnye_m/razdel_3_a/egorova_ov.html (дата обращения: 05.03.2023).

Мальгина, Г. Б. Клинические особенности и исходы «партнерских родов» / Г. Б. Мальгина. — Текст : непосредственный // Нерешенные проблемы перинатальной патологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Нижневартовск, 2005. — С. 62–64.

Овсянникова, Е. А. Удовлетворенность браком супругов и их взаимоотношения с детьми / Е. А. Овсянникова, Э. Н. Эдемова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 1. — С. 411–414.

Л. О. Сарсенбаева,

*профессор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
кандидат психологических наук*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Глобальные процессы, происходящие во всех сферах жизнедеятельности человечества, затрагивают и область образования, что проявляется в масштабных международных образовательных проектах. Создание условий для мобильности и обучения в зарубежных вузах привело к массовому перемещению студенческой молодежи из страны в страну. Тенденциями современного мира становятся поликультурное образование, интеграция и открытость образовательного пространства.

В настоящее время в качестве теоретической основы поликультурного образования рассматриваются научные подходы таких ученых, как Дж. А. Бэнкс, М. Дж. Беннет, Дж. У. Берри, Дж. Кушнер, Э. М. Дуарте, Г. Гэй, Р. Гош, Д. М. Голлник, К. А. Грант, Г. Ладсон-Биллингс, Л. Липпманн, Дж. Линч, Г. Люсье, Д. Мацумото, С. Ньюто, П. Г. Рэмси, В. Сиберг, Э. Шервуд, Д. Шум, Б. Х. Судзуки, Х. К. Триандис и др. Учеными применяются близкие по смыслу термины, отражающие подходы к образованию в поликультурной среде:

- мультиэтническое образование (Дж. А. Бэнкс, 1995);
- мультикультурное образование (Г. Люсье, 1996);
- образовательный мультикультурализм (М. Уолцер, 2000);
- школа диалога культур (В. С. Библер, 1975);
- поликультурное образование (В. В. Макаев, 1999; И. С. Бессарабова, 2007);
- поликультурализм в образовании (Г. М. Коджаспирова, 2001);
- многокультурное образование (Г. Д. Дмитриев, 1999);

— культурный плюрализм в образовании (Ш. М. Мухтарова, 2019).

Одним из факторов привлекательности Казахстана для иностранных студентов является поликультурность всех сфер жизни, в том числе поликультурное образование, обеспеченное государственной национально-языковой образовательной политикой. В казахстанской педагогике и психологии различные аспекты этнокультурного и поликультурного образования развиваются в исследованиях М. А. Абсатовой, О. К. Аймагамбетовой, Р. Башарулы, А. А. Бейсенбаевой, С. К. Бердибаевой, Ш. С. Демисеновой, С. М. Джакупова, М. Е. Ержанова, К. К. Жампеисовой, К. Б. Жарыкбаева, Г. Б. Исабековой, Г. А. Кабжановой, З. Б. Кабылбекова, С. К. Калиева, Г. М. Касымовой, К. Ж. Кожаметовой, А. Н. Кошербаевой, З. Б. Мадалиевой, М. М. Мукамбаевой, Ш. М. Мухтаровой, Н. А. Надырмагамбетовой, Ж. И. Намазбаевой, Ж. Наурызбай, Г. К. Тлеужановой, Б. Э. Тлеулова, А. А. Толегеновой, С. А. Узакбаевой, Г. Т. Хайруллина, Н. Н. Хан, Н. Д. Хмель, М. С. Юнусовой и др.

Исследование личности проводится в русле изучения ее свойств: направленности, установок, способностей, характера. К числу важнейших относятся работы, нацеленные на прояснение причинно-следственной зависимости внешнего и внутреннего проявления «я-концепции» на основе целостности сознания, мотивационно-потребностной и эмоциональной сфер личности. В этой парадигме детерминантами развития и поведения человека являются внутренние свойства, что указывает на самодетерминацию личности. В условиях поликультурной среды в качестве детерминанты профессионального становления мы рассматриваем коммуникативно успешную личность.

В психолого-педагогической науке изучается роль коммуникативных умений:

— в процессе присвоения социального опыта и развития высших психических функций (Л. С. Выготский);

— в установлении социальных контактов, в опосредовании совместной деятельности людей (Б. Д. Парыгин, А. А. Леонтьев);

— в плане личностного и профессионального становления (К. А. Абульханова-Славская, А. А. Бодалев, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.).

Анализ научных работ свидетельствует о разнообразии терминологических подходов к исследуемой проблеме: применяются такие определения, как «коммуникативные умения», «коммуникативные навыки», «коммуникативная компетентность», «компетентность в общении», «коммуникативная успешность», «общительность», «коммуникативная креативность» и т. п.

Под коммуникативными умениями мы понимаем комплекс осознанных коммуникативных действий и свойств личности, основанных на теоретической и практической подготовке, позволяющих правильно выстраивать свое поведение, понимать психологические особенности партнеров по общению в поликультурной среде вуза.

Важным аспектом изучения коммуникативных умений является определение их структуры и вида. В состав коммуникативных умений включают:

— информационно-коммуникативные, регуляционно-коммуникативные, аффективно-коммуникативные навыки (А. А. Леонтьев);

— лингвистический, экстралингвистический, рефлексивный компоненты (В. В. Сараева);

— умение ориентироваться в отношениях с партнерами по общению; адекватно воспринимать людей; разбираться в конкретных ситуациях общения; сотрудничать в различных форматах деятельности (А. В. Мудрик);

— слушать и понимать смысл информации; понимать собеседника, сопереживать и сочувствовать; адекватно оценивать себя и других; принимать чужое мнение; разрешать конфликты; взаимодействовать в коллективе (Г. Ш. Якупова);

— планировать сотрудничество; формулировать вопросы; разрешать конфликты; управлять поведением партнера; выстраивать речевое высказывание в устной и письменной речи (С. В. Журавлева).

В структуру комплекса коммуникативных умений студентов мы также включили общительность; межнациональную толерантность; способность к эмпатии; умение разбираться в ситуациях общения; навыки межличностного восприятия.

Анализ исследований показал, что переживание студентами трудностей является естественным на начальном этапе обучения, что связано с адаптацией к новой культуре и требованиям образовательного процесса. Ведущим фактором академической и личностной успешности является уровень сформированности коммуникативных умений — принимать традиции и нормы поведения, взаимодействовать на межкультурном уровне, воспринимать партнеров по общению и др. Кроме того, значимы такие личностные свойства, как мотивация успеха, дружелюбие, толерантность, эмпатия, ценностные ориентации. Психолого-педагогическими условиями развития коммуникативных умений являются: психологическое сопровождение иностранных студентов, участие в социальной и культурной жизни группы, адекватное комплектование групп, применение эффективных образовательных технологий и др.

Т. Л. Смолина,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние десятилетия как в России, так и за рубежом наблюдается рост интереса к феномену самоэффективности. При всем многообразии определений природы самоэффективности данный термин в самом общем виде трактуется как убеждение или вера человека в то, что он способен справиться с различными ситуациями и выполнить стоящие перед ним задачи.

Исследования самоэффективности начались в 1970-е годы с работ А. Бандуры, который определял самоэффективность как когнитивный конструкт, как осознанную способность действовать успешно при решении тех или иных задач, проявляя упорство в достижении целей [3]. А. Бандура также выделил основные источники самоэффективности: опыт мастерства (прошлый опыт успеха и неудач), косвенный опыт, вербальное убеждение и эмоциональный подъем.

В последние годы изучение феномена самоэффективности ярко представлено в работах ученых различных направлений отечественной психологии. Так, современными исследователями выявлена положительная взаимосвязь самоэффективности и психологического благополучия [1]. В трудах Е. А. Могилевкина самоэффективность исследуется как личностный фактор, способствующий карьерному продвижению [2]. Высокая самоэффективность в сфере деятельности расширяет возможности выбора тактики и модели построения карьеры, а также проявляется в уверенности в возможности реализовать профессиональный потенциал. Низкая самоэффективность в сфере деятельности сужает поле выбора типа карьеры, характеризуется неверием в возможность применить на практике свои способности.

Академическая самоэффективность как убеждение в способности добиваться желаемых учебных результатов в конкретных условиях является особо значимым конструктом для обучения на всех ступенях образования, в том числе в высшем учебном заведении [5].

В СПбГУП было проведено исследование самоэффективности обучающихся, в котором приняли участие 117 студентов-конфликтологов в возрасте от 18 до 20 лет — 92 девушки и 25 юношей. Респондентам была предложена методика «Шкала самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В. Г. Ромека [4]. В ходе анонимного опроса, который проводился в групповой форме, было обнаружено, что для

большинства респондентов характерен средний уровень самооффективности (средний балл — 31,3). У 10 % участников исследования был выявлен низкий уровень, у 81 % — средний, у 9 % — высокий уровень самооффективности. Высокая самооффективность характеризуется ожиданием успеха, ведет к хорошему результату и способствует высокой самооценке. Низкая самооффективность, по мнению А. Бандуры, означает ожидание провала, она чаще влечет за собой неудачи и снижает самооценку. В контексте академической самооффективности считается, что обучающиеся с высокой самооффективностью обладают высокой учебной мотивацией и успешно справляются с возникающими препятствиями. Низкая академическая самооффективность характеризуется низкими ожиданиями, поэтому человек прилагает меньше усилий, избегает сложных задач и не достигает больших успехов в учебе. Таким образом, исследование показало, что для большинства опрошенных студентов-конфликтологов характерен средний уровень самооффективности.

Литература

1. Дехтяренко, А. А. Предикторы психологического благополучия / А. А. Дехтяренко, Е. И. Шлягина, А. Н. Гусев. — Текст : непосредственный // Вопросы психологии. — 2022. — № 2. — С. 135–146.
2. Могилевкин, Е. А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг : монография / Е. А. Могилевкин. — Санкт-Петербург : Речь, 2007. — 336 с. — Текст : непосредственный.
3. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. — Санкт-Петербург : Питер Пресс, 1997. — 608 с. — Текст : непосредственный.
4. Шварцер, Р. Русская версия шкалы общей самооффективности / Р. Шварцер, М. Ерусалем, В. Г. Ромек. — Текст : непосредственный // Иностранная психология. — 1996. — № 7. — С. 71–77.
5. Шиленкова, Л. Н. Самооффективность в образовательном процессе (обзор зарубежных исследований) / Л. Н. Шиленкова. — Текст : непосредственный // Современная зарубежная психология. — 2020. — Т. 9, № 3. — С. 69–78.

А. В. Соловьева,

*доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
кандидат психологических наук*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТАКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цифровизация различных сфер жизни общества выступает сегодня приоритетным направлением развития социальной действительности. Более того, востребованность цифровых технологий растет, поскольку

их использование существенно расширяет возможности человека, изменяя качество и стандарты его жизни. На этом фоне особую актуальность приобретают исследования, связанные с опасностью утраты в результате чрезмерного ухода в виртуальное взаимодействие навыков «живого» общения, являющегося необходимой предпосылкой полноценного и эффективного существования не только социума, но и каждого человека. Речь идет прежде всего об исследованиях особенностей проявления самоотношения у современной личности, поскольку именно отношение человека к самому себе, накладывая определенный отпечаток на все его психические процессы и явления, существенно влияет на его взаимодействие с социумом и выступает одной из определяющих первопричин «живого» общения.

В связи с этим была выбрана цель нашего исследования: изучение особенностей проявления самоотношения личности в процессе организации ею контактного взаимодействия. В терминах Л. Б. Филонова речь идет о построении доверительных отношений с партнерами по взаимодействию путем последовательного перехода от абсолютного неведения к взаимопониманию [1]. Для достижения цели исследования применялись методика исследования самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантеев) и методика установления психологических барьеров (Л. Б. Филонов). Выборку исследования составили 60 человек в возрасте от 18 до 24 лет, относящихся к категории наиболее активных пользователей медиатехнологий. Анализ эмпирических материалов осуществлялся с применением статистического пакета Statistica.

Полученные по методике установления психологических барьеров данные дают основание для вывода, что высокая доступность цифровой коммуникации не снижает готовности молодых людей к личному общению. Об этом свидетельствует слабая выраженность действия у них психологических барьеров в процессе организации контактного взаимодействия. В наиболее общем виде это означает, что воздействия, требующие от субъектов контактного взаимодействия раскрытия своих целей, ценностей и других личностных «тайн», не представляют для них опасности, и они с готовностью вступают в контакт. В то же время при организации поверхностного контакта молодые люди больше всего опасаются рассказывать о своих интересах, а при углублении контакта выраженность психологических барьеров увеличивается в условиях необходимости раскрыть свои отрицательные качества и презентовать свою индивидуальность.

Таким образом, получается, что достижение приемлемого контактного взаимодействия, а заодно и утверждение себя в обществе организу-

ются молодыми людьми через презентацию социуму прежде всего своих положительных качеств. Анализ корреляции между выраженностью психологических барьеров на разных стадиях установления контактного взаимодействия и проявлениями самоотношения подтвердил, что выраженность психологических барьеров повышается в условиях, провоцирующих возникновение общего негативного эмоционального фона и чувства неудовлетворенности собой. На это указывает совместная изменчивость положительного характера, обнаруженная по пяти стадиям контактного взаимодействия из шести, у таких показателей самоотношения, как «внутренняя конфликтность» и «самообвинение» (по «внутренней конфликтности» исключение составляет стадия, направленная на раскрытие собственных ошибок; по «самообвинению» — стадия, требующая раскрытия у субъектов контактного взаимодействия отрицательных качеств).

Следует отметить, что в структуре самоотношения молодых людей данные о внутренней неустроенности являются наименее выраженными показателями из всех, свидетельствуя о том, что молодым людям доступна активная рефлексия собственной жизни. Тогда как наиболее выраженный в структуре самоотношения молодых людей показатель «самоуверенности» значимых корреляций со стадиями контактного взаимодействия не имеет. Наиболее же примечательным, по нашему мнению, является тот факт, что второй по выраженности в структуре самоотношения молодых людей показатель «самоценность» обнаруживает значимую положительную корреляцию с первой стадией контактного взаимодействия, демонстрируя, что повышение собственной ценности способствует возникновению у молодых людей напряжения уже с самого начала контактного взаимодействия.

Думается, что полученные в ходе исследования результаты могут стать основой для проведения дальнейших исследований в данной области.

Литература

1. *Филонов, Л. Б.* Психологические способы установления контактов между людьми. Методика контактного взаимодействия / Л. Б. Филонов. — Пушкино : Науч. центр биологических исследований АН СССР, 1982. — 40 с. — Текст : непосредственный.

Д. А. Титова,

*психолог Центра социальной помощи семье и детям Московского района
(Санкт-Петербург)*

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЯ Z В ОБЫДЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Современный меняющийся мир трансформирует представления о социальных нормах и традициях, что коренным образом меняет attitudes людей, особенно молодежи в возрасте 18–35 лет. Сегодня в жизни общества, включая рынок труда, начинают активно участвовать представители поколения Z, чьими характерными особенностями являются высокий уровень приспособления к инновациям в области технологий и активная коммуникация на виртуальных площадках в интернет-среде. Также ученые определяют современное общество как общество потребления, где потребление становится способом интеграции личности в социум [2]. Таким образом, перед исследователями в области психологии остро встает вопрос об особенностях поведения молодежи в современных условиях.

В социально-психологической литературе термин «коммуникативное поведение» рассматривается как психологическая конструкция, которая характеризуется поведением человека в процессе общения с учетом его регулирования общественными нормами и традициями.

Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения молодыми людьми считаются люди в возрасте от 18 до 44 лет. В России принято считать молодежью людей в возрасте от 18 до 35 лет, которые прошли все этапы полового созревания и характеризуются такими качествами, как социальная ответственность и социальная зрелость. Современное общество постоянно трансформируется благодаря внедрению новых технологий, при этом социальные установки и ценности меняются в сторону важности социального статуса и материальных ценностей. Рассматривая молодежь и особенности ее поведения, нужно учитывать и тот факт, что сегодня представители этого поколения впервые полноценно выходят на рынок труда в качестве работников, а некоторые и в качестве работодателей. Новые социальные ролевые модели, их принятие и осознание индивидами также трансформируют поведение молодежи.

Отдельным направлением изучения является коммуникативное поведение в интернет-пространстве и его влияние на становление личности, формирование ценностей, социальных установок и норм поведения. В научной среде можно встретить термин «киберпсихология» или

«психология Интернета». Пионером в данной области принято считать психолога А. Е. Воскунского [4].

Сегодня исследователи отмечают такое явление, как фаббинг — пренебрежительное отношение к собеседнику и отвлечение от разговора в пользу просмотра информации в телефоне. Таким образом между собеседниками исчезает невербальный контакт, утрачивается интерес к разговору, что в целом негативно сказывается на их отношениях. Особенно ярко выражен фаббинг в молодежной среде. Зарубежные коллеги отмечают, что у представителей поколения Z есть риск «стать интернет-зависимыми с самого молодого возраста» [5]. В США постоянно находятся онлайн около 39 % людей в возрасте 18–29 лет и 36 % людей 30–49 лет [6].

Современные технологии прочно укоренились в нашей обыденной жизни. Такие слова, как «диджитализация», «хромакей», «видеоблоггер», перестали быть сугубо отраслевыми, а внедрились в повседневный язык [3]. По мнению Я. И. Гилинского, такая трансформация технологий и включение виртуальной реальности в нашу жизнь повлечет за собой и изменения социальных норм, ценностей и догм. Автор предполагает, что социальные законы и нормы, установившиеся в доцифровую эпоху, уже неактуальны, в то время как «представители старших поколений пытаются все новыми запретами сохранить свои представления о мире и обществе, что неприемлемо для новых поколений» [1].

Особое внимание российские и зарубежные ученые уделяют вопросам деструктивного поведения поколения Z в социальных сетях. Отсутствие четкого механизма регуляции в интернет-пространстве, а также возможность осуществлять коммуникацию в анонимном режиме порождают такие социальные явления, как кибербуллинг и распространение недостоверной информации. В научной среде рассматриваются мотивы деструктивного поведения, существующие установки и психологические особенности молодежи, которые занимают травлей в интернет-среде.

Таким образом, сегодня учеными активно исследуются особенности коммуникативного поведения молодежи, в том числе обусловленные развитием онлайн-коммуникации в Интернете. Также в современных исследованиях рассматривается влияние цифровых технологий на коммуникативные аспекты представителей поколения Z и характеристики формирования деструктивного поведения молодежи в социальных сетях. Особое внимание уделяется тому, на основе каких норм и ценностей необходимо оценивать и интерпретировать поведение молодежи.

Литература

1. *Гилинский, Я. И.* Девиантность в цифровом мире / Я. И. Гилинский. — Текст : непосредственный // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. — 2018. — № 4 (34). — С. 182–190.
2. *Мохова, Д. А.* Особенности потребительского поведения молодежи / Д. А. Мохова. — Текст : непосредственный // StudNet : научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей. — 2022. — № 6. — С. 7148–7153.
3. *Осипова, А. А.* Особенности девиантного поведения молодежи в виртуальной среде / А. А. Осипова, Д. В. Давыденко, Ю. Р. Абдулкадир. — Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 6. — С. 43–47.
4. *Самсонова, Н. Н.* Взаимосвязь интернет-коммуникаций и социального поведения молодежи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Н. Н. Самсонова. — Москва, 2018. — Текст : непосредственный.
5. *Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи / А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Л. Н. Духанина, М. В. Сапоровская.* — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 4. — С. 345–362.
6. *Bruk, D.* This Sobering New Study Says You're Probably an Internet Addict. Best Life / D. Bruk. — Текст : электронный // Galvanized Media. — 2019. — URL: <https://bestlifeonline.com/sobering-new-study-internet-addict/> (дата обращения: 17.10.2022).

Ф. Р. Файзулина,

доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат биологических наук

ПРОБЛЕМА НАРУШЕНИЯ ОБЩЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

В подростковом возрасте общение становится более интенсивным. Оно приобретает особую важность с самого начала подросткового возраста, во многом определяя его границы. Происходит поиск друзей, групповое общение; меняются границы, становится другим общество вокруг подростка. Подростки с проблемами семейного воспитания реагируют на ситуации общения с искаженным восприятием как самой ситуации, так и возможной реакции на нее окружающих.

Нарушение общения у подростков наблюдается во взаимоотношениях как со сверстниками, так и со взрослыми, будь то родители или учителя. Это происходит из-за неадекватной реакции на поведение взрослых детей, когда родители или значимые взрослые излишне эмоционально либо равнодушно реагируют на важное для подростка событие. Поэтому если в детском возрасте нарушается баланс «событие–реакция», это приводит к искажению регуляции эмоциональной функции общения.

Подобные дисбалансы отражаются на поведении подростка, оценке им своего окружения, прежде всего родителей и учителей. Нарушения семейного воспитания, которые выражаются в неадекватной реакции значимых взрослых на поступки и эмоциональные проявления подростка в детстве, приводят к трудностям в общении. Возникают социально-психологические барьеры, которые не позволяют реализоваться в каких-то видах деятельности, а у подростков — в общении.

Социально-психологические барьеры, по Б. Д. Парыгину, возникают вследствие как состояния очень высокой напряженности, так и противоположного состояния. Б. Д. Парыгин объясняет это тем, что выше-названные состояния неадекватны определенным ситуациям, в которых оказывается индивид. Например, может возникнуть торможение духовного потенциала индивида, что может привести к состоянию неключенности в общность, к которой принадлежит подросток. Также барьером, как считает Б. Д. Парыгин, может быть внешняя граница общности, которая дистанцирует себя от других общностей [2]. Такое дистанцирование в подростковом возрасте может быть следствием нарушения семейного воспитания.

Барьеры могут приводить к нарушению оценки, то есть после анализа соответствия новых явлений прежним представлениям субъекта о себе проявляется неадекватная самооценка. Искажения оценки самоощущения вызывают состояние диссонанса, которое может быть в когнитивной сфере, в социальной и проявляться в поведении. Обобщая, можно выделить несколько способов ослабления несогласованности взаимоотношений: изменение отдельных элементов нарушенных отношений; введение новых элементов, которые согласуются с теми, что имеются у индивида; снижение значимости элементов искаженной оценки самоощущения [3].

При исследовании нарушения общения в подростковом возрасте была использована «Методика управляемой проекции» В. В. Столина. Выбор обусловлен тем, что проективная методика основана на косвенной оценке нарушения общения, не связанного напрямую со стилями родительского воспитания и изучением той общности, в которой находится подросток. В ходе применения методики испытуемый олицетворяет себя с подростками своего возраста, успешными и неуспешными в общении со сверстниками. С помощью методики «Анализ семейных взаимоотношений», из которой были выбраны необходимые для исследования шкалы, было также проведено исследование взрослых.

Стили родительского воспитания были изучены на основе теории американского психолога Дианы Баумринд [1], которая выделила не-

сколько важных аспектов родительского воспитания, влияющих на формирование коммуникативных свойств: уровень эмоционального отвержения или принятия ребенка родителями, прежде всего матерью; особенности родительского контроля, принятого в семье, и др.

На развитие навыков общения влияет среда, в которой воспитывается личность. Правильные коммуникативные навыки формируются в течение всей предыдущей жизни подростка. Важнейшим периодом являются первые годы жизни ребенка и проявление эмпатии в этот период со стороны родителей, то, как реагировали значимые взрослые на эмоциональные потребности в его дошкольный период. Формирование навыков общения зависит также от взаимоотношений в школе со сверстниками и учителями.

Литература

1. *Баумринд, Д.* Воспитание умных детей / Д. Баумринд. — Текст : непосредственный // Психология развития: Тексты. — Москва, 2001. — Вып. 5, № 2. — Ст. 3. — П. 2–104.
2. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология : [учебное пособие] / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2003. — 616 с. — Текст : непосредственный.
3. *Фестингер, Л.* Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер ; перевод А. Анистратенко, И. Знаешева. — Санкт-Петербург : Ювента, 1999. — Текст : непосредственный.

С. С. Федосина,

*специалист по учебно-методической работе Центра психологического образования
Регионального института непрерывного образования Пермского государственного
национально-исследовательского университета*

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМОЦИЙ У СТУДЕНТОВ НЕПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В ходе усвоения специфического социального опыта личность в первую очередь получает знания как исходную информацию о тех или иных социальных явлениях [3]. В настоящее время внимание психологов привлекает исследование «житейских» значений в сопоставлении с научными понятиями, особенно важное в области психологии эмоций. Знание того, какие категории люди используют при упорядочивании эмоционального опыта, позволяет лучше понять закономерности развития системы знаний об эмоциях [1].

Н. Д. Былкина, Д. В. Люсин включают в целостную когнитивную схему эмоций следующие категории: antecedentes эмоций, знание о субъективном переживании эмоций, следствия эмоций, медиаторы [1].

Дж. Рассел предлагает двумерную модель категориального пространства эмоций, включающую такие категории, как гедонический тон и активация [4]. Предполагается, что основу когнитивной схемы эмоций составляют такие категории, как гедонический тон и активация, в то время как точная категоризация происходит в терминах antecedентов и следствий эмоций [1; 4]. В течение жизни происходит постепенное увеличение количества категорий, составляющих категориальное пространство эмоций; важную роль в этом играет язык [3]. В то же время исследования, в которых проводилось бы сравнение категориального пространства эмоций у студентов непсихологических и психологических специальностей, отсутствуют.

В нашем исследовании участниками выступили 210 студентов непсихологических специальностей Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ) и 190 студентов психологических специальностей ПГНИУ и Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ). Сбор данных осуществлялся с помощью метода определений: участникам предлагалось дать определение слову «эмоция». При обработке данных использовалась разработанная нами категориальная сетка контент-анализа определений понятия «эмоция», включающая основные категории когнитивной схемы эмоций, а также выделенные в ходе анализа подкатегории. Статистическая обработка данных производилась с помощью критерия ϕ^* — угловое преобразование Фишера, U -критерия Манна–Уитни.

Результаты исследования

В определениях студентов непсихологических специальностей было выделено 338 единиц анализа; при обработке были выявлены категории ($n = 338$): antecedенты эмоций — 13,61 %, субъективное переживание — 52,66 % (подкатегории: ядерный аффект — 28,70 %, активация — 3,25 %, временная перспектива — 13,91 %, аффективная ориентация — 4,44 %, регуляция эмоций — 1,48 %, прототипы эмоций — 1,89 %), следствия эмоций — 18,94 % (подкатегории: поведенческие следствия — 17,16 %, физиологические следствия — 1,78 %), медиаторы — 14,79 %.

В определениях студентов психологических специальностей было выделено 565 единиц анализа; их обработка выявила категории ($n = 565$): antecedенты эмоций — 18,05 %, субъективное переживание — 49,20 % (подкатегории: ядерный аффект — 13,10 %, гедонический тон — 5,84 %, активация — 1,59 %, временная перспектива — 15,75 %, аффективная

ориентация — 4,60 %, прототипы эмоций — 0,71 %, субъективность эмоций — 7,61 %), следствия эмоций — 19,29 % (подкатегории: поведенческие следствия — 18,05 %, физиологические следствия — 1,24 %), медиаторы — 13,45 %.

Сравнение набора категорий показывает их совпадение более чем на 80 %; исключения составляют подкатегории: регуляция эмоций, встречающаяся только у студентов непсихологических специальностей; гедонический тон и субъективность эмоций, встречающиеся только у студентов психологических специальностей.

Сравнение частоты встречаемости понятий в категориях показывает, что студенты непсихологических специальностей чаще обращаются к такой категории, как субъективное переживание (подкатегории: ядерный аффект ($\varphi = 5,67, p \leq 0,01$), активация ($\varphi = 1,66, p \leq 0,05$)); для студентов психологических специальностей более значимой оказывается категория antecedentes эмоций ($\varphi = 1,95, p \leq 0,05$).

Сравнение количества категорий в определениях показывает, что студенты психологических специальностей в среднем используют больше разных категорий в одном определении ($p \leq 0,001$).

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о практически полном совпадении категориального пространства эмоций у студентов непсихологических и психологических специальностей, что можно объяснить влиянием общего фактора — естественного языка. В то же время студенты психологических специальностей в среднем используют больше категорий, что может быть обусловлено спецификой полученного образования.

Литература

1. Былкина, Н. Д. Развитие представлений детей об эмоциях в онтогенезе / Н. Д. Былкина, Д. В. Люсин. — Текст : непосредственный // Вопросы психологии. — 2000. — № 5. — С. 38–48.
2. Гордеева, О. В. Развитие языка эмоций у детей / О. В. Гордеева. — Текст : непосредственный // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 137–149.
3. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : ИГУП, 1999. — 592 с. — Текст : непосредственный.
4. Russell, J. A. Core affect and the psychological construction of emotion / J. A. Russell. — Текст : непосредственный // Psychological Review. — 2003. — Vol. 110, № 1. — P. 145–172.

Е. И. Цюхай,

*старший преподаватель кафедры общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета (Минск);*

А. В. Алешкевич,

*студентка II курса факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета (Минск)*

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА СТУДЕНТАМИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Социальная природа человека проявляется не только в совместной деятельности, но и в условиях его отчуждения от других людей [4, с. 195]. На фоне недостатка обычного общения наиболее рельефно очерчивается значимость понимания людьми друг друга.

Одиночество как переживание невовлеченности в общение может возникать при физической изоляции либо при отсутствии психологического контакта в обществе других людей [1]. Субъективное переживание одиночества охватывает спектр от глубокого отчаяния до позитивной медитации и переживания ценности отношений.

Способность эмоционального понимания собственных состояний и чувств партнеров по общению, а также понимание значимости факторов, действующих на других, определяется в литературе как эмоциональный интеллект [2].

Характер связи между субъективным переживанием одиночества и эмоциональным интеллектом до конца не прояснен, так как одиночество — многоаспектный феномен. С одной стороны, из-за недостатка общения у людей могут быть недостаточно развиты навыки определения эмоций по вербальным и невербальным выражениям. С другой стороны, социальная отгороженность избавляет человека от излишнего «шума» общения, дает возможность прислушаться к собственным чувствам, повышая сензитивность.

В нашем исследовании мы попытались выяснить, способствует ли лучшее понимание студентами эмоциональных переживаний других менее острому переживанию одиночества.

В выборку вошли 84 студента в возрасте от 17 до 24 лет (42 девушки и 42 юноши); средний возраст — 18,5 лет. Выборка была разделена на группы по уровню эмоционального интеллекта: 15 человек с низким (группа А), 33 человека со средним (группа Б) и 36 человек с высоким эмоциональным интеллектом (группа В).

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО-3к), разрабо-

танного Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним [3], и методики диагностики эмоционального интеллекта (МЭИ), разработанной М. А. Манойловой. Полученные данные обрабатывались с помощью пакета SPSS Statistics.

В результате были выявлены статистически значимые различия в значениях показателя общего переживания одиночества в группах Б и В ($U = 309,5, p \leq 0,05$). Так, средние значения показателя общего переживания одиночества составили: в группе А — 15,1; в группе Б — 16,1; в группе В — 12,2. Эта тенденция прослеживается и у юношей, и у девушек (с немного большим значением у последних). То есть студенты со средним уровнем эмоционального интеллекта менее остро переживают состояние одиночества по причине их достаточной, но не чрезмерной рефлексивности.

Также была обнаружена обратная взаимосвязь между интегральным показателем эмоционального интеллекта и общим показателем переживания одиночества ($r = -0,406, p \leq 0,01$). Другими словами, осознание эмоций и управление ими эффективнее осуществлять в состоянии одиночества.

Для сравнения средних в группах рассчитывались описательные статистики по другим шкалам ДОПО-3к. Студенты группы В получили более низкие баллы по шкале «Зависимость от общения» по сравнению с другими группами. Наиболее позитивно воспринимали одиночество студенты группы Б. Вероятно, достаточно развитый эмоциональный интеллект способствует толерантному отношению к одиночеству. Хотя статистически значимых различий по шкалам «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество» между группами обнаружено не было.

Таким образом, развитый эмоциональный интеллект способствует лучшему пониманию собственных эмоций и эмоций других людей по их вербальному и невербальному поведению в общении. Однако обобщенным представляется предположение о существовании некоего оптимума эмоционального интеллекта, достаточного для достижения взаимопонимания в общении, но не допускающего чрезмерной сосредоточенности человека на своих чувствах, приводящей к отчуждению.

Литература

1. Леонтьев, Д. А. Экзистенциальный смысл одиночества / Д. А. Леонтьев. — Текст : непосредственный // Экзистенциальная традиция: Философия, психология, психотерапия. — 2011. — № 2 (19). — С. 101–108.
2. Манойлова, М. А. Методика диагностики эмоционального интеллекта / М. А. Манойлова. — Текст : непосредственный // Акмеология. Методологические и методические проблемы. — 2006. — Вып. 11. — С. 99–104.

3. Осин, Е. Н. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев. — Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — Т. 10, № 1. — С. 55–81.

4. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : ИГУП, 1999. — 592 с. — Текст : непосредственный.

Т. В. Черноусова,

старший преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУП

СТРУКТУРА СТРАТЕГИИ ПРОЖИВАНИЯ СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Неопределенность и изменчивость являются неизбежными характеристиками современного мира. В социальной психологии категория неопределенности стала одной из центральных [1]. Все большее внимание исследователей сосредоточивается на вопросах реагирования на ситуации изменчивости, неопределенности [3; 4] и поиска ресурсов, позволяющих личности справляться с различными с жизненными ситуациями, в том числе в условиях неопределенности [2; 3].

Для описания поведения личности в ситуациях неопределенности мы рекомендуем использовать термин «стратегия проживания ситуации неопределенности» и предлагаем следующее определение данного феномена: «основанный на оценке особенностей ситуации, собственных ресурсов и возможностей, эмоциональных переживаниях, мотивах и целях обобщенный способ реагирования на ситуацию, оцениваемую как неопределенная, необычная, двусмысленная».

Мы предположили, что структуру стратегии проживания ситуации неопределенности составляют когнитивный, эмоциональный, мотивационный и конативный компоненты.

Нами был проведен опрос, в котором респондентам предлагалось описать три ситуации неопределенности, с которыми они сталкивались, и ответить на вопросы относительно каждой из них. Выборку составили 77 жителей Санкт-Петербурга (49 женщин, 28 мужчин) в возрасте от 18 до 50 лет. Проверялось, составляют ли когнитивный компонент такие показатели, как: оценка значимости ситуации, оценка ее как позитивной или негативной, оценка последствий поведения в ситуации как позитивных или негативных, оценка своих ресурсов и возможностей в ситуации как достаточных или недостаточных для оптимального проживания ситуации, оценка своей возможности повлиять на ситуацию как высокой или низкой, оценка возможности других людей повлиять на ситуацию

как высокой или низкой. Предполагалось, что эмоциональный компонент стратегии составляет переживание гнева, удивления и других базовых эмоций, выделенных К. Изардом, а также стенический/астенический характер переживаний. Также предполагалось, что мотивационный компонент составляют 7 мотивов, выделенных В. Э. Мильманом. В когнитивный компонент стратегии мы включали готовность к таким формам поведения в ситуации неопределенности, как поиск социальной поддержки, конфронтация, и другим копинг-стратегиям, предложенным Р. Лазарусом.

Факторный анализ был проведен в два этапа. На первом этапе были проанализированы все 33 показателя. Анализ графика каменистой осыпи позволил выделить три основных фактора, но они описывали менее 50 % от общей дисперсии. В связи с этим мы исключили из последующего анализа показатели, имеющие наименьшие факторные нагрузки по данным трем факторам, и провели повторную процедуру факторного анализа. Так, из анализа были исключены показатели значимости ситуации, оценки возможности других повлиять на ситуацию, удивление и страх, все восемь копинг-стратегий. После исключения перечисленных выше показателей был повторно проведен факторный анализ. Анализ графика каменистой осыпи позволил выделить три основных фактора, описывающих 50 % от общей дисперсии.

Первый фактор описывает мотивационный компонент, в который вошли все семь исследуемых мотивов (поддержание жизнеобеспечения, комфорт, социальный статус, общение, общая активность, творческая активность, общественная полезность). Второй фактор составляет эмоциональный компонент, в который вошли только условно отрицательные эмоции (гнев, печаль, отвращение, презрение, стыд, вина, смущение). Третий фактор можно назвать компонентом когнитивно-оценочным, поскольку в него вошли позитивные оценки самой ситуации, последствий собственного поведения, своих ресурсов и возможностей, а также такие эмоции, как радость и интерес, а также стенический характер эмоций.

Таким образом, частично подтвердилась гипотеза о структуре стратегии проживания ситуации неопределенности.

Литература

1. *Белинская, Е. П.* Неопределенность как категория современной социальной психологии личности / Е. П. Белинская. — Текст : электронный // Психологические исследования. — 2014. — Т. 7, № 36. — Ст. 3. — URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/604> (дата обращения: 12.01.2022).

2. Горьковая, И. А. Возможности диагностики жизнестойкости подростков с помощью проективного рисунка «Моя жизнь» / И. А. Горьковая, А. В. Микляева. — Текст : непосредственный // Человек в условиях неопределенности : сборник научных трудов научно-практической конференции с международным участием : [в 2 томах] / под общей и научной редакцией Е. В. Бакшутовой, О. В. Юсуповой, Е. Ю. Двойниковой. — Самара : Самарский гос. техн. ун-т, 2018. — Т. 1. — С. 118–123.

3. Львова, Е. Н. Личностное опосредование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Е. Н. Львова. — Москва : МГУ, 2017. — 290 с. — Текст : непосредственный.

4. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19) / M. Freeston, A. Tiplady, L. Mawn [et al.]. — Текст : электронный // The Cognitive Behaviour Therapist. — 2020. — Vol. 13. — Art. E31. — URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/the-cognitive-behaviour-therapist/article/towards-a-model-of-uncertainty-distress-in-the-context-of-coronavirus-covid19/A8B3CEAB50F66F1C85282488CF686453> (дата обращения: 24.03.2023).

Т. В. Черняева,

*педагог-психолог Социально-реабилитационного центра
для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург)*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В настоящее время актуальными задачами психологии являются происходящие в обществе процессы, которые вызывают определенные изменения в различных социальных группах [1; 2], в том числе институте семьи [3; 4]. Среди них — трансформация функционально-ролевой структуры семьи, появление большого числа дисфункциональных и неблагополучных семей, проблема выбора брачного партнера и др. В связи с этим возникают новые требования к супружеским отношениям, изменяются требования брачных партнеров друг к другу и семье вообще, возрастает потребность в удовлетворенности супружеской жизнью. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные семейным взаимоотношениям и браку, многие вопросы по-прежнему остаются без ответов.

Значение уровня эмоционального интеллекта (ЭИ) как одного из основополагающих факторов, оказывающих влияние на уровень удовлетворенности браком на разных этапах развития семьи, изучали многие зарубежные и отечественные ученые. М. А. Брэкетт с соавторами пришли к выводу о том, что низкий ЭИ мужа и жены увеличивает количество разногласий между ними, нежели когда у одного из супругов уровень ЭИ несколько выше, чем у другого. В ряде случаев это соотношение да-

же лучше, чем когда оба партнера имеют высокий уровень ЭИ. Д. Гоулман в своих исследованиях говорит о том, что женщины лучше понимают собеседника по мимике, интонации и жестам, мужчины не придают особого значения невербальной экспрессии; в браке жена чаще берет на себя функции эмоционального ведущего, что и приводит к низкому уровню удовлетворенности браком обоих супругов.

О. В. Бондарева выявила, что когда женщина умеет контролировать выражение своих эмоций и грамотно интерпретировать проявление эмоций других, это благоприятствует повышению уровня удовлетворенности супружеской жизнью у ее мужа. М. М. Кашапов в своих исследованиях отметил, что супруг, проявляя своего рода эгоистическую позицию в отношении другого, отдавая приоритет только собственным интересам и потребностям и обесценивая межличностные отношения, обладает низким ЭИ и не способен понять позицию и желания своего партнера.

В целом психологи, опираясь на ЭИ в объяснении психологического климата в супружеской паре, часто упускают из виду другие категории социальной психологии. Семья — это социальная структура, поэтому можно предположить, что уровень удовлетворенности супружескими отношениями будет коррелировать со степенью развитости социального интеллекта (СИ) мужчин и женщин, состоящих в браке.

По мнению С. П. Деревянко, именно общение является связующим звеном ЭИ и СИ, а дифференцирующей чертой — ориентированность этого общения. Общение-стимул связано в основном с ЭИ, так как в межличностном общении он необходим для осмысления собственных эмоций. Общение-цель связано большей частью с СИ, поскольку его способности сконцентрированы прежде всего там, где человек действует вместе с другими или по отношению к другим.

В связи с этим становится актуальной необходимость исследования взаимосвязи удовлетворенности браком с уровнем развития не только ЭИ, но и СИ. При определении тех шкал, которые могут оказывать влияние на удовлетворенность семейными отношениями, психологи могут разрабатывать специальные программы, способствующие развитию ЭИ и СИ, что может повысить устойчивость брачных отношений. Развитие социально-когнитивной гибкости, то есть умения использовать социальные знания при решении новых, ранее неизвестных проблем, а также умения предвидеть результаты своего поведения и действий других людей в конкретных обстоятельствах необходимо супругам в современных реалиях. Как только они перестанут заниматься,

как пишет В. Сатир, «чтением мыслей», а начнут безошибочно интерпретировать эмоциональные переживания другого человека, уровень удовлетворенности браком в целом повысится.

Тесты-опросники, направленные на диагностику уровня удовлетворенности браком, чаще всего содержат вопросы, связанные с оценкой таких параметров, как: эмоциональная близость и эмоциональный комфорт; согласие по основным вопросам семейной жизни; прогноз оценки брака другими, определение чувств к мужу/жене в настоящем и прошлом. Задача психолога-консультанта в процессе работы с супружеской парой заключается в способности заметить особенности коммуникации между мужчиной и женщиной, помочь им справиться с затруднениями и способствовать гармонизации отношений с опорой на методы развития социального и эмоционального интеллекта.

Литература

1. Горикова, В. В. Современное российское общество как пространство конфликта / В. В. Горшкова, А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Конфликтология. — 2018. — Т. 13, № 2. — С. 81–93.
2. Запесоцкий, А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры : [научный доклад А. С. Запесоцкого и материалы дискуссий] / А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. — Текст : непосредственный.
3. Мельникова, А. А. Взаимосвязь оснований русской культуры и гендерных архетипов в контексте цивилизационной динамики / А. А. Мельникова, Л. Я. Круглянская. — Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2014. — № 2-2. — С. 131–133.
4. Современная социология семьи: проблемы и их решения / А. Ю. Нагорнова, Е. А. Данилова, А. А. Салихова [и др.]. — Ульяновск, 2020. — 122 с. — Текст : непосредственный.

В. П. Шейнов,

*профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы
(Минск, Беларусь), доктор социологических наук;*

В. А. Карпиевич,

*доцент кафедры философии и права Белорусского государственного
технологического университета (Минск), кандидат исторических наук*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СМАРТФОНА С ИЗБЕГАНИЕМ НЕУДАЧ, ЭКСТЕРНАЛЬНОСТЬЮ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ПОЛОМ

Данные, полученные по результатам наших исследований, свидетельствуют об ускорении процесса андрогинизации и феминизации молодежи. В среднем зависимость женщин от смартфонов выше, чем мужчин, и ряд связей зависимости женщин от смартфонов отличаются от аналогичной зависимости у мужчин [1–5; 8]. В частности, влияние факторов зависимости от смартфона у женщин и у мужчин различно. У женщин рейтинг влияния факторов следующий: 1) потеря контроля; 2) страх отмены; 3) эйфория; у мужчин: 1) страх отмены; 2) потеря контроля; 3) эйфория [10].

Зависимость от смартфона положительно коррелирует с интернет-зависимостью, чувством одиночества, импульсивностью [4–5], а также с депрессией, тревожностью, стрессом, проблемами со сном, здоровьем, качеством жизни и удовлетворенностью ею, со снижением успеваемости учащихся и студентов [2, с. 235]. Из-за длительного общения посредством смартфона люди становятся менее чуткими друг к другу [8]. Зависимости от смартфона и социальных сетей диагностировались по авторским опросникам [1; 3; 7].

Результаты проведенного нами корреляционного анализа показали, что зависимость от смартфона положительно связана с зависимостью от социальных сетей, экстернальностью, мотивацией избегания неудач, феминностью и «гендерной разностью» и отрицательно связана с маскулинностью и «гендерной суммой». (Понятие «гендерная разность (сумма)», то есть количество феминных минус (плюс) маскулинных качеств, введено В. П. Шейновым [9].)

Таким образом, у пользователей смартфона с более выраженной феминностью и гендерной разностью зависимость от смартфона формируется с большей вероятностью.

Выявленные связи зависимости от смартфона с психологическим полом являются новыми для отечественных и зарубежных исследований.

Анализ полученных в процессе настоящего исследования данных привел к выводу о возрастании среди молодежи таких характеристик, как феминность и андрогинность. Можно сделать вывод, что процесс андрогинизации и феминизации молодежи, выявленный ранее [6], в наши дни ускоряется.

Литература

1. Шейнов, В. П. Адаптация и валидизация опросника «Шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума / В. П. Шейнов. — Текст : электронный // Системная психология и социология. — 2020. — № 3 (35). — С. 75–84. — URL: <http://systempsychology.ru/Articles35/Vol35Ar6.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Шейнов, В. П. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований / В. П. Шейнов. — Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». — 2021. — Т. 1, № 1. — С. 235–253. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyazi-zavisimosti-ot-smartfona-s-psihologicheskimi-i-sotsialno-psihologicheskimi-harakteristikami-lichnosti-obzor> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Шейнов, В. П. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» / В. П. Шейнов. — Текст : электронный // Организационная психология и психология труда. — 2021. — Т. 6, № 1. — С. 97–115. — URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/depnews/file/2021/03/korotkaya_versiya_oprosnika_zavisimosti_ot_smartfona.pdf (дата обращения: 10.03.2023).
4. Шейнов, В. П. Личностные корреляты зависимости от смартфона женщин и мужчин / В. П. Шейнов, А. С. Девидын. — Текст : электронный // Психология человека в образовании. — 2021. — Т. 3, № 3. — С. 313–328. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-korrelaty-zavisimosti-ot-smartfona-zhenschin-i-muzhchin> (дата обращения: 10.03.2023).
5. Шейнов, В. П. Личностные свойства и состояние здоровья у страдающих зависимостью от смартфона / В. П. Шейнов, А. С. Девидын. — Текст : электронный // Социальная и экономическая психология. — 2021. — Т. 6, № 1 (21). — С. 171–191. — URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2021/t6-1/n21-01-07.html> (дата обращения: 10.03.2023).
6. Шейнов, В. П. Незащищенность студентов от манипуляций и их психологический пол, locus контроля и уверенность в себе / В. П. Шейнов. — Текст : непосредственный // Системная психология и социология. — 2017. — № 1 (21). — С. 44–48.
7. Шейнов, В. П. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей / В. П. Шейнов, А. С. Девидын. — Текст : электронный // Системная психология и социология. — 2021. — № 2 (38). — С. 41–55. — URL: <http://www.systempsychology.ru/J-rus/Vol38/T38Ar4.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
8. Шейнов, В. П. Связь зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности / В. П. Шейнов. — Текст : электронный // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. — 2020. — № 4. — С. 120–127. — URL: <https://elib.bsu.by/bits/ream/123456789/253770/1/120-127.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
9. Шейнов, В. П. Уверенность в себе и психологический пол / В. П. Шейнов. — Текст : непосредственный // Системная психология и социология. — 2016. — № 3 (19). — С. 54–59.
10. Шейнов, В. П. Факторная структура модели зависимости от смартфона / В. П. Шейнов, А. С. Девидын. — Текст : электронный // Социальная и экономическая психология. — 2021. — Т. 6, № 3 (23). — С. 174–197. — URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document974.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

Д. А. Шилова,

магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

А. А. Мельникова,

профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ИМИ МАТЕРИНСКОЙ РОЛИ

Лидерство как социальное явление присутствовало в жизни человечества с момента его возникновения. Лидер — это личность, «за которой все остальные члены группы признают право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер деятельности всей группы» [1, с. 18].

До 1970-х годов в психологии лидерства при проведении различных исследований не было гендерного разделения, так как руководящие посты занимали практически исключительно мужчины. При этом с конца XIX века участие женщин как наемных работников начало стремительно возрастать, а с начала XX века образовался целый ряд промышленных отраслей, в которых доминировала женская рабочая сила. В 2018 году данные Росстата показали, что 53,2 % женщин России трудоустроены. Между тем, хотя в последние столетия происходило немало перемен в социально-экономическом положении женщины, занимать руководящие должности они начали совсем недавно.

Как и любой другой субъект трудовой деятельности, руководитель подвержен влиянию своей профессии на личностные характеристики. Так, по результатам теста «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири выявлено: чтобы доказать компетентность в своей сфере и получить признание, женщины-руководители должны не только демонстрировать высокие показатели по шкалам авторитарности, агрессивности и невротичности, но и превышать мужские показатели ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,01$ соответственно). Также было установлено, что у женщин данного социального статуса гораздо сильнее, чем у мужчин, выражена симптоматика «неадекватного избирательного эмоционального реагирования» и «расширения сферы экономии эмоций» ($p \leq 0,001$), то есть они не только склонны контролировать эмоциональную отдачу, реагируя выборочно, но и дистанцируются от социума, игнорируя чувства и желания других, в том числе близких им людей. В то время как женщины-подчиненные по сравнению с женщинами-руководителями показывают наивысший результат по показателям дружелюбия и уравновешенности ($p \leq 0,05$) [2, с. 268].

Из полученных результатов мы можем сделать вывод, что женщины, активно проявляющие свои лидерские качества в профессиональной деятельности, имеют определенные характеристики и психотипы. Поскольку эти качества проявляются в межличностных отношениях, можно предположить, что это не только отношения на работе, но и в семье, в частности отношения с ребенком (детьми).

Для понимания сути отношений матери и ребенка обратимся к психологическим исследованиям. Американский психолог Г. Харлоу, изучавший социальное поведение и развитие обезьян, проводя эксперименты, развенчал идею бихевиоризма, что младенец животного воспринимает любовь на уровне условных рефлексов, через предоставляемое ему молоко, которое удовлетворяет его базовую потребность. Проведенное Харлоу исследование контактов обезьянок с тряпичными, не дающими молоко «матерями», а также с обмотанными проволокой, но дающими молоко куклами в виде «матери» показало, что молоко не было главным фактором. Большее значение получил телесный контакт, из-за чего детеныши обезьян стремились именно к той «матери», которая давала ощущение тепла, а не утоляла их голод. При этом то, какая именно была у детеныша обезьянки «мать» (проволочная или теплая, тряпичная), обусловило его поисковую активность, формы контакта с другими обезьянами, а также способность/неспособность выстроить парные отношения. Эти эксперименты показали, насколько сильно именно характер взаимодействия с матерью влияет на социальную адаптацию. Детеныши обезьян, находясь в контакте с неодушевленной куклой, воспринимаемой ими как «мать», не испытывали большую часть спектра эмоциональных реакций, не взаимодействовали с другими приматами, не воспринимали потом собственных детенышей или проявляли к ним агрессию.

Эти результаты, связанные с эмоциональной депривацией, имеют значение и при трактовке особенностей развития ребенка. Его психологические свойства будут во многом зависеть от характера и вида взаимодействия именно с матерью. Современные исследования подтверждают, что затруднения в эмоциональной сфере, социальной адаптации и поведении часто возникают у детей, выросших в нарушенных отношениях с матерью.

Таким образом, можно предположить, что упомянутые специфические черты личности женщины-руководителя влияют на взаимоотношения с ребенком. Не удовлетворяя потребности ребенка, они дезинтегрируют привязанность и влияют на его способность выражения полного спектра эмоций. В связи с увеличением количества женщин на руководящих должностях чрезвычайно актуальным представляется исследование того, как влияет на выстраивание отношений с ребенком наличие у его матери статуса руководителя.

Литература

1. *Котляров, И. В.* Социология лидерства. Теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. — Минск, 2013. — 479 с. — Текст : непосредственный.
2. *Кошенова, М. И.* Специфика личностной деформации женщины-руководителя / М. И. Кошенова. — Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 7 (19). — С. 266–269.

А. И. Шужебаева,

*доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат педагогических наук*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ШКОЛЬНИКОВ

Основной и самой значимой целью деятельности каждого образовательного учреждения является создание оптимальных условий для достижения обучающимися результатов, соответствующих государственным образовательным стандартам. В настоящее время в Республике Казахстан на изучение проблем образовательной сферы, поиск путей ее совершенствования направлены усилия как теоретиков психолого-педагогической науки, так и специалистов-практиков.

Кризис в социуме, реформирование системы образования, пересмотр оценки достижений учащихся (суммативное и формативное оценивание), активное внедрение инноваций в учебный процесс, комплекс личностных проблем, накапливающихся у детей и взрослых (родителей и педагогов), реализация принципов педагогики сотрудничества [1] — далеко не полный перечень проблем современной школы, решение которых зависит от «грамотного, правильного, эффективно-психологического сопровождения ребенка на всех стадиях его развития: дошкольного, школьного и заканчивая вузовским образованием» [2, с. 26].

В казахстанской психолого-педагогической науке имеются данные ряда исследований, посвященных изучению социально-психологических проблем учащихся. Так, например, ученые из Казахского национального женского педагогического университета под руководством доктора психологических наук, профессора Х. Т. Шеръяздановой [2, с. 22] в результате проведенных исследований со студентами I курса, то есть вчерашними школьниками, выявили проблемы, которые ранжировали по трем категориям: личностные, социально-психологические, семейные. Естественно, данная классификация не исчерпывает всех вопросов личностного развития субъектов образовательной сферы,

поскольку одна выявленная проблема может быть тесно взаимосвязана с другими либо они зависят одна от другой.

Проведенные нами диагностические исследования, а также психологические консультации старшеклассников позволили выявить более широкий круг вопросов их личностного развития. Остановимся на некоторых из них.

Ученица 9-го класса пришла на консультацию с жалобой на застенчивость и постоянное чувство тревоги. Проблема застенчивости проявляется в том, что она робеет, отвечая у доски перед классом; избегает общения с мальчиками; боится участвовать во внеклассных мероприятиях, хотя желание имеется; она сочиняет стихи, но стесняется их показывать и читать. Внешнее наблюдение за старшеклассницей позволило выявить все признаки неуверенного поведения, заниженной самооценки, которые сочетаются со страхом проявить себя, отстаивать свою точку зрения, строить конструктивные взаимоотношения с окружающими, а также с проблемой детско-родительских взаимоотношений [4, с. 83].

Проведенное нами диагностическое обследование учащихся 5-х классов с применением проективной методики — рисуночного теста «Моя семья» показало, что большинство детей подвергается чрезмерной опеке и жесткому контролю со стороны родителей; в основном такие родители используют по отношению к своим детям авторитарные методы воспитания и проявляют гиперопеку. Поэтому у детей в таких семьях наблюдается амбивалентность чувств: либо они чрезмерно агрессивны, либо слишком замкнуты; боятся проявлять активность, раскрывать свои способности, получать плохие оценки [3].

Таким образом, основными направлениями работы психологической службы в современной школе, на наш взгляд, являются:

- изучение личностных особенностей учащихся и осуществление личностного подхода к ребенку;
- оказание психологической помощи семье в деле воспитания и обучения детей;
- работа по профессиональной ориентации;
- организация мероприятий по коррекции девиантного поведения;
- диагностика, профилактика и коррекция отклонений в личностном развитии учащихся.

Литература

1. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988> (дата обращения: 28.11.2022). — Текст : электронный.
2. Шерьяданова, Х. Т. Реалии и перспективы подготовки специалистов-психологов в высшем звене образования : [монография] / Х. Т. Шерьяданова. — Алматы, 2019. — 243 с. — Текст : непосредственный.

3. Шужебаева, А. И. Основные аспекты концептуальных подходов в модернизации педагогического образования / А. И. Шужебаева. — Текст : непосредственный // Наука и жизнь Казахстана. — 2019. — № 1 (74). — С. 395–400.

4. Шужебаева, А. И. Психолого-педагогические исследования трудностей в общении детей в условиях семейного воспитания : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / А. И. Шужебаева. — Талды-Курган, 2001. — 156 с. — Текст : непосредственный.

А. П. Якунин,

*администратор Центра делового сотрудничества «Потенциал»
(Санкт-Петербург), кандидат психологических наук*

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ: К ОБОСНОВАНИЮ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование психологического или социально-психологического образования всегда требует реализации двух планов: онтологического и гносеологического [1; 2]. Онтологический план исследования предполагает изучение феноменологии исследуемого образования, гносеологический — определение механизмов возникновения данного образования [1; 2]. Социальное представление как социально-психологическое образование большой социальной группы не является исключением для реализации обоих указанных планов исследования.

В исследованиях социальных представлений подростков 12–15 лет о личности взрослого человека и социальных ролях взрослого [4; 5] были установлены новые эмпирические явления онтологии социальных представлений, в частности несогласованность элементов «ядра» конкретного социального представления. Установление данного факта требует дальнейшей проверки и теоретического обоснования, что может стать предметом новых исследований феноменологии социальных представлений. Например, как было установлено, подростки не связывают в отношении личности взрослого человека понятия «семья» и «карьера», что может подтверждать понимание подростками семьи через любовь [5]. Возникают вопросы о том, являются ли согласованными (связанными) понятия «семья» и «карьера» у молодежи и у самих взрослых людей? Таким образом, явление «согласованности–несогласованности» элементов «ядра» социального представления требует дальнейших исследований среди представителей разных социальных групп о различных объектах и субъектах познания.

Новое понимание гносеологии социальных представлений связано с исследованием проблемы объективации психологического потенциала

человека [3]. Для решения этой проблемы надо исходить из понимания того, что конструирование социального представления реализуется членами группы как индивидуальными субъектами, психологическая активность которых континуальна [4]. В отношении решения проблемы гносеологии социального представления как социально-психологического феномена выдвинуты положения о континуальности пары «индивидуальное–социальное», реализуемой непрерывно конкретным человеком в качестве субъекта интерпретации, субъекта объяснения и субъекта созерцания [4]. Таким образом, предлагается гипотеза для новых исследований о том, что каждый член большой социальной группы конструирует социальное представление своей группы об объекте или субъекте отражения одновременно в трех обозначенных качествах, в отличие от формирования индивидуального образа-представления у каждого из членов группы о данных объектах или субъектах отражения только в одном из этих трех качеств, то есть или субъекта созерцания, или субъекта интерпретации, или субъекта объяснения. В результате создаются предпосылки решения проблемы различия между индивидуальным представлением как индивидуально-психологическим феноменом и социальным представлением как социально-психологическим феноменом. Укажем, что решение данной проблемы находится в положениях следующих принципов: принципа субъекта, принципа детерминации, принципа жизнедеятельности, принципа целостности, принципа развития и принципа единства сознания и деятельности.

Литература

1. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность : [монография] / А. Н. Леонтьев. — Москва : Политиздат, 1975. — 304 с. — Текст : непосредственный.
2. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории : [монография] / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : ИГУП, 1999. — 592 с. — Текст : непосредственный.
3. Якунин, А. П. Категория «индивидуальный субъект» и теория социального познания / А. П. Якунин. — Текст : непосредственный // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. — Москва : Ин-т психологии РАН, 2018. — С. 185–191.
4. Якунин, А. П. Смысловые связи в «ядре» социальных представлений подростков 12–15 лет о ролях взрослого / А. П. Якунин. — Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». — 2014. — Вып. 166. — С. 162–179.
5. Якунин, А. П. Социальные представления подростков о личности взрослого человека / А. П. Якунин, Т. И. Короткина, Л. Г. Почебут. — Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2021. — № 201. — С. 7–19.

Секция 2
РЕСУРС КОНЦЕПЦИЙ И ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

О. В. Акимова,

*ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии
Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского*

**ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВОГО РЕАБИЛИТАЦИОННОГО СЕРВИСА
ДЛЯ РОДСТВЕННИКОВ ПАЦИЕНТОВ С ИНСУЛЬТОМ**

Инсульт является социально значимой проблемой современного общества. По данным Всемирной организации здравоохранения, инсульты являются второй по значимости причиной смертности населения — 11 % от общего числа смертей [1]. Возвращение пациента к необходимым видам жизнедеятельности требует продолжительных реабилитационных мероприятий. Основа успешной реабилитации — раннее начало. Значительную часть времени реабилитация пациента, перенесшего инсульт, проходит в домашней обстановке. Возвращение к стандартам повседневной жизни после инсульта — это, с одной стороны, заслуга, с другой — бремя родственников пациента, требующее обширных знаний и колоссальных затрат сил, времени и других ресурсов. Все это определяет актуальность выбранной для исследования темы.

Цель исследования — рассмотрение функциональных возможностей цифрового реабилитационного сервиса для родственников пациентов, перенесших инсульт.

Эмпирическая база исследования — отделение неврологии и отделение реабилитации Регионального сосудистого центра Областного клинического кардиологического диспансера г. Саратова.

Исследование проводилось в два этапа на протяжении 2021–2022 годов. На первом этапе исследования были оценены (выкопировка карточек) социально-демографический и физический статус пациентов отделения неврологии, поступивших с диагнозом «острое нарушение мозгового кровообращения» ($N = 113$; распределение по гендерному признаку: лица женского пола — 54 %, мужского — 46 %; средний возраст пациентов — $65,17 \pm 23,36$). На втором этапе с использованием анкетирования были опрошены родственники пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения ($N = 58$; распределение по гендер-

ному признаку: лица женского пола — 72 %, мужского — 28 %; средний возраст респондентов — $41,17 \pm 10,1$; 67 % опрошенных — дети пациентов). При анализе собранной информации использовался метод описательной статистики.

Анализ историй болезни пациентов в части оценки физического статуса и видов нарушений разной этиологии позволил дифференцировать их потребности в различных видах социальной, медицинской и психолого-педагогической реабилитации. Различные нарушения двигательной сферы диагностированы у 85 % пациентов. Речевые нарушения встречаются у 76 % пациентов. По данным нейропсихологического осмотра, у 86 % обследованных были обнаружены когнитивные нарушения в части снижения уровня памяти и внимания. Диагностированы признаки дементного состояния с выраженными мнестическими нарушениями у 7 % пациентов. Совместное проживание на одной жилплощади с пациентом с перечисленными физическими и когнитивными нарушениями становится тяжелым бременем для семьи.

Эмоциональные расстройства, в частности тревожные, тревожно-депрессивные и депрессивные реакции были выявлены при выписке из стационара у 31 % пациентов. У 13 % пациентов имеют место нарушения динамических аспектов высших психических функций, которые проявляются в снижении динамики психической деятельности, повышенной инертности и ригидности нервной системы, истощаемости нервных процессов. Все это сопровождается выраженным астеническим синдромом, в ряде случаев с признаками невротизации (4 %).

Описанные нарушения требуют, с одной стороны, проведения мероприятий, направленных на восстановление утраченных вследствие болезни функций, с другой — мероприятий по адаптации и ресоциализации пациента в условиях «болезненного» социального функционирования.

Опрос родственников пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения, показал востребованность организации цифрового онлайн-сервиса. Так, наличие трудностей в процессе реабилитации родственника отметили 89 % опрошенных; 65 % указали, что им приходится обращаться за информацией к интернет-ресурсам, не являющимся профессиональными и научно обоснованными; 84 % респондентов указали, что испытывали ощущение потерянности во время реабилитации родственника.

Востребованность цифрового сервиса для родственников пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения, связана с недостатком знаний по реабилитации, который часть респондентов

старается преодолеть с помощью интернет-ресурсов. В большинстве случаев эта практика оказывается неудачной. Ухаживающие за больным родственники испытывают трудности в поисках специфических средств и специалистов по реабилитации. Решение организационных проблем отнимает массу времени, потеря которого снижает реабилитационные возможности пациента.

Литература

1. 10 ведущих причин смерти в мире. — Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. — 2020, 9 дек. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death> (дата обращения: 18.09.2022).

Е. И. Алексева,

*ведущий специалист сектора организации государственной социальной помощи
Отдела социальной защиты населения администрации Московского района
(Санкт-Петербург)*

ИНТЕРНЕТ-САЙТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИМИДЖА УЧРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Технологический прогресс на протяжении нескольких последних десятилетий вносит изменения во все сферы жизнедеятельности российского общества. Одно из важных изменений — появление новых профессий в сфере практической помощи и заботы о человеке. Среди таких новшеств — появление социальной работы как новой сферы профессиональной деятельности, утвержденной в России в 1991 году. Однако развитие данной сферы происходит не так быстро и качественно, как необходимо обществу. Одной из причин такого медленного развития является искаженное представление граждан о деятельности социальных работников и учреждений социального обслуживания населения. Возможно, это связано с особенностями нашего менталитета [2], а также с тем, как эту сферу отображают средства массовой информации [1].

Система мер социальной поддержки населения динамично развивается. Совершенствуются технологии, формы, методы социальной работы. Интенсивные изменения социальной среды, потребностей населения, появление новых социальных рисков, активизация деятельности некоммерческих организаций в социальной сфере актуализируют необходимость управления имиджем социальной организации.

В современном обществе одним из основных способов коммуникации и поиска информации является Интернет, в связи с чем официаль-

ный сайт учреждения становится важным и необходимым инструментом формирования визуального образа учреждения и поддержания имиджа. Правильно подобранные источники информирования, регулярность освещения деятельности социальной организации и поддержание коммуникации с населением в Интернете, в социальных сетях обуславливают поддержку от населения, появление новых клиентов, заинтересованность органов власти, спонсоров, спикеров и волонтерских движений во взаимодействии с такими организациями, помогают привлечь новые источники финансирования [3].

Для проверки данной гипотезы было проведено исследование, состоящее из двух этапов. Прежде всего был проанализирован официальный сайт Центра социальной помощи семье и детям Московского района (далее — Центр). В результате анализа сайта Центра можно сделать несколько выводов: информация представлена в удобном, читаемом формате, своевременно актуализируется; на всех страницах сайта присутствует изображение логотипа учреждения; поиск простой и доступный; на сайте имеется возможность обращения к сотрудникам Центра по возникающим вопросам; вся контактная информация, схемы проезда к объектам Центра представлены на стартовой странице.

Следующим этапом исследования стал анкетный опрос клиентов Центра, в котором приняло участие 54 респондента. Все опрошенные — женщины, имеющие несовершеннолетних детей. Цель опроса — определение доступности представленной информации на сайте учреждения и первичного мнения клиентов о Центре после ознакомления с сайтом. Проанализировав ответы на вопросы, можно сделать вывод, что все опрошенные, прежде чем стать клиентами, изучили деятельность Центра по информации на сайте и до настоящего времени пользуются им для получения дополнительных данных о проходящих и планируемых мероприятиях. Информация, представленная на сайте, достоверна и актуальна. Сайт удобен в использовании. По мнению респондентов, сайт Центра формирует положительные впечатления о его деятельности и создает образ развивающегося учреждения.

Таким образом, официальный сайт учреждения социального обслуживания населения является хорошим способом транслирования информации о деятельности учреждения для населения, а также инструментом формирования имиджа учреждения у клиентов. Привлекательный дизайн сайта, удобное расположение информации и актуальность данных также вносят вклад в положительный имидж организации.

Литература

1. *Запесоцкий, А. С.* СМИ как фактор трансформации российской культуры : [научный доклад А. С. Запесоцкого и материалы дискуссий] / А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. — Текст : непосредственный.
2. *Мельникова, А. А.* Представления о деятельности в русской ментальности: аспект языкового анализа / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. — 2009. — № 11. — С. 70–73.
3. *Созинова, М. В.* Творческий потенциал руководителя как ресурс развития профессионального коллектива социальной организации / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Проблемы социальной психологии и социальной работы: XVII Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция (с международным участием), 15 апреля 2022 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — С. 181–182.

В. А. Алмазова,

заведующая социально-досуговым отделением № 2 Комплексного центра социального обслуживания населения Московского района (Санкт-Петербург);

И. Е. Буйлова,

культурный организатор Комплексного центра социального обслуживания населения Московского района (Санкт-Петербург)

ПРАКТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

К числу приоритетных направлений социальной политики Российского государства относится увеличение продолжительности жизни граждан, а также существенное повышение качества жизни людей старшего поколения [2].

В Комплексном центре социального обслуживания населения Московского района функционирует социально-досуговое отделение № 2 — клуб активного долголетия «Клуб 60+». Целью деятельности отделения является предоставление гражданам пожилого возраста социальных услуг, направленных на сохранение активной жизнедеятельности посредством эмоционально-эстетического воздействия и активизации имеющихся ресурсов личности. Специалистами проводится социокультурная реабилитация людей старшего поколения в различных видах деятельности, таких как кружковая, студийная, клубная работа, культурно-массовые мероприятия и пр.

Одним из эффективных направлений «Клуба 60+», развивающих потенциал старшего поколения, является профессионально ориентированная практика «ARNIKA дизайн — основы ландшафтного дизайна». Следует отметить, что данная практика стала финалистом II Всероссийского отбора лучших практик активного долголетия, а также вошла в сборник

лучших практик «Активное долголетие–2021» на платформе Агентства стратегических инициатив «Смартека». Практика «ARNIKA дизайн» подтвердила свою результативность как практики по обучению, переподготовке и трудоустройству людей старше 50 лет, которая может быть применена на территории Российской Федерации, с представлением качественных и количественных результатов, а также с возможностью последующего распространения во всех российских регионах.

Целью практики является помощь людям старшего поколения в освоении ландшафтного дизайна, содействие успешной социализации после выхода на пенсию.

Основные задачи практики — подготовка и проведение курса лекций по основам ландшафтного озеленения; формирование у людей старшего возраста умений и навыков, нужных для выращивания растений; обучение их основам проектно-исследовательской деятельности; развитие чувства цвета и гармонии; формирование мотивации к созданию ландшафтного дизайна на загородных участках и придомовых территориях, развитие интереса к добровольческой деятельности в сфере ландшафтного озеленения. Важным условием является комфортная среда в клубе, побуждающая к творчеству.

Практика «ARNIKA дизайн» позволяет слушателям сформировать четкое представление о специфике ландшафтного дизайна, его роли в создании благоприятной среды для жизнедеятельности человека; осознать значимость творческой деятельности в реализации потенциала человека, его способности к преобразованию окружающего мира, созданию необходимого социально-психологического климата для активной жизни в современном обществе.

Новизна данной практики состоит в том, что пожилой человек получает возможность осознать свою социальную субъектность и высокий потенциал для преобразования окружающей действительности, приобрести уникальный опыт творческой деятельности в сфере ландшафтного дизайна, успешной социальной коммуникации в совместной деятельности [1]. Такие результаты выявляют социальную важность профориентационной работы для людей старших возрастов, направленной на оказание им помощи в определении своих жизненных и профессиональных целей, возможное профессиональное самоопределение и более эффективную социализацию после выхода на пенсию.

Таким образом, развитие практик активного долголетия позволяет существенно повысить качество жизни пожилых граждан, получающих услуги в учреждениях социального обслуживания населения.

Литература

1. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.
2. *Созинова, М. В.* Социальная субъектность как средство повышения качества жизни пожилых людей в современном обществе / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Реализация идеи добровольчества в социальной работе с инвалидами и лицами пожилого возраста / научные редакторы С. С. Лебедева, С. М. Безух. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ин-т психологии и социальной работы, 2016. — С. 155–159.

Д. В. Бебякин,

*аспирант кафедры социальной философии и политологии
Новосибирского государственного университета*

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Современное профессиональное образование должно соответствовать изменениям в экономической, политической, правовой, социальной областях и даже «работать на опережение», то есть формировать те компетенции, которые будут востребованы в ближайшем будущем. Уровень медицинского знания и практики является одним из определяющих факторов развития общества. От него во многом зависит экономическое и социальное состояние общества, его безопасность. Кроме того, оно определяет качество и уровень профессионализации социальных работников, цель которых заключается в профессиональной помощи людям, попавшим в сложные жизненные ситуации.

Представления о том, что такое здоровье, менялись в истории человечества. В XVIII–XIX веках болезнь рассматривалась как патология, и представления о социальной и медицинской помощи формировались в соответствии с этим. В конце XIX — начале XX века здоровье стало пониматься как соответствие норме, отклонение от которой квалифицировалось как болезнь [3]. Такое понимание усилилось на фоне развития новых диагностических методов и цифровизации. В последней трети XX века понимание здоровья изменяется, что оказывает влияние на содержание медицинского и социального знания и практики. Кратко, речь идет о «субъективизации», что проявляется в отказе от унификации клиента и пациента. В теоретической области «субъективизация медицины» проявляется в формировании нарративной медицины, гуманистической медицины, пациентского сторителлинга и др. Данные изменения оказа-

ли большое влияние на понимание сути социальной помощи, на признание необходимости ее индивидуализации.

Новые практики связаны с распространением нарративного подхода, в основе которого лежит тезис о том, что личность формируется в процессе рассказа через проговариваемые (проживаемые) смыслы. Для понимания личности важны не только объективные показатели, но и представления самого человека о том, что с ним происходило или происходит. Распространение нарратива связано с ростом хронических дегенеративных заболеваний, размыванием границы между заболеванием и здоровьем, ростом стоимости оказываемой помощи. Нарративный подход включает рассказы не только клиентов и пациентов, но и самих социальных и медицинских работников [2, с. 9]. Актуальность медицинского нарратива, возникшего на основе тех вызовов, с которыми столкнулась медицина как наука [4, с. 66], обусловлена стремлением современного общества активно бороться с дегуманизацией, стандартизацией процесса получения медицинской и социальной помощи [1, с. 64].

Нарративный подход предполагает владение широким спектром умений и навыков, включает когнитивный и эмоциональный компоненты. Первый — знание основ нарративного подхода (нарративной парадигмы), элементов нарратива (сюжет, вид нарратива, начало и развитие, временность нарратива и др.), способы расшифровки нарратива, а также рефлексию. Второй — умение и навыки активного содержательно-го слушания, эмпатии, настроенности и др. Однако в учебных планах подготовки специалистов по социальной работе и медицинских работников среднего и высшего звеньев отсутствуют курсы по нарративному подходу. Исключение — курс «Нарративная медицина» (МГУ) и курс «Medical humanities — нарративная медицина, коммуникации в медицине» (НИУ «Высшая школа экономики»).

Учитывая вышесказанное, а также зарубежный опыт, следует отметить, что возможно активное использование элементов нарративного подхода в процессе освоения таких дисциплин гуманитарного цикла, как антропология, литература, творческое письмо, изобразительное искусство [5, с. 22]. Наиболее эффективными являются «пристальное чтение» и «рефлексивное письмо». Эти методы формирования нарративной компетенции позволяют избегать шаблонов как в нарративном изложении, так и в восприятии нарратива. Через методичную пятичастную [5, с. 26] проработку воспринимаемого текста и культивацию глубокой эмпатии в рамках гибкой рефлексии будущие социальные и медицинские работники формируют свой профессиональный облик.

Клиентам и пациентам нарратив открывает возможность поделить-ся своими переживаниями, использовать скрытый в рамках нарратива сильный терапевтический эффект, помогающий бороться с изоляцией, депрессией и тревогой и сложными жизненными ситуациями. Нарратив — инструмент развития профессиональной компетентности, борьбы с эмоциональным выгоранием, средство коммуникации с обществом. Владение нарративом позволяет будущим социальным и медицинским работникам достичь углубленного уровня рефлексии и эмпатии и «вы-вести» понимание клиента и пациента за рамки органов и систем, сим-птомов и синдромов.

Литература

1. Готлиб, А. С. Нарративная медицина глазами российских врачей: попытка эмпири-ческого анализа / А. С. Готлиб. — Текст : непосредственный // Вестник Самарского госу-дарственного университета. — 2010. — № 79. — С. 64–70.
2. Лехциер, В. Л. Раненый рассказчик: на пути к нарративной медицине / В. Л. Лех-циер. — Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университе-та. — 2010. — № 79. — С. 6–14.
3. Мельникова, А. А. Норма и патология в культурологическом контексте / А. А. Мель-никова. — Текст : электронный // Никоновские чтения : электронный сборник научных статей : [в 2 томах]. — 2016. — С. 115–118.
4. Мещерякова, Т. В. Медицинский нарратив в биоэтике как критерий учета индивиду-альности пациента / Т. В. Мещерякова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — № 5. — С. 66–72.
5. Турская, М. Преподавание нарративной медицины / М. Турская. — Текст : электронный // Researcher. European Journal of Humanities and Social Sciences. — 2019. — Т. 2, № 4. — С. 21–38. — URL: <https://www.academia.edu/43744394/> (дата обращения: 20.10.2022).

С. М. Безух,

*профессор кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии
и социальной работы, доктор медицинских наук*

КОМПЕТЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА ПРИ СОПРОВОЖДЕНИИ ПОЖИЛЫХ СО СТАРЧЕСКОЙ АСТЕНИЕЙ

Старческая астения встречается у 60 % людей старше 65 лет. Она представляет собой возраст-ассоциированное состояние, характеризующееся снижением физиологического резерва и функций многих систем организма, из-за чего на него повышается воздействие эндо- и экзогенных факторов. В результате возникает риск ухудше-ния здоровья вплоть до потери автономности и смертельного исхода.

К проявлениям старческой астении относятся непреднамеренная потеря веса, повышенная утомляемость и три симптома, вызванные так называемой саркопенией, — низкая сила пожатия, снижение скорости ходьбы, низкая физическая активность. Саркопения — это связанная с возрастом потеря скелетной мышечной массы и резкое ослабление функции мышц. Таким образом, у пожилых людей возникает страх падения, многие не могут без поддержки стоять, подниматься по лестнице, отмечается низкая скорость ходьбы. По данным гериатрических служб, подобные проблемы развиваются у 50–60 % людей в возрасте от 70 лет, чаще у женщин.

Доказано, что наряду с потерей социальной автономности и старческая астения, и ассоциированная с ней саркопения выступают причинами развития таких заболеваний у пожилых, как хроническая сердечная недостаточность, хроническая обструктивная болезнь легких, дыхательная недостаточность, пневмонии. Более того, саркопения тесно связана с потерей минеральной плотности костей, то есть с остеопорозом. Частые падения пожилых людей, страдающих возрастзависимой мышечной слабостью, сопровождаются множественными переломами, приводящими к ограничению автономности, а иногда и к полной ее потере.

Для профилактики старческой астении необходим индивидуальный план ведения пожилых людей, который содержит рекомендации по питанию, физической активности, когнитивному тренингу, адаптации окружающей среды к функциональным возможностям пожилого человека, безопасности быта. Важно межведомственное взаимодействие социальных служб и гериатрических центров. Особенно это касается разработки принципов физической активности пожилых — постепенности, аэробной физической активности средней интенсивности не менее 150 минут в неделю, проведения упражнений на равновесие три и более дней в неделю по 30 минут. Известно, что именно физическая активность на 50 % способствует не только профилактике старческой астении, но и повышению когнитивного резерва. Если снижение когнитивных функций уже наступило, именно физическая активность препятствует его прогрессированию.

Актуальна организация служб профилактики повторных переломов с участием гериатров, травматологов, врачей общей практики, социальных работников. Необходима подготовка индивидуальных обучающих программ по профилактике падения, индивидуальных программ физической активности пожилого человека. В компетенцию социальных работников входит раннее выявление старческой астении и направление

страдающих ею пожилых людей в гериатрические центры. Социальные работники должны контролировать разработку и реализацию индивидуальных программ по профилактике падений у пожилых совместно с реабилитологами и методистами по лечебной физкультуре гериатрических центров.

Наряду с физической активностью большое значение для здоровья пожилого человека имеет правильное сбалансированное питание. Актуальны средиземноморская диета, пища, приготовленная на растительной основе с низким содержанием насыщенных жиров, красного и обработанного мяса; интервальное голодание. Данные программы питания необходимо обсуждать как с лечащими врачами пожилых людей, так и с врачами-диетологами, при этом ответственность за реализацию программ, несомненно, лежит на социальной службе.

Старческая астения и когнитивные нарушения взаимосвязаны. Социальные работники, общающиеся с пожилыми людьми в условиях долговременного ухода, должны обращать внимание на определенные проявления у них когнитивного дефицита. О нем свидетельствуют жалобы на сложность принятия решений, откладывание дел на потом, потеря нити разговора, забывание слов, нарушения мелкой моторики, ухудшение памяти на ближайшие события и т. д. Такие симптомы говорят о расстройствах когниции и требуют как немедикаментозной, так и медикаментозной коррекции. Социальные работники должны рекомендовать пожилым людям, у которых обнаруживаются подобные симптомы, когнитивные тренинги, когнитивные игры (например, шахматы, шашки), кружки рукоделия, где улучшается мелкая моторика.

Таким образом, правильная и своевременная оценка уровня потребностей в социально-бытовой помощи, долговременном уходе, медицинском патронаже или паллиативной помощи людям пожилого возраста, страдающим старческой астенией, должна основываться на межведомственном взаимодействии социальной и гериатрической медицинской службы.

Э. Н. Бердникова,

*заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
кандидат культурологии, доцент*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Происходящие в современном мире социальные изменения носят неблагоприятный характер, и это влияет на жизнедеятельность общества, разрушая традиции, изменяя моральные нормы. В данном контексте особый интерес представляет социальная реклама как технология профилактики негативных социальных явлений и средство формирования позитивных ценностей установок общества. В основе воздействия социальной рекламы лежат такие сложные психические процессы, как восприятие, внимание и др.

Информационная война, стресс, экологическая повестка, специальная военная операция, публичная реабилитация нацизма, фейковая информация — все эти явления негативно воздействуют на психологическое состояние современного человека.

Социальная реклама представляет собой вид коммуникации, который ориентирован на привлечение внимания к жизненно важным проблемам общества, его нравственным ценностям и содействует гуманизации социальных процессов. Миссия социальной рекламы — изменение поведенческой модели общества.

Специфика современной рекламы в том, что она не столько продвигает товары и услуги, сколько становится мощным средством геополитики, формируя определенный тип мировоззрения и мировидения населения. Современный диалог культур, наряду с конструктивными формами сотрудничества и взаимопонимания, сопровождается информационным противоборством, в котором средства массовой коммуникации играют ведущую роль, выступая стратегическим оружием в информационных войнах [1].

В настоящее время человек подвержен влияниям внешней среды, приводящим к изменениям, которые именуются «мутация». В последние годы число «мутаций» человека возросло под воздействием стресса, связанного с ситуацией в обществе, информационным шумом, напряженностью и интенсивностью профессиональной деятельности. Все эти факторы вызывают проблемы с ментальным и физическим здоровьем.

Стоит рассмотреть возможности влияния на молодежную аудиторию лидеров мнений, или инфлюенсеров. Авторитет связан с возможностью индивида влиять на мнение окружающих и навязывать им свою точку

зрения. Отметим, что для каждой аудитории существует собственный авторитет, поэтому рекламист при обращении к тому или иному лицу должен проверить его авторитетность для целевой аудитории.

Социальная реклама, направленная на современную молодежь, часто ссылается на эпатажных авторитетов, которые появляются в социальных сетях. Молодые люди им подражают, поэтому ничего другого специалистам в области рекламы не остается. Почему лидеры мнений играют важную роль и на них стоит опираться при создании социальной рекламы в Интернете? Ответ кроется в социально-психологическом феномене «мы»: в Интернете люди отождествляют себя как общность на основе единства интересов, взглядов и пр. Благодаря тому, что люди сплочиваются в Сети по интересам, можно легко использовать авторитетный круг лиц для целенаправленного продвижения определенных ценностей, установок.

Литература

1. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.]; под редакцией В. В. Горшковой. — Санкт-Петербург: СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.

В. Н. Воробьева,

специалист по реабилитации Центра медико-социальной реабилитации инвалидов по зрению (Санкт-Петербург)

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОПРОВОЖДЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ

Обучение системе Брайля является одним из важнейших направлений реабилитации взрослых незрячих. Когда взрослый человек теряет зрение, он теряет и навыки письма и чтения обычным плоскочечатным шрифтом. В этой ситуации овладение системой Брайля чрезвычайно важно для восстановления навыков невербальной коммуникации. Умение использовать шрифт Брайля в работе и в быту способствует успешной интеграции лиц с проблемами зрения в общество зрячих.

Универсальная методика обучения системе Брайля поздно ослепших, разработанная преподавателями Санкт-Петербургского центра реабилитации для инвалидов по зрению, кардинально отличается от системы обучения незрячих детей. В основе нашей методики лежит так называемый ключ Брайля — принцип логического построения таблицы симво-

лов рельефно-точечного шрифта и обучение письму и чтению целыми словами без разделения на слоги. Традиционный аналитико-синтетический (слоговой) метод обучения грамоте детей, как правило, не подходит для обучения взрослых ослепших, так как у них уже сформированы навыки восприятия целого слова.

Главная цель курса по оптимизации процесса обучения инвалидов по зрению состоит в ознакомлении их с системой обозначений шрифта Брайля, что позволяет формировать у них устойчивые навыки чтения и письма на этой основе.

Взрослый незрячий испытывает ряд трудностей в запоминании отдельных символов системы Брайля, не похожих на плоскочечатные буквы, а также в распознавании этих символов при помощи пальцев рук. Поэтому на протяжении всего курса большое внимание уделяется развитию мелкой моторики руки. В частности, на занятиях обязательно выполняются упражнения для улучшения тактильной чувствительности, применяются дыхательная гимнастика и самомассаж.

Специалистами нашего Центра была разработана система игр и упражнений, облегчающих процесс адаптации к изучению шрифта Брайля. Не у всех поздно ослепших людей нетрудоспособного возраста удается сформировать навыки беглого чтения, однако большинство овладевает умением распознавать предметы с брайлевской маркировкой, что существенно улучшает качество жизни и способствует в дальнейшем интеграции в образовательное и социальное пространство. При необходимости обучающиеся знакомятся с брайлевской русскоязычной и иноязычной краткописью (стенографическим письмом) и со специальными символами — математическими, музыкальными и др.

В начале курса уделяется время формированию положительной мотивации к изучению системы Брайля. На первом занятии педагог рассказывает о способах использования рельефно-точечного шрифта в быту и знакомит учащихся с пособиями и предметами, имеющими брайлевскую маркировку. На следующих занятиях демонстрируются возможности тифлотехнических приборов, работающих с использованием шрифта Брайля, таких как брайлевские механические и электрические печатные машины и тактильный дисплей. Показываются способы перекодировки брайлевского текста в плоскочечатный. В дальнейшем на занятиях используется прибор с тактильным дисплеем типа «органайзер» в качестве тренажера Брайля. Обучающимся намного интереснее записывать и прочитывать текст на приборах с тактильным дисплеем, чем писать брайлевским грифелем и читать бумажные книги. Только после

того как сформирована положительная мотивация, можно начинать процесс изучения основных символов системы Брайля.

В первый период обучения у лиц, потерявших зрение, возникает противоречие между стремлением к осмысленному чтению и трудностями, сопровождающими процесс осязательного восприятия и запоминания символов рельефно-точечного шрифта. Главная задача оптимизации — разработка методов и приемов, направленных на преодоление данного противоречия. Автором настоящей публикации сделана попытка разработать инновационные технологии развития навыков осязательного восприятия и запоминания символов системы Брайля.

Рассмотрим использование этих методов и приемов на занятиях со взрослыми, недавно потерявшими зрение. Педагоги на практике убедились в том, что у нормально видящего взрослого осязательное восприятие отстает от зрительного. При зрительной депривации эта проблема усугубляется. Недавно ослепшему человеку трудно понять, что с помощью осязания возможно получить адекватные представления об окружающем мире, сходные со зрительными. Коррекционная работа, направленная на развитие навыков осязательного восприятия и языкового чутья, проходит в течение всего курса, для чего выполняются специальные упражнения. Например, работа с рельефно-графическими пособиями (как двухмерными рельефными картинками, так и трехмерными (объемными) макетами), сортировка мелких предметов — тактильное распознавание различных видов круп (греча, рис, пшено, манка) и др.

Н. Е. Гаврилова,

*заместитель директора по реабилитационной и профилактической работе
Центра социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист»
(Санкт-Петербург)*

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК МЕТОД АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УЧРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Центр социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист» (далее — Центр) на постоянной основе предоставляет возможность для практической подготовки обучающихся среднего и высшего профессионального образования по направлению «Социальная работа». Договоры о практической подготовке обучающихся заключены с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов, Санкт-Петербургским государственным институтом психологии и социальной

работы, Ленинградским государственным университетом им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербургским государственным аграрным университетом. Взаимодействие с вузами не ограничивается только студенческой практикой: специалисты Центра принимают участие в научно-практических конференциях, мастер-классах, практикумах [2], совместных проектах [3]. Центром создаются условия для реализации компонентов образовательных программ, применения теоретических знаний обучающихся в ходе практической деятельности, а также формирования у выпускников мотивации к трудоустройству.

С 2017 года в Центре реализуется система наставничества над молодыми специалистами, не имеющими трудового стажа в сфере социального обслуживания населения. Цели наставничества — подготовка к самостоятельному и качественному выполнению должностных обязанностей, минимизация периода адаптации в Центре, привитие интереса к деятельности в сфере социального обслуживания населения, оказание моральной поддержки в преодолении профессиональных трудностей, помощь в профессиональном становлении.

Наставником молодых или впервые принятых на должность специалистов становится наиболее опытный и квалифицированный сотрудник, обладающий профессиональными знаниями и коммуникативными навыками, имеющий стабильные показатели в работе, готовый передавать свой опыт. Наставник назначается приказом директора Центра при соблюдении принципа добровольности осуществления наставнической деятельности на период испытательного срока вновь принятого сотрудника — три месяца.

Деятельность наставника включает в себя составление индивидуального плана профессиональной адаптации, в котором обозначаются основные мероприятия и сроки их выполнения. Можно выделить следующие ключевые направления деятельности наставника:

— введение в корпоративную культуру, знакомство с правилами и традициями, установленными в коллективе учреждения, в конкретном структурном подразделении;

— ознакомление с основными обязанностями и требованиями, предъявляемыми к работнику в сфере социального обслуживания населения, разъяснение должностной инструкции работника;

— изучение нормативно-правовой базы, регламентирующей оказание социальных услуг населению, а также выполнение должностных обязанностей работника;

— ознакомление с правилами внутреннего трудового распорядка, охраны труда и техники безопасности, Кодексом этики и служебного поведения, другими локальными актами Центра;

- изучение рабочей документации, информирование о сроках сдачи отчетности;
- обучение основным методам, используемым при решении профессиональных задач;
- совместный выход в адрес получателя социальных услуг, совместное консультирование;
- контроль усвоения теоретических основ профессиональной деятельности и их применения на практике;
- оценка самостоятельного выполнения служебных обязанностей лицом, в отношении которого осуществляется наставничество;
- вовлечение в общественную и социально значимую жизнь Центра и района.

Необходимо отметить, что наставник в течение всего испытательного срока оказывает молодому специалисту индивидуальную помощь, моральную поддержку, стимулирует его к достижению успеха при выполнении поставленных профессиональных задач. Наставник, в том числе своим личным примером, способствует раскрытию профессионального потенциала молодого специалиста.

В завершение стоит отметить, что наставничество уходит корнями в особенности русской культуры, и это также способствует его успешности [1].

Литература

1. Мельникова, А. А. Представления о деятельности в русской ментальности: аспект языкового анализа / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. — 2009. — № 11. — С. 70–73.
2. Созинова, М. В. Практикум по самообразованию и саморазвитию специалистов социальной сферы : [учебное пособие] / М. В. Созинова, О. Г. Липницкая. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — 1 CD. — (Электронная библиотека Университета ; Вып. 31). — Текст : электронный.
3. Созинова, М. В. Формы взаимодействия вуза и учреждений системы социальной защиты в процессе подготовки квалифицированных кадров / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Профессиональное образование, наука и инновации в XXI веке : XIII Санкт-Петербургский конгресс, 20–22 ноября 2019 г. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. горный ун-т, 2019. — С. 206–208.

О. В. Дутова,*директор Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей»
(Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук;***С. П. Маркеев,***магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП*

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

К числу актуальных направлений деятельности учреждений социальной защиты населения относятся следующие: улучшение социального благополучия детей и семей, реализация их права на защиту и помощь со стороны государства, развитие и укрепление семьи как социального института, установление гармоничных внутрисемейных отношений, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, профилактика социального сиротства и семейного неблагополучия.

При решении поставленных задач первостепенное значение имеет создание эффективного организационного механизма, ориентированного на оказание качественных социальных услуг.

Санкт-Петербургский Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Прометей» — учреждение, где большинство воспитанников составляют несовершеннолетние из неблагополучных, малообеспеченных, асоциальных семей. Для таких подростков характерны склонность к правонарушениям, зависимое поведение, неустойчивость эмоционально-волевой сферы, совершение рискованных поступков и низкая мотивация к обучению.

Работа с родителями (законными представителями) несовершеннолетних — это одно из самых сложных направлений. Приходится взаимодействовать не только с самим ребенком, но и с его ближайшим окружением, которое часто либо асоциально, либо не имеет конструктивных навыков решения конфликтных ситуаций [1]. В этом контексте важно формирование позиции осознанного родителя как средства преодоления социальных девиаций воспитанников. Данная работа должна включать комплекс социально-психологических, педагогических мероприятий, направленных на осознание родителями ценностных ориентаций, установок, чувств, отношений, ответственности, способствующих гармоничному семейному воспитанию. Результатом работы специалистов становится активная избирательная позиция родителя

в отношении воспитательных, образовательных, коммуникативных семейных практик [2].

В Центре «Прометей» организована уникальная коррекционно-развивающая среда, способствующая успешной адаптации и реабилитации несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении. С использованием современного, инновационного оборудования и технологий обеспечиваются возможность всестороннего развития ребенка, поддержание интереса к обучению, формирование стремления к познанию, успеху, активности, снятие психотравмы, снижение уровня конфликтности детско-родительских отношений и их нормализация.

В результате взаимодействия специалистов с воспитанниками и их родителями получены следующие положительные результаты. Так, у 98 % воспитанников отмечается рост социальных компетенций. Доля несовершеннолетних, возвращенных в кровные семьи в связи с улучшением ситуации и положительной динамикой решения проблем, составляет 89 %. Все несовершеннолетние воспитанники Центра посещают образовательные учреждения. Специалисты Центра содействуют в устройстве в школу, изменении образовательного маршрута части несовершеннолетних воспитанников (19 %).

Развитие сети учреждений социального обслуживания населения, внедрение новых технологий и повышение эффективности использования ресурсов, расходуемых на социальные нужды, позволяют увеличивать численность граждан, получающих социальные услуги, способствуют обеспечению им достойного уровня и качества жизни, помогают выходу из социально-рисковых ситуаций, поддерживают социальную защиту семьи и детства.

Литература

1. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.] ; под редакцией В. В. Горшковой. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.
2. *Созинова, М. В.* Осознанное родительство как средство профилактики социальных девиаций / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Научный обозреватель. Научно-аналитический журнал. — 2016. — № 12 (72). — С. 62–64.

Т. В. Ефимова,*доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
кандидат культурологии;***В. А. Шуктомова,***магистрант I курса кафедры конфликтологии СПбГУП*

«ГИБКИЕ НАВЫКИ» КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Тенденцией последних лет выступает непрерывное образование. Современному человеку приходится выдерживать конкуренцию не только с профессионалами в своей сфере, но и с совершенствующимися цифровыми технологиями. Постоянное развитие «особых» навыков, по утверждению специалистов, изучающих эту тему, является главной инвестицией в свое будущее и обеспечивает высокую востребованность в профессиональной сфере.

Определение термина *soft skills* встречается в различных источниках, и *soft* переводится либо как «мягкие», либо как «гибкие». Последний вариант наиболее точно определяет сущность термина. Под «гибкими навыками» понимается комплекс неспециализированных надпрофессиональных навыков, которые отвечают за успешное участие в рабочем процессе и высокую производительность [3; 4]. Данные навыки универсальны: они необходимы для самых разных профессий.

Чаще всего к *soft skills* причисляют способность к коммуникации, самообучению и осознанному отношению к деятельности [3; 4]. На самом деле таких навыков намного больше. Они помогают претендовать на самые перспективные должности, осуществлять переходы в разные сферы, сохраняя востребованность (в англоязычных источниках о *soft skills* можно встретить термин *employability*, иначе говоря, «трудоустриваемость») [1; 4].

В исследованиях, посвященных востребованным профессиям будущего, фигурирует такой термин, как «метанавыки». Он был введен в научный оборот американским психотерапевтом Эми Минделл. «Автор называет их „умениями духа. Приставка мета- подразумевает взгляд со стороны...“» [1]. Чаще метанавыки определяются как способности и черты характера, которые помогают в развитии экзистенциальных и гибких навыков и умений. Метанавыки — это базисные навыки. К ним относятся, например, гибкость мышления, которая, безусловно, должна помочь в быстро меняющемся мире, осознанность, стремление к непрерывному обучению, креативность и критическое мышление. Комбина-

ция этих навыков постоянно варьируется в различных исследованиях, мы перечислили самые важные.

Бесспорно, никто не отменял *hard skills*, которые подразумевают обязательные для конкретной профессии умения, например знание языков, цифровую грамотность, вождение автомобиля и т. д.

Раньше основное внимание уделялось формированию «твердых» компетенций. Именно обладание ими обеспечивало профессиональный успех. Сейчас ученые пришли к другому мнению. Все большее значение приобретают мета-, экзистенциальные и гибкие навыки. Именно они будут востребованы в век цифрового общества. Развитию этих навыков уже посвящено «неформальное образование», где во главу угла ставится личность с ее ментальными особенностями и талантами. Человек должен проявлять себя не только в профессиональной сфере, но и в жизни. Уникальность каждого обучающегося является основой при работе с ним. Современный человек должен быть гармоничной личностью, чья самореализация связана с развитием различных навыков.

Умение работать в команде, принимать решения, эмпатия, лидерство, переговорные навыки — вот главные компоненты профессионального и личного успеха человека будущего.

Литература

1. Метанавыки vs *soft skills*: что поможет в новой реальности? — Текст : электронный // Universal University : [сайт]. — URL: <https://u.university/blog/metanavyki-softskills> (дата обращения: 15.11.2022).

2. Плехова, Е. «Экзистенция» и «мета» — новые слои в теории навыков, или За пределами *hard* и *soft* / Е. Плехова. — Текст : электронный // Сколки : [сайт]. — URL: <https://skolki-project.com/blog/ekzistentsija-i-meta-novye-sloi-v-teorii-navykov-ili-za-predelami-hard-i-soft> (дата обращения: 23.11.2022).

3. Традиционный рабочий уже конкурирует на рынке труда с роботами, программами и бактериями. — Текст : электронный // Агентство стратегических инициатив : [сайт]. — URL: <https://asi.ru/news/42308/> (дата обращения: 15.11.2022).

4. *Soft skills*: гибкость, а не мягкость. — Текст : электронный // Newtonew : [сайт]. — URL: <https://newtonew.com/opinion/soft-skills-gibkost-a-ne-myagkost> (дата обращения: 23.11.2022).

С. Е. Зарубина,

*заместитель директора Социально-реабилитационного центра
для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург);*

Д. В. Шульгайс,

*логопед Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей»
(Санкт-Петербург)*

РАЗВИТИЕ ДВИГАТЕЛЬНЫХ И КОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ У ДОШКОЛЬНИКОВ, ИМЕЮЩИХ РЕЧЕВЫЕ НАРУШЕНИЯ, В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Сейчас социально-реабилитационные центры сталкиваются с комплексом социально-психологических и физиологических проблем воспитанников, одной из которых являются нарушения речи. Формирование у ребенка фонетически правильной и четкой речи включается в число главных условий его успешной подготовки к школе. Однако исследования последних лет говорят о том, что в первый класс сегодня поступают свыше 52 % детей с дефектами звукопроизношения [5]. Специфические дефекты звукопроизношения не исчезают самостоятельно. Ребенок испытывает трудности не только в процессе овладения произносительной стороной речи, но и в процессе формирования навыков письма и чтения, что, в свою очередь, приводит к школьной неуспеваемости [3]. Кроме того, нарушения звукопроизношения могут спровоцировать у ребенка ряд психологических особенностей, таких как стеснительность, замкнутость, нерешительность, нарушение коммуникативной функции речи. В итоге логопедический диагноз также выступает барьером и для успешной социализации детей.

Из сказанного следует, что вопросы коррекции речевых нарушений у дошкольников не теряют своей актуальности, а организация процесса оказания логопедической помощи детям приобретает сегодня особую значимость. Именно поэтому на базе Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей» функционирует логопедический пункт.

Деятельность логопункта включает в себя комплексную работу и сочетание традиционных и инновационных подходов в процессе коррекции. Именно инновационное оборудование, не требуя особых усилий со стороны специалиста, повышает эффективность и оптимизирует логопедическое воздействие, способствует достижению лучших результатов.

Коррекция звукопроизношения не может не затрагивать формирование высших психических функций, а также мелкой и общей моторики.

Для решения данной задачи в логопункте применяется развивающе-коррекционный комплекс с видеобиоуправлением «Тимокко». Оборудование действует по технологии биологической обратной связи, которая осуществляется с помощью веб-камеры и специальных мячей-перчаток. С помощью «Тимокко» можно проводить интерактивные игры с отслеживанием движений тела и жестов на стандартном ПК, стимулирующие детей к физической и познавательной деятельности в занимательной форме. В процессе работы решаются такие задачи, как обучение направленной деятельности и контролю над движениями, пониманию положения своего тела в пространстве, концентрации внимания; тренировка точности движений; развитие способности распределять внимание; улучшение памяти; повышение скорости реакции; развитие межполушарного взаимодействия, координации и др.

До внедрения данной методики в логопедическую практику с тестируемой группой детей (пять человек с различными речевыми нарушениями) был проведен эксперимент с применением комплекса «Тимокко». Пилотное исследование на определение эффективности комплекса длилось шесть месяцев. С каждым ребенком проводились логопедические занятия согласно индивидуальному плану коррекционной работы с обязательным включением игр «Тимокко». Длительность и степень сложности самих игр обуславливалась возрастными, психологическими и физиологическими возможностями детей.

Для определения исходного уровня физических и когнитивных способностей детей, на развитие и коррекцию которых направлены интерактивные игры, использовались методики А. Р. Лурии, Н. Н. Заваденко, А. И. Яроцкого и др. [1; 2]. Результаты диагностики показали, что сформированность когнитивных и физических навыков у всех детей была на низком уровне.

Итоговая диагностика выявила развитие моторной и когнитивной сферы у всех детей практически по каждому показателю. Были отмечены повышение скорости реакции, тактильного восприятия, координации и точности движений. Дети стали более сосредоточенными и сконцентрированными, повысилась их активность на занятиях. Была выявлена важность осознанного отношения родителей к проблеме речевых нарушений детей, а также их включенность в развивающе-коррекционный процесс [4].

Положительный результат применения развивающе-коррекционного комплекса «Тимокко» на логопедических занятиях — повышение уровня физических и когнитивных способностей детей с речевыми нарушениями, позволил внедрить его в практическую работу ло-

гопункта на постоянной основе. Игры, входящие в состав программы, вызывают у детей интерес и побуждают их к физической активности и познанию, повышают вовлеченность в учебную деятельность за счет нового формата упражнений, стимулируют получение положительного результата.

Литература

1. *Глоzman, Ж. М.* Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте / Ж. М. Глоzman, А. Ю. Потанина, А. Е. Соболева. — [2-е изд.]. — Санкт-Петербург : Питер, 2008. — 75 с. — Текст : непосредственный.
2. *Заваденко, Н. Н.* Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте / Н. Н. Заваденко. — Москва : Academia, 2005. — 255 с. — Текст : непосредственный.
3. *Плескачевская, А. А.* Феномен детства: семиотический аспект социального-философского анализа : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / А. А. Плескачевская ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 1997. — 22 с. — Текст : непосредственный.
4. *Созинова, М. В.* Осознанное родительство как средство профилактики социальных девиаций / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Научный обозреватель. Научно-аналитический журнал. — 2016. — № 12 (72). — С. 62–64.
5. *Чон, О. В.* Актуальность коррекции звукопроизношения у детей старшего дошкольного возраста с фонетико-фонематическим недоразвитием речи в процессе использования дидактических игр / О. В. Чон, И. Б. Пименова. — Текст : непосредственный // Международный студенческий научный вестник. — 2015. — № 5. — С. 541–542.

И. М. Зинченко,

*руководитель направления программ альтернативной опеки
Российского комитета «Детские деревни — SOS» (Санкт-Петербург)*

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Разные общества имеют разную историю, культуру и институты, которые оказывают влияние на формирование норм и ценностей, — отсюда разные подходы к социальной интеграции. Явления социальной изоляции и инклюзии определяются спецификой социальных проблем конкретной страны, региона.

Термином «социальная изоляция» описываются состояние, в котором люди не могут в полной мере участвовать в экономической, социальной, политической и культурной жизни общества, а также сам процесс, ведущий к такому состоянию и поддерживающий его. Данный процесс приводит к снижению качества жизни отдельных граждан, затронутых этой проблемой, опосредованно оказывает влияние на социальные чувства справедливости и сплоченности общества.

Процесс социальной изоляции касается не только уязвимых категорий граждан, имеющих ограниченные возможности или особенности функционирования, но и отдельных лиц или групп людей на определенной территории, страдающих от сочетания взаимосвязанных проблем, таких как безработица, низкая профессиональная квалификация и доходы, высокий уровень преступности, слабое здоровье и т. п.

Социальная инклюзия — это процесс, который гарантирует, что лица, подверженные риску бедности и социальной изоляции, получают возможности и ресурсы, необходимые для полноценного участия в экономической, социальной, политической и культурной жизни общества в соответствии с социально приемлемым уровнем. Данный процесс гарантирует им более широкое вовлечение в принятие решений, которые влияют на их жизнь и обеспечивают доступ к их основным правам.

Таким образом, социальная инклюзия может определяться как расширение возможностей, доступа к ресурсам, возможности высказывать свое мнение категориям социально изолированных граждан и уважение прав данных категорий другими членами общества. В этом контексте социальная инклюзия — это одновременно и процесс, и цель, которые сейчас декларируются и реализуются в российском обществе.

Выделяют основные симптомы социальной изоляции: неравный доступ к ресурсам; ограничение возможности участия; отсутствие возможностей. Если мы рассмотрим, например, жизнь человека в малочисленном отдаленном населенном пункте, где нет Интернета, то увидим наличие всех трех симптомов. Во-первых, отсутствует доступ к информационному ресурсу; во-вторых, человек не может в равной степени с другими членами общества получать информацию и распространять ее; в-третьих, отсутствует возможность, например, дистанционного обучения и получения образования с использованием информационных технологий.

Таким образом, стремление к социальной инклюзии становится и целью для общества, и процессом, который, в свою очередь, приводит к постановке новых целей и задач в развитии общества.

С. М. Зябкина,

*аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного
областного педагогического университета, клинический психолог
Московского областного клинического наркологического диспансера (Пушкино)*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ У МУЖЧИН

Зависимость от психоактивных веществ (далее — ПАВ) в современном обществе стала одной из актуальнейших социальных проблем. Российская статистика показывает, что за период 2021–2022 годов эпизодически употребляли ПАВ около 14 млн человек, систематически — около 6 млн. В качестве причин употребления преимущественно указывались трудности социально-психологической адаптации, проблемы в семье, нескладывающаяся личная жизнь и др.

Научные исследования этой проблемы ведутся в различных областях — медицине, психологии, педагогике, юриспруденции и др. В психологии к настоящему времени сложились и сосуществуют несколько различных научных подходов, объясняющих причины формирования химической зависимости, ее механизмы, динамику, личностные черты аддиктов [3] и особенности их поведения [1], а также предлагающих пути ее преодоления.

Ресурсный подход стал складываться в психологии с 1973 года. Первенство в его разработке принадлежит Д. Канеману, утверждавшему, что любая задача, осознаваемая мозгом, будет выполняться, если для ее решения найдется некий ресурс. В. Н. Дружинин уточнил эту теорию и ввел понятие «когнитивный ресурс». А. Г. Маклаков предложил комплементарное понятие «личностный адаптационный потенциал». Р. С. Лазарус рассматривал ресурсы как копинг — объединение когнитивных и поведенческих усилий с целью совладания со стрессом. Однако С. Е. Хобфолл утверждал обратное: психологический стресс возникает из-за дисгармонии приобретенных и потерянных ресурсов. Постепенно в психологии сформировалось представление о двух видах ресурсов:

- психологические ресурсы;
- личностные ресурсы.

Последние включают в себя свойства личности от установок до социальных ролей — не только в малых, но и в больших социальных группах.

Несмотря на достаточно большое число психологических исследований, выполненных в рамках ресурсного подхода [2; 4], остаются актуальные темы, в которых он еще не исчерпал себя. Например, это изучение

социально-психологических ресурсов преодоления химической зависимости у мужчин.

Под социально-психологическими ресурсами можно понимать совокупность факторов, которые обуславливают совладающее поведение личности в ситуациях стресса, тем самым осуществляя профилактику отклонений в ее развитии. В эту совокупность включаются:

— внутренние социально-психологические факторы (ресурсы самой личности — ее социально-психологические характеристики);

— внешние социально-психологические факторы (социально-психологический климат в малых и больших группах, в которые включена личность);

— социально-психологические ресурсы, появляющиеся у личности в результате взаимодействия с социальной средой (доверие, привязанность, сотрудничество, социальная поддержка, чувство значимости в группе и др.).

Очевидно, что недостаток социально-психологических ресурсов для совладания с жизненными трудностями создает условия для включения дезадапционного механизма, накопления стресса и в конечном счете обуславливает отклоняющееся поведение личности, например появление зависимости от ПАВ. Со временем этот механизм превращается в порочный круг: недостаток ресурсов — дезадаптация — стресс — фрустрация — усиление агрессивности — прекращение ремиссии.

Актуальность исследования социально-психологических ресурсов преодоления зависимости от ПАВ у мужчин обусловлена несколькими причинами:

— общество теряет мужчин, способных приносить ему пользу;

— страдает сам зависимый от ПАВ мужчина, а его отклоняющееся поведение снижает качество жизни его родных и близких;

— самостоятельно преодолеть зависимость от ПАВ способен редкий человек;

— существует дефицит по-настоящему эффективных технологий социально-психологического сопровождения мужчин — химических аддиктов;

— программа социально-психологической поддержки совладающего поведения мужчин — химических аддиктов в преодолении зависимости, разработанная на основе ресурсного подхода, может стать действенным способом решения актуальной социально-психологической проблемы и личности, и общества.

Литература

1. Костакова, И. В. Психологические особенности поведения лиц, зависимых от ПАВ / И. В. Костакова, Т. А. Юдина. — Текст : непосредственный // Научен вектор на Балканиите. — 2019. — № 1 (3). — С. 71–72.
2. Марков, В. Н. Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы / В. Н. Марков. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». — 2010. — № 4. — С. 5–10.
3. Ченосова, Е. П. Психологический портрет аддикта / Е. П. Ченосова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 45 (283). — С. 234–237.
4. Шипова, Н. С. Понятие ресурса в психологии: определение и ассоциативные связи / Н. С. Шипова, У. Ю. Севастьянова. — Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». — 2020. — Т. 26, № 4. — С. 105–110.

Л. А. Истомина,

*аспирант кафедры специальной психологии и реабилитологии факультета
клинической и специальной психологии Московского государственного
психолого-педагогического университета*

ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ КОМПЛЕКСНОЙ ПОМОЩИ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ В УСЛОВИЯХ ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В докладе рассмотрены ожидания подростков с психическими заболеваниями относительно коммуникативных качеств специалистов помогающих профессий в лечебном учреждении. Приведены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение профессионально-личностных качеств персонала, раскрывающихся во взаимодействии с подростками — пациентами лечебных учреждений. Отмечена специфика коммуникативных компетенций, проявляющихся в ходе оказания медицинской и психолого-педагогической помощи различными группами специалистов. Сформулированы рекомендации по гармонизации психологического климата в лечебном учреждении во время лечебного процесса и комплексной реабилитации.

Исследование проводилось на базе Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков им. Г. Е. Сухаревой (Москва). В исследовании приняли участие 80 подростков — 23 мальчика и 57 девочек.

Наиболее значимые различия обнаружены между группами психологов и педагогов. Полученные результаты демонстрируют, что положительные коммуникативные качества в большей степени проявлялись в группе психологов и в меньшей — в группе педагогов. Более низкие

показатели коммуникативных компетенций в группе педагогов могут объясняться непониманием состояния пациентов с психиатрическими заболеваниями. Исходя из полученных результатов, мы можем сделать предположение, что недостаточная готовность к оказанию помощи специалистов третьей группы связана с большей склонностью к профессиональному выгоранию. Такое предположение обусловлено в первую очередь тем, что большинство педагогов, работающих в рамках стационаров, не имеют специальной подготовки в сфере оказания помощи пациентам клинического профиля. Непонимание состояния пациента, невозможность выстраивания контакта и выбора эффективных стратегий коммуникации могут приводить к ощущениям некомпетентности, бессилия, вызывать тревогу.

Мы выяснили, что существуют определенные ожидания подростков с психическими заболеваниями в отношении коммуникативной компетенции специалистов лечебной и психолого-педагогической помощи. Исследование продемонстрировало наличие положительных коммуникативных качеств, соответствующих ожиданиям пациентов. Подростки также назвали негативные качества специалистов, не оправдавших их ожиданий. Также мы выяснили специфику показателей коммуникативных компетенций в группах специалистов различных направлений комплексной помощи в лечебном учреждении. Обозначенные негативные проявления профессионально-личностных качеств в ходе коммуникации с пациентами свидетельствуют о недостаточной готовности к оказанию помощи подросткам с психическими заболеваниями. Подобные признаки профессионально-личностной деформации могут быть результатом эмоционального выгорания специалистов, что требует дальнейшего изучения.

Возможная программа может представлять собой психообразование и обучение техникам экологичной коммуникации с людьми с психическими заболеваниями. Отказ от принуждения, снижение обесценивания переживаний пациентов и применение валидации в процессе взаимодействия — необходимые меры предотвращения ретравматизации пациентов и достижения эффективных результатов лечебно-реабилитационной работы.

В. Д. Калашникова,*медицинский психолог отделения медицинской реабилитации № 2
Городской наркологической больницы (Санкт-Петербург)*

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ У ЛЮДЕЙ С АЛКОГОЛЬНОЙ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Многофакторность этиологии синдрома зависимости от ПАВ (психоактивных веществ) создает предпосылки для рассмотрения психологических особенностей пациентов как важной части комплекса участвующих в генезе аддиктивного расстройства детерминант. Анализ литературных источников показал, что особенностями больных алкоголизмом и наркоманией являются невысокие показатели смысложизненных ориентаций и экстернальная направленность локуса контроля [2; 6]. Полученные результаты исследования могут быть использованы для совершенствования системы психологической помощи пациентам с зависимостью от ПАВ.

В исследовании приняли участие 68 пациентов с алкогольной и наркотической зависимостью, проходившие стационарную реабилитацию в Городской наркологической больнице. Пациентам предлагалось ответить на вопросы интервьюера (по итогам их ответов составлена социально-демографическая карта) и пройти обследование с помощью ряда психодиагностических методик — теста «Смысложизненные ориентации» [3], методики «Уровень субъективного контроля» [1], морфологического теста жизненных ценностей [5].

Анализ данных, полученных в результате исследования, частично подтвердил три гипотезы.

1. Люди с алкогольной и наркотической зависимостью характеризуются низким уровнем смысложизненных ориентаций, экстернальным локусом контроля. Однако не подтвердилось предположение о том, что зависимые люди отличаются слабо выраженным стремлением к развитию личностного потенциала и реализации творческих возможностей.

2. Результатом полного прохождения реабилитационной программы является изменение психологических характеристик пациентов с зависимостью от алкоголя и наркотиков — их смысложизненных ориентаций, локуса контроля, терминальных ценностей, а также сфер, в которых последние реализуются.

3. Имеются различия во взаимосвязи социально-демографических характеристик, смысложизненных ориентаций, локуса контроля, а также терминальных жизненных ценностей и сфер их реализации у зависимых

людей, завершивших участие в программе реабилитации и досрочно вышедших из нее.

При этом полученные данные интересно было бы изучить в кросс-культурном контексте, вполне возможно, что на результаты исследования наложили отпечаток особенности нашей ментальности [4].

Литература

1. *Бажин, Е. Ф.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК) / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. — Москва : Смысл, 1993. — 16 с. — Текст : непосредственный.
2. Исследование роли социально-демографических, клинических и психоэмоциональных характеристик в формировании мотивации к изменению и лечению у больных с синдромом зависимости от опиоидов / Д. И. Громько, А. И. Нечаева, Н. А. Ерофеева [и др.]. — Текст : непосредственный // Наркология. — 2021. — Т. 20, № 11. — С. 12–23. — Doi: 10.25557/1682-8313.2021.11.12-23.
3. *Леонтьев, Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. — [2-е изд.]. — Москва : Смысл, 2006. — 18 с. — Текст : непосредственный.
4. *Мельникова, А. А.* Русская ментальность в структуре языка: отражение базовых смыслов / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. — 2009. — № 9. — С. 13–15.
5. *Сопов, В. Ф.* Морфологический тест жизненных ценностей / В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина. — Текст : непосредственный // Прикладная психология. — 2001. — № 4. — С. 9–30.
6. Variations in Adolescent Purpose in Life and Their Association With Lifetime Substance Use / K. Abramowski, J. Pierce, C. Hauck [et al.]. — Текст : непосредственный // Journal of School Nursing. — 2018. — Vol. 34, № 2. — P. 114–120. — Doi: 10.1177/1059840517696964.

И. Ю. Кербис,

заместитель заведующего детским садом № 198 ОАО «РЖД» (Красноярск);

Т. О. Лященко,

социальный педагог детского сада № 198 ОАО «РЖД» (Красноярск);

Ю. О. Ворона,

магистрант III курса кафедры педагогики и психологии детства Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева

РАЗВИТИЕ ЛИДЕРСТВА У СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Социально-экономическая, политическая, культурная модернизация современного общества способствует переходу от коллективной и общественной к индивидуальной, идейной, личной активности. Различные социальные проблемы требуют идейных лидеров, способных творчески их решать. В развивающемся обществе лидерство становится эффек-

тивным инструментом социального прогресса. Потребность в лидерстве существует во всех сферах человеческой деятельности, в том числе в сфере образования.

Ключевыми аспектами формирования лидерских качеств руководителя и сотрудников образовательных учреждений выступают следующие:

— основные профессиональные компетенции будущих руководителей закладываются в процессе получения образования в педагогических вузах посредством учебной и внеучебной деятельности (коллективная творческая, групповая деятельность и др.) в условиях практико-ориентированной образовательной среды;

— в современных условиях лидеру важно обладать высоким уровнем личностного развития, организаторскими, творческими способностями, креативностью и т. п.;

— основными качествами руководителя должны быть гибкость поведения, умение создавать команду, способность контролировать результаты деятельности, уверенность в себе, активная жизненная позиция, моральная ответственность, способность отстаивать интересы сотрудников учреждения и др. [1];

— развитие лидерства сотрудников предполагает развитие самосознания, формирование лидерской идентичности, индивидуальных умений, овладение профессиональными знаниями, умениями, навыками, формирование профессионального мастерства, эмоциональной уверенности в себе, мотивированное стремление к позитивной динамике личностного роста;

— к эффективным инструментам развития лидерских качеств можно отнести участие в тренинговых программах, обучение действием, коучинг и наставничество [2].

Таким образом, лидеры в образовательных учреждениях — это руководители и сотрудники, обладающие высоким уровнем развития профессиональных и личностных качеств, способные нести ответственность за результаты работы коллектива, стимулирующие повышение профессионального уровня работников, стремящиеся к получению новых результатов профессиональной деятельности, склонные к творческой и инновационной деятельности.

Литература

1. *Кодин, В. Н.* Лидерские качества и билль о правах личности / В. Н. Кодин. — Текст : электронный // Элитариум. Центр дополнительного образования : [сайт]. — URL: https://www.elitarium.ru/liderskie_kachestva_lichnost/ (дата обращения: 28.11.2022).

2. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология : истоки и перспективы / Б. Д. Парыгин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. — 536 с. — Текст : непосредственный.

Д. М. Лаврова,

магистрант II курса кафедры социальной психологии СПбГУП;

В. А. Яковлев,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП,

кандидат психологических наук

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ COVID-19 НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ВРАЧЕЙ

Существует множество определений социального самочувствия. Исследованием данного феномена занимались социологи, психологи, философы, антропологи — Е. А. Ануфриев, Б. А. Грушин, З. Т. Голленкова, М. К. Горшков, А. А. Грачев, Б. В. Дубин, Т. И. Заславская, И. С. Кон, Ю. А. Левада, И. Т. Левыкин, Б. Д. Парыгин, Н. М. Римашевская, Н. Е. Тихонова, Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко, В. А. Ядов. Каждый ученый рассматривал данное явление под своим углом зрения, в своей парадигме [1, с. 39].

В западной психологии понятие «социальное самочувствие» является синонимом «субъективного благополучия». В данное понятие включаются такие факторы, как удовлетворенность жизнью, реакция на жизнь, экономическое благополучие, семейное положение. Иными словами, оно охватывает все стороны жизнедеятельности человека [5, с. 109].

Что касается отечественной социальной психологии, то наиболее полную характеристику составляющих социального самочувствия можно найти в труде Б. Д. Парыгина «Общественное настроение». Анализируя социальное настроение, автор отмечает, что социальное самочувствие зависит от статуса, семейного положения и физического здоровья человека [4].

Во время пандемии COVID-19 многие специалисты ощутили повышенное давление. Однако наиболее сильному негативному ее влиянию подверглись именно медики: они были вынуждены работать в непроветриваемой экипировке, часто сталкивались со смертью пациентов, помогали им, не располагая апробированными методами, основываясь исключительно на собственных знаниях, интуиции и опыте.

Анализируя работы Н. А. Вялых, О. А. Нор-Армян, Ю. С. Панфиловой, И. А. Поляковой, А. А. Литвиновой, А. В. Кравцовой, мы выявили, что на социальное самочувствие врачей во время COVID-19 большое влияние оказали следующие факторы: ненормированный график, постоянный контакт с умирающими, недостаточное количество СИЗ,

тревога за собственное здоровье и за здоровье близких, отсутствие психологической поддержки [2, с. 106].

Однако, чем моложе был врач, тем больше он воспринимал пандемию как вызов, способ показать себя, проверить свои силы, улучшить финансовое положение. Напротив, чем старше оказывался врач, тем сложнее ему было адаптироваться к новым условиям, тем сильнее его тянуло к дому, семье [3, с. 42].

Опираясь на модель социального самочувствия Б. Д. Парыгина и анализ современных исследований, мы выявили, что для большинства врачей семья выступала главным фактором поддержки и совладания со стрессом. Также во время пандемии на деятельность врачей обратили внимание многие граждане, выросло уважение и сострадание к медикам. Немаловажную роль в этом сыграли СМИ, так как в теле-трансляциях постоянно подчеркивались самоотдача, сила, упорство врачей «красной зоны».

Можно сделать вывод, что, несмотря на всю сложность и напряженность периода пандемии COVID-19, врачи смогли сохранить положительное социальное самочувствие. Однако большую роль в этом сыграла психологическая поддержка семьи, которая остается важной и после пандемии.

Литература

1. *Осинский, И. И.* Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения / И. И. Осинский, З. А. Бутуева. — Текст : непосредственный // Вестник БГУ. — 2015. — № 14. — С. 38–45.
2. Особенности психоэмоционального состояния врачей, оказывающих медицинскую помощь в условиях пандемии COVID-19 / А. А. Литвинова, А. В. Кравцова, А. В. Асмоловский [и др.]. — Текст : непосредственный // Клиническая медицина. — 2021. — № 2. — С. 103–107.
3. *Панфилова, Ю. С.* Социальное самочувствие врачей Ростовской области в период пандемии COVID-19: возрастные особенности / Ю. С. Панфилова. — Текст : непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. — 2022. — № 6 (98). — С. 39–46.
4. *Парыгин, Б. Д.* Общественное настроение / Б. Д. Парыгин. — Москва : Мысль, 1966. — 328 с. — Текст : непосредственный.
5. *Рогозин, Д. М.* Тестирование вопросов о социальном самочувствии / Д. М. Рогозин. — Текст : непосредственный // Социальная реальность. — 2007. — № 2. — С. 97–113.

М. В. Лapidус,

заведующая отделением социальной диагностики и разработки индивидуальных программ социальной реабилитации несовершеннолетних Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург);

М. В. Кондуров,

магистрант I курса кафедры социальной психологии СПбГУП

КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С НАРУШЕНИЯМИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ВОСПИТАННИКОВ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

В наше время все чаще встречаются дети, которые испытывают значительные сложности в овладении письменной речью. Это затрудняет изучение подавляющего большинства школьных предметов и имеет важное социальное значение для последующего получения образования.

Нарушения письменной речи различной тяжести — очень частая проблема у младших школьников. Так, она встречается у 52 % второклассников.

Можно выделить следующие основные нарушения письменной речи.

1. Артикуляторно-акустическая дисграфия. В основе этой проблемы лежит неправильное звукопроизношение, то есть дети пишут так же, как и говорят. В данном случае в первую очередь следует скорректировать звукопроизношение и только после этого начинать коррекцию письма.

2. Акустическая дисграфия. Это нарушение характеризуется заменой букв из одной группы другими (например, звонких — глухими, свистящих — шипящими и т. д.).

3. Аграмматическая дисграфия. Такое нарушение связано со слабым развитием лексико-грамматической стороны речи. Обычно эта проблема дает о себе знать в 8–9 лет, когда школьники приступают к освоению грамматики. У ребенка проявляются сложности со склонением слов по падежам, числам и тому подобным, что выражается в некорректном выборе окончаний слов и несогласованности слов в предложении.

4. Дисграфия на фоне нарушения языкового анализа и синтеза. Выражается в буквенных ошибках в словах, а именно в пропуске, повторении, написании лишних графических знаков.

5. Оптическая дисграфия. Сопровождается отсутствием формирования зрительно-пространственных представлений. Ребенок с данным нарушением не может понять разницу в очертании букв (овалах, кружочках, палочках и т. д.), что вызывает неверную передачу их на письме.

Встречаются следующие ошибки: написание букв в другую сторону, дорисовка букве лишних элементов или недописывание их.

6. Моторная дисграфия. Обуславливается проблемами в движениях руки во время написания слова, нарушениями взаимодействия моторных образов звуков и слов со зрительными образами.

Такие типы нарушений обычно наблюдаются у детей 6–14 лет. Логопедия изучает еще одно нарушение письменной речи — дизорфографию. Она выражается в устойчивом неумении применять на практике орфографические правила. Отличается регулярным повторением письменных ошибок при нормальном, согласно возрасту, интеллектуальном уровне ребенка.

Коррекция дефектов письменной речи — это комплекс методик, направленный на устранение неспособности овладеть письмом при нормальных интеллектуальных показателях ребенка.

К борьбе с нарушениями письменной речи необходимо привлекать одновременно нескольких специалистов в разных областях (логопеда, школьного учителя, врача-остеопата, психолога). Родители ребенка должны принимать непосредственное участие в решении этой проблемы, а также следовать советам специалистов [4].

Таким образом, коррекционная работа с нарушениями письменной речи воспитанников социально-реабилитационного центра носит системный, комплексный характер и обеспечивает своевременное преодоление выявленных проблем для последующего успешного обучения детей.

Литература

1. *Гиппенрейтер, Ю. Б.* Эти дети. Кто они? / Ю. Б. Гиппенрейтер. — Москва : Астрель, 2013. — 128 с. — Текст : непосредственный.
2. *Нарушения письменной речи: виды, коррекция и профилактика.* — Текст : электронный // Лого-эксперт : [образовательный портал]. — URL: <https://logopedprofportal.ru/blog/750346> (дата обращения: 03.03.2023).
3. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 720 с. — Текст : непосредственный.
4. *Созинова, М. В.* Осознанное родительство как средство профилактики социальных девиаций / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Научный обозреватель. Научно-аналитический журнал. — 2016. — № 12 (72). — С. 62–64.

С. С. Лебедева,

*профессор кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии
и социальной работы, доктор педагогических наук, старший научный сотрудник*

РОЛЬ СЕМЬИ ОЛЬДЕНБУРГСКИХ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский, сын Елены Павловны, дочери Павла I, и принца Петра Фридриха Георга Ольденбургского, которого в России называли Георгием Петровичем, был вызван императором Николаем I на русскую службу в 1830 году, а с 1834-го служил в Преображенском полку.

Всесторонне образованный, гуманно настроенный, принц Петр Георгиевич начал реализовывать передовые для того времени идеи. Он открыл в своем полку школу для солдатских детей — «школу кантонистов». Подобные школы уже открывались по инициативе офицеров, служивших на территории Оренбурга и в Юго-Западной Сибири, где раньше, чем в европейской части России, начали действовать ланкастерские школы.

Служа в полку, Петр Георгиевич видел серьезные нарушения со стороны руководства армии и государственных чиновников. Одной из причин такого положения дел Ольденбургский считал низкий уровень их профессиональной подготовки, в частности юридической. В связи с этим он предложил проект Училища правоведения, получивший высочайшее одобрение. Училище было открыто в 1835 году. Принц П. Г. Ольденбургский пожертвовал из своего капитала 300 тыс. рублей, на которые было куплено специальное здание, разработаны программы, подобран штат сотрудников, продумана комплексная система работы. В дальнейшем П. Г. Ольденбургский стал попечителем Санкт-Петербургского комплексного училища и Александровского лицея.

В середине XIX века П. Г. Ольденбургский выступил инициатором создания специального комитета по женскому образованию, который занимался проблемами управления и учебным процессом в женских учебных заведениях. В дальнейшем эта структура, преобразованная в Главный совет женских учебных заведений, играла роль министерства женского образования в России, способствуя открытию женских учебных заведений на территории государства.

В рамках решения проблемы образования населения были созданы профессиональные женские училища. К середине XIX века начали

работать двухгодичные педагогические курсы в Петербурге и Москве, специальные женские педагогические курсы, затем двухлетние курсы учительниц французского языка, в создание которых также внес вклад принц Ольденбургский.

Перспективы развития образования Петр Георгиевич связывал с расширением возможностей для дальнейшей профессиональной деятельности. Так, например, при Санкт-Петербургском воспитательном доме благодаря его усилиям была открыта учительская семинария, в которой успешные воспитанники могли получать различные виды педагогического образования, чрезвычайно востребованного в то время.

Учебные заведения, открытые принцем Ольденбургским, служили убедительным примером развития педагогической деятельности для разных образовательных структур на территории Российской империи.

Социальное служение П. Г. Ольденбургского не ограничивалось сферой просвещения. Его усилиями были созданы социальные приюты, детская больница для «детей преимущественно недостаточных родителей», оборудованная на его личные средства. При этом было уделено большое внимание профессиональной подготовке медицинского и обслуживающего персонала.

Деятельность Петра Георгиевича продолжил его сын Александр Петрович. В Крыму, под Гагрой, он помог создать инфраструктуру для курорта, а затем после мелиорации и строительства дорог был заложен один из первых общедоступных курортов для лечения людей с широким спектром заболеваний.

Свой вклад в развитие социального служения внесла супруга П. А. Ольденбургского, внука Петра Георгиевича, и сестра последнего русского императора. Под ее покровительством работало Общество защиты детей от жестокого обращения в Санкт-Петербурге и окрестностях, созданное в 1890 году. С 1906 года Ольга Александровна возглавляла Союз для борьбы с детской смертностью в России, которому мы обязаны созданием в нашей стране яслей и других детских учреждений, а также подготовкой педагогов.

В завершение необходимо отметить большое число учащихся и студентов-стипендиатов, которым семья Ольденбургских на протяжении многих лет помогала получать общее и специальное образование.

Литература

Немцы в России. Люди и судьбы : [сборник статей] / ответственный редактор Л. В. Славгородская. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. — 311 с. — Текст : непосредственный.

Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия : [сборник статей] / ответственный редактор Л. В. Славгородская. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. — 327 с. — Текст : непосредственный.

Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи : [сборник статей] / ответственный редактор Г. И. Смагина. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. — 424 с. — Текст : непосредственный.

Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование = Die Deutschen In Sankt-Petersburg: Wissenschaft, Kultur, Bildung / ответственный редактор Г. И. Смагина. — Санкт-Петербург : Росток, 2005. — 640 с. — Текст : непосредственный.

Яковлева, Е. Б. Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России / Е. Б. Яковлева. — Текст : непосредственный // Немцы и развитие образования в России : [сборник научных трудов]. — Санкт-Петербург : РАН, 1998. — С. 182–188.

О. Г. Липницкая,

*руководитель направления профилактики социального сиротства и укрепления семьи
Российского комитета «Детские деревни — SOS» (Санкт-Петербург)*

СЕМЕЙНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С КРИЗИСНЫМИ СЕМЬЯМИ

В современных реалиях добровольчество может стать важным ресурсом социального развития общества, повышения качества жизни семей и детей, средством, позволяющим решать широкий круг социальных проблем на различных уровнях [3].

В последние годы наблюдается рост интереса к добровольчеству, все больше граждан и организаций участвуют в волонтерском движении. И это не случайное явление: данный вид деятельности связан со спецификой русской ментальности [1].

Семейное добровольчество выступает перспективной формой социальной работы с кризисными семьями. Однако оно не является частью государственной политики России и реализуется в отдельных учреждениях в виде временных проектов и акций.

Семейное добровольчество — это деятельность на добровольной основе, направленная на оказание социальной поддержки членами одной семьи (контактной) другой семье — подопечной, попавшей в кризисную ситуацию. В этом контексте под контактными семьями понимаются семьи, которые сами успешно вышли из кризисных ситуаций и обладают ресурсом для распространения и передачи собственного позитивного опыта решения разного рода проблем. Суть семейного добровольчества заключается в создании поддерживающей, ресурсной среды для преодоления кризисных ситуаций конкретными семьями, а также в развитии механизмов взаимопомощи в современном российском обществе.

Общаясь с подопечными, контактная (добровольческая) семья делится своим опытом осмысления трудностей, расстановки приоритетов, оценки ценностей, поиска ресурсов, конструирования эффективного взаимодействия в решении проблем. Важно, что добровольцы, взаимодействуя с подопечными, демонстрируют позитивный опыт семейной коммуникации, восполняющий недостатки ресурсов данной семьи.

Семейное добровольчество имеет множество положительных социальных эффектов:

— члены семьи добровольцев получают возможность приобрести совместный опыт общественной деятельности, который способствует их сплочению, укреплению внутрисемейных отношений, профилактике конфликтов и конструктивному их разрешению [2]; развитию осознанного родительства [4];

— социальная значимость семейного добровольчества выступает ресурсом развития социально ориентированного подрастающего поколения, способного трудиться на благо общества;

— семейное добровольчество — одна из эффективных практик социальной работы, направленная на совершенствование профессионального инструментария специалистов социальной сферы;

— в процессе семейного добровольчества активно взаимодействуют государственные учреждения системы социальной защиты населения и социально ориентированные некоммерческие организации, что способствует достижению новых результатов в оказании социальной поддержки и помощи слабозащищенным, уязвимым группам населения [5].

Программы укрепления семьи комитета «Детские деревени — SOS» предоставляют услугу «контактная семья» как на территории Санкт-Петербурга, так и в других регионах России (Москва и Московская область, Орловская, Мурманская, Псковская, Вологодская области, Казань, Великий Новгород).

Становление и развитие детей лучше происходит в кругу родной семьи, которая дает уникальный ресурс для дальнейшего взросления. Социальная практика семейного добровольчества становится ресурсом, позволяющим кризисной семье найти опору и выстроить собственный маршрут преодоления возникших трудностей и проблем.

Литература

1. Мельникова, А. А. Онтология национальной ментальности и синтаксис языка / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Человек. — 2009. — № 2. — С. 137–142.
2. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.] ; под редакцией В. В. Горшковой. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.

3. Современная социология семьи: проблемы и их решения : [коллективная монография] / А. Ю. Нагорнова, Е. А. Данилова, А. А. Салихова [и др.]. — Ульяновск : Зебра, 2020. — 101 с. — Текст : непосредственный.

4. *Созинова, М. В.* Осознанное родительство как средство профилактики социальных девиаций / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Научный обозреватель. Научно-аналитический журнал. — 2016. — № 12 (72). — С. 62–64.

5. *Созинова, М. В.* Технологии партнерского взаимодействия в процессе формирования социальной компетентности добровольцев / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Партнерство государства, бизнеса и СО НКО в интересах защиты детей, оставшихся без попечения родителей, и детей группы риска социального сиротства: инновационная практика : материалы Международной научно-практической конференции, 3–4 декабря 2015 года. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ин-т психологии и социальной работы, 2015. — С. 110–113.

О. Г. Липницкая,

*руководитель направления профилактики социального сиротства и укрепления семьи
Российского комитета «Детские деревни — SOS» (Санкт-Петербург);*

Р. Д. Завроцкий,

аспирант кафедры философии и культурологии СПбГУП

КОМПЕНСАТОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

К числу фундаментальных факторов, условий, основ человеческого существования относятся механизмы культуры, которые понимаются в науке как инструментальные структуры деятельности, обеспечивающие эффективное функционирование любых культурных проявлений [3]. Механизмы культуры действуют в любых, даже самых спонтанных, непредсказуемых ситуациях и воплощают часто скрытые закономерности социальных процессов [4].

В науке по-разному понимают сущность социально-терапевтического эффекта культурных механизмов. Однако можно говорить о том, что они помогают размышлять на некоторые темы, например такие, как «Что сейчас происходит?», «Какой был опыт преодоления кризисов?» [5], «Что можно сделать?», «Истории успеха и возможные результаты». У любого человека, семьи, сообщества есть сильные стороны и ресурсы, поэтому в процессе оценивания ситуации важно уделять им внимание. Преодоление сложностей приносит новый опыт, мудрость, знания, а не только травмы и боль. Современная социальная работа базируется на понимании контекста поведения людей и необходимости распознавания их сильных сторон и ресурсов — в этом аспекте большой вклад могут внести компенсаторные механизмы культуры.

По мнению О. Н. Астафьева, Т. Г. Грушевицкой и А. П. Садохина, можно выделить следующие механизмы культуры [1]:

- инновации;
- обращение к культурному наследию;
- культурное заимствование;
- культурная диффузия;
- синтез.

Исследователи анализируют перечисленные механизмы в контексте соотношения старого и нового, традиции и новации в культуре. Насколько можно себе представить, вопрос о механизмах культуры большей частью укладывается в очерченные выше рамки.

В социальной работе чаще всего используют обращение к культурно-наследию, хотя, исходя из анализа собственного опыта работы с семьями, переживающими последствия комплексной психотравмы, автор считает, что необходимо уделять внимание культурной диффузии и культурному трансферу именно как ресурсным практикам. Анализ разных взглядов подчеркивает, что сложность и вариативность механизмов культуры позволяет принимать решения с учетом нескольких точек зрения на проблему. Важно признание того, что есть аспекты реальных социокультурных процессов, отражающих эффективность механизмов, которые еще не стали предметом основательного научного осмысления. К ним можно отнести компенсирующий эффект в случае возникновения в культурном пространстве сложной или чрезвычайной ситуации, имеющей серьезные последствия, которые могут привести к изменению жизнедеятельности многих людей. Социальные программы и проекты, разработанные с учетом компенсаторных механизмов культуры, могут помочь сглаживанию острых, травмирующих последствий современной обстановки, способствовать формированию ресурсных состояний. В этом смысле можно предположить, что компенсаторный механизм представляет собой вариант проявления адаптивной функции культуры, смягчающий последствия кризисных, тяжелых ситуаций и потрясений. Такое свойство можно назвать культурно-терапевтическим. В практике социальной работы учет компенсаторных механизмов культуры может быть описан как целенаправленный и сознательно конструируемый. Эти механизмы несут в себе достаточно большой ресурсный и пояснительный потенциал по отношению к широкому кругу социальных и психологических явлений. Вместе с тем важно подчеркнуть, что народная художественная культура сегодня все чаще задействует компенсаторные механизмы для нивелирования негативных факторов, возникающих в жизни человека.

В завершение можно сделать вывод, что компенсаторный механизм культуры необходимо актуализировать и описывать в ситуациях значительных социокультурных трансформаций. Он не только оказывает терапевтическое воздействие, но и обладает серьезным потенциалом, который производит ощутимый ресурсный эффект на людей, переживающих тяжелые кризисные ситуации, что весьма значимо для практики социальной работы.

Литература

1. Астафьева, О. Н. Культурология. Теория культуры : учебное пособие / О. Н. Астафьева, Т. Г. Грушевицкая, А. П. Садохин. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 487 с. — Текст : непосредственный.
2. Запесоцкий, А. С. Дмитрий Лихачев: о сущности культурной традиции / А. С. Запесоцкий, В. Г. Лукьянов. — Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. — 2007. — № 7. — С. 4–12.
3. Мельникова, А. А. Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2012. — № 11. — С. 70–72.
4. Мельникова, А. А. Ценностный ресурс культуры как основа новой образовательной парадигмы / А. А. Мельникова, М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. — 2022. — № 3. — С. 78–81.
5. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.]; под редакцией В. В. Горшковой. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.

Л. И. Маметьева,

медицинский психолог Городской наркологической больницы (Санкт-Петербург)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ У ЖЕНЩИН С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Тема эмоционального интеллекта и локуса контроля в настоящее время вызывает большой интерес у психологов.

Дж. Майер, П. Саловей в 1990 году предложили первую модель эмоционального интеллекта. В конце XX века появились теория эмоциональной компетентности Д. Гоулмана и некогнитивная теория эмоционального интеллекта Р. Бар-Она.

В российской психологической науке выдающиеся ученые Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и О. К. Тихомиров сформулировали в своих исследованиях основные идеи, которые в дальнейшем

привели к становлению понятия «эмоциональный интеллект» [2]. В настоящее время изучением эмоционального интеллекта занимаются психологи И. Н. Андреева, О. В. Белоконь, О. И. Власова, О. А. Гулевич, С. П. Деревянко, Н. В. Коврига, А. П. Лобанов, Д. В. Люсин, М. А. Манойлова, Э. Л. Носенко, В. В. Овсянникова, А. С. Петровская, Е. А. Сергиенко, Д. В. Ушаков и др.

Опираясь на работу И. Н. Андреевой, где представлена систематизация различных точек зрения исследователей, изучающих феномен эмоционального интеллекта, можно сделать вывод о том, что и зарубежные, и отечественные ученые признают, что эмоции как особый вид знаний соотносятся с категорией интеллекта и могут позволить человеку успешно адаптироваться к условиям окружающей среды [1].

Психологический анализ понятия интернальности представлен в работах зарубежных исследователей Дж. Роттера, Э. Маккоби, Р. Сирса, Р. Мертона, Д. Рисмена, Л. Уайта.

Интернальность — это исторически связанный с категорией локуса контроля конструкт, который был введен в 1954 году Дж. Роттером для научного применения в теории социального обучения.

Локус контроля определяется как свойство людей приписывать ответственность за негативные результаты своих действий либо внешним обстоятельствам (внешний локус контроля), либо собственным личностным качествам (внутренний локус контроля). Лица, обладающие интернальным локусом контроля, более социально ответственны и целенаправленны, настойчивы в достижении цели.

В отечественной психологии Д. А. Леонтьев, А. А. Бодалев, А. М. Эткинд, В. В. Столин и другие также развивали свои идеи относительно вопросов интернальности личности и локуса контроля. В настоящее время много исследований в этом направлении проводит Д. В. Карась.

Российские исследователи воспринимают локус контроля как компонент самосознания личности и связывают его с мотивацией и целеполаганием.

Нами было проведено эмпирическое исследование эмоционального интеллекта, уровня субъективного контроля, копинг-стратегий и некоторых социальных характеристик наркозависимых женщин и женщин, не склонных к аддиктивному поведению. При сравнении этих показателей были получены интересные данные. Наркозависимые женщины более экстернальны, чем здоровые респондентки, а также имеют более низкий уровень эмоционального интеллекта. Выявлены достоверные связи между неконструктивными копинг-стратегиями и экстернальностью, а также снижением эмоционального интеллекта.

Кроме того, был определен ряд факторов, способных влиять на уровень эмоционального интеллекта и локус контроля наркозависимых респонденток. Так, уровень образования статистически достоверно связан с тем, насколько интернальны наркозависимые женщины в сфере производственных (трудовых) отношений: чем выше образование, тем больше женщины склонны рассматривать себя как источник рабочих успехов и неудач. Также следует отметить, что с уровнем образования наркозависимых респонденток был связан показатель склонности к игнорированию проблем и избеганию трудностей. Более высокий уровень образования свидетельствовал о меньшей склонности к избеганию.

Переход пациенток после медикаментозного лечения на этап реабилитации был тесно связан с тем, насколько хорошо наркозависимые респондентки распознавали эмоции окружающих. Иными словами, такое свойство их эмоционального интеллекта можно назвать личностным ресурсом, способствующим выходу на этап реабилитации (при этом данный ресурс находит поддержку в особенностях национальной ментальности [3; 4]). Кроме того, на более поздних этапах реабилитации также был выше уровень предпочтения такой копинг-стратегии, как самоконтроль. Эти данные косвенно подтверждают роль реабилитационных мероприятий в приближении функционирования организма респонденток к нормам, полученным на здоровой выборке.

Литература

1. *Андреева, И. Н.* Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие / И. Н. Андреева. — Новополюск : Полоцкий гос. ун-т, 2020. — 356 с. — Текст : непосредственный.
2. *Дегтярев, А. В.* «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии / А. В. Дегтярев. — Текст : электронный // Психологическая наука и образование. — 2012. — Т. 4, № 2. — URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53525.shtml (дата обращения: 06.01.2022).
3. *Мельникова, А. А.* Взаимосвязь оснований русской культуры и гендерных архетипов в контексте цивилизационной динамики / А. А. Мельникова, Л. Я. Круглянская. — Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2014. — № 2-2. — С. 131–133.
4. *Мельникова, А. А.* Русская ментальность в структуре языка: отражение базовых смыслов / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. — 2009. — № 9. — С. 13–15.

Л. В. Маришук,

*профессор кафедры психологии и конфликтологии Минского филиала
Российского государственного социального университета (Беларусь),
доктор психологических наук;*

А. З. Джанашиа,

*старший преподаватель кафедры психологии и коррекционной работы
Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Беларусь)*

НАМЕРЕНИЕ ЗАНИМАТЬСЯ САМОВОСПИТАНИЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Важнейшим институтом социализации является семья, в которой процесс воспитания осуществляется на личном примере. Исходя из идей В. А. Сухомлинского, можно утверждать, что лучшим методом воспитания служит самовоспитание [3]. Намерение заниматься самовоспитанием возникает в старшем подростковом возрасте потому, что важнейшее новообразование данного периода — чувство взрослости, обычно выражаемое в различных девиациях, не находит своих просоциальных способов. Именно этим способам следует целенаправленно учить подростков, на что и было направлено исследование, проведенное с интервалом в 13 лет.

В формировании намерения заниматься самовоспитанием и его реализации подростком ключевую роль играют такие стороны самосознания, как личностная рефлексия, внутренний план действий, произвольность, способствующие возникновению новых потребностей — в самопознании и самооценке. Рефлексия приобретает направленность на саму личность, что с позиций самонаблюдения и самооценки поступков, общения приводит к появлению потребности в самостоятельности, выражающейся в том числе в намерении заниматься самовоспитанием. Внутренний план действий в комплексе с осознанием себя во времени выступает инструментом планирования и самоотчета. Саморегуляция требует волевого «сопровождения», препятствующего любым девиациям при выполнении намеченного плана, и играет важную роль в устойчивости намерения заниматься самовоспитанием, цель которого отсрочена во времени и предполагает выполнение или возобновление (при отмене, откладывании) непривычных и трудных действий.

Намерение как самостоятельное психическое образование возникает в результате целеполагания в новой, непривычной и сложной для человека деятельности, результат которой отсрочен во времени («материализованная цель» [1]). Структурно намерение представлено двумя компонентами [2]: *интеллектуальным* — выполняет функцию планирования

основной и промежуточных целей и действий для достижения конечного результата; *эмоционально-волевым* — выполняет функцию побуждения и подкрепления.

Результаты статистического анализа показали, что вовлеченность в самовоспитание может быть представлена тремя уровнями. Выявлено, что высокий уровень предполагает активное (устойчивое, рефлекслируемое) самовоспитание подростка, которое осознается как преднамеренная деятельность по самоизменению; выделяется его содержание и промежуточные результаты этой деятельности. Средний уровень отражает промежуточное (неустойчивое, эпизодическое) самовоспитание: подросток действует методом проб и ошибок, не способен точно описать и выделить содержание деятельности по самовоспитанию. Низкий уровень представлен пассивным (случайным, нерелфлекслируемым) самовоспитанием: попытки к самоизменению не предпринимаются, намерение не вербализуется, волевые усилия не прилагаются [2].

Вовлеченность в самовоспитание значимо связана с обоими компонентами намерения. Интеллектуальный компонент по показателям «общая интернальность» ($r = 0,22, p \leq 0,05$) и «интернальность в области достижений» ($r = 0,18, p \leq 0,05$), где локус контроля личности смещается в сторону интернальности, что объясняется развитием планирующей функции мышления, рефлексивных действий над выделением наиболее существенных причин успехов [2]. Исходная экстернальность в области неудач сохраняется, зависимостей не выявлено.

Эмоционально-волевой компонент значимо связан по показателям «общий волевой самоконтроль» ($r = 0,11, p \leq 0,05$), «настойчивость» ($r = 0,13, p \leq 0,05$), «самообладание» ($r = 0,11, p \leq 0,05$), что соответствует высокому уровню вовлеченности. Более слабые значения связи эмоционально-волевого компонента детерминируются не вполне сформировавшимся компонентом самосознания — саморегуляцией как уравновешиванием возбуждения и торможения.

За 13 лет в самовоспитательной деятельности подростков произошел ряд изменений. Во второй серии обнаружено увеличение числа испытуемых с высоким и низким уровнем устойчивости намерения заниматься самовоспитанием, причем распределение их самооценок стремится к полярности (с тенденцией к преимуществу высокого уровня). Это обусловлено ростом интернальности, волевого самоконтроля и настойчивости испытуемых.

Обоснована, разработана, апробирована и внедрена методика «Подсказки». Она направлена на содействие подростку в реализации намерения заниматься самовоспитанием (с минимальной конкретизацией;

с дополнительной частичной конкретизацией; разрешающая) и определяет направление анализа способов реализации намерения (достижение основной и промежуточных целей), осуществление которого принадлежит самому подростку. Знания и прошлый опыт саморегуляции подростка в его действиях по реализации намерения заниматься самовоспитанием представляют собой «зону ближайшего развития», в которой и должен действовать взрослый, лишь направляя учащегося методикой «Подсказки» как адекватным инструментом актуализации этих знаний и опыта. Эффективность методики подтверждена результатами значимого повышения уровня интернальности и волевого самоконтроля учащихся экспериментальной группы.

Литература

1. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность : [учебное пособие] / А. Н. Леонтьев. — Москва : Смысл : Академия, 2004. — 345 с. — Текст : непосредственный.
2. *Маришук, Л. В.* Намерения подростков в самовоспитании и формирование действий для их реализации / Л. В. Маришук, А. З. Джанашиа. — Текст : непосредственный // *Ананьевские чтения — 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям : материалы Международной научной конференции.* — Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2022. — С. 258–259.
3. *Сухомлинский, В. А.* Воспитание и самовоспитание / В. А. Сухомлинский. — Текст : непосредственный // *Советская педагогика.* — 1965. — № 12. — С. 23–30.

С. В. Митрухина,

*старший преподаватель кафедры фундаментальной медицины
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан);*

А. Е. Данилова,

*студентка III курса Медицинского института
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан)*

ДОВЕРИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Доверие — это уверенность в добросовестности, честности и порядочности человека. В ходе исторического развития общества толкование данного понятия и формы его проявления менялись: в начале активного изучения доверия (1970-е гг.) исследователи чаще всего интерпретировали его как уверенность в человеке, в правильности его действий и намерений. В дальнейшем произошел переход от поведенческого к социально-психологическому (межличностному) аспекту, который остается ведущим и на современном этапе изучения феномена.

Доверие как сложный социальный феномен неоднозначно интерпретируется в различных социально-гуманитарных науках. Например, в социологии оно рассматривается как средство социальной коммуникации [4; 5], в психологии — как социально-психологический феномен, способствующий социальному развитию человека [1; 2]. В социальной работе доверие выступает одним из параметров эффективности оказания помощи клиенту социальной службы [3].

Доверие — это основа социальной работы, «фундамент» профессиональных взаимоотношений между социальным работником и клиентом. Под доверием в социальной работе понимают открытые, положительные взаимоотношения между социальным работником и клиентом, которые отражают уверенность в порядочности, честности, открытости, доброжелательности субъекта взаимодействия.

В современном обществе наблюдаются различные проявления доверия. В научной литературе рассматривают межличностное и институциональное доверие, а также выделяют четыре уровня этого явления: базовый, личностный, социальный, культурный.

Согласно результатам интервью, проведенного среди получателей социальных услуг Управления социальной поддержки населения Абакана ($n = 50$), доверие ассоциируется в первую очередь с личностными характеристиками (доброжелательность, честность, порядочность). Далее следуют профессиональные функции (помощь, поддержка, забота), гарантия получения необходимой услуги (уверенность, надежность). Наконец, менее всего доверие связывается с социально-экономическими категориями (эффективность, качество). Для клиентов важен межличностный аспект доверия, который подразумевает непосредственное и близкое взаимодействие.

По мнению респондентов, доверять другому человеку — это знать, что он не причинит вреда, полагаться на него, надеяться, что он придет на помощь. Среди опрошенных преобладает низкое социальное доверие: две трети респондентов доверяют только самым близким друзьям и родственникам, остальные не доверяют никому.

По мнению респондентов, доверять сотрудникам социальных учреждений можно, большинство ответили, что «скорее доверяют, чем не доверяют» им, полностью доверяют преимущественно пожилые люди.

Все респонденты отметили важность установления доверительных отношений между клиентом и специалистом социального учреждения, так как это поможет лучше решить проблему. На установление доверительных отношений, по мнению респондентов, оказывают влияние следующие факторы: доброжелательное и уважительное отношение со сто-

роны специалиста, умение сотрудника выслушивать и общаться, а также существующее в сообществе мнение о нем как о квалифицированном специалисте.

Итак, проблема доверия между клиентами и сотрудниками социальных служб является актуальной; необходима дальнейшая разработка способов установления доверительных отношений.

Литература

1. *Купрейченко, А. Б.* Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. — Москва : Ин-т психологии РАН, 2008. — 565 с. — Текст : непосредственный.
2. *Скрипкина, Т. П.* Психология доверия : [учебное пособие для вузов] / Т. П. Скрипкина. — Москва : Academia, 2000. — 265 с. — Текст : непосредственный.
3. *Сухов, А. Н.* Уровень доверия клиентов к социальным работникам как показатель эффективности их профессиональной деятельности / А. Н. Сухов, М. Г. Гераскина, А. А. Захарова. — Текст : электронный // Социально-гуманитарные знания. — 2016. — № 8. — С. 153–161. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27334767> (дата обращения: 30.11.2022).
4. *Шорина, И. Н.* Институциональное доверие в современном российском обществе (региональный аспект) / И. Н. Шорина. — Текст : электронный // Вестник ТГУ. — 2013. — № 8 (124). — С. 271–274. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-doverie-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 30.11.2022).
5. *Эбелинг, Э. О.* Доверие: интердискурсивный анализ феномена / Э. О. Эбелинг, М. И. Черепанова. — Текст : электронный // Социодинамика. — 2021. — № 8. — С. 14–22. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-interdiskursivnyy-analiz-fenomena/viewer> (дата обращения: 30.11.2022).

В. Б. Морозов,

доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Современное российское законодательство закрепляет свободу труда, однако на практике встречаются социально-психологические проблемы реализации данной правовой нормы.

В России существует несколько способов увольнения с работы. Первый — это расторжение трудового договора по инициативе работника. Согласно ст. 80 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) работник имеет право расторгнуть трудовой договор по собственному желанию, письменно предупредив об этом работодателя за две недели [2]. Различного вида давление на работника, в том числе и психологическое, с целью принуждения к написанию заявления — это грубейшее нарушение его прав. Важно, что увольнение работника

по собственному желанию допускается только при его добровольном волеизъявлении. В судебной практике множество доказанных случаев, когда работодатель вынудил работника тем или иным способом подать заявление об увольнении. Такое заявление признается судебными органами незаконным.

Не будем в дальнейшем останавливаться на административно-дисциплинарных моментах, а рассмотрим п. 1–3 ст. 81 ТК РФ, раскрывающие случаи расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Данная форма расторжения трудовых отношений довольно широко распространена на практике. Трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случаях ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуального предпринимателя [2]. В этой ситуации, как правило, никаких споров не бывает. Другое дело, когда увольнение происходит по сокращению численности или штата сотрудников организации. Такое основание является почвой для большого количества трудовых споров. Трудовым кодексом предусмотрен перечень категорий работников, которых нельзя увольнять по сокращению. Дополнительные категории могут быть указаны в коллективном договоре организации.

При расторжении трудового договора с работником запрещается увольнение по любым основаниям беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет, одиноких матерей, воспитывающих ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида до 18 лет), других лиц, воспитывающих указанных детей без матери. По законам Российской Федерации вам не могут прямо заявить: «Увольняйтесь по собственному желанию» — это запрещено, но оказывать различными средствами давление на работника, добиваясь того, чтобы у него возникло такое желание, получается, можно [3, с. 310].

С письменного согласия работника работодатель вправе расторгнуть с ним трудовой договор без предупреждения об увольнении за два месяца с одновременной выплатой дополнительной компенсации. Увольнение работника допускается лишь тогда, когда невозможен перевод с его согласия на другую работу.

Далее рассмотрим такое понятие, как несоответствие работника занимаемой должности (п. 3 ст. 81 ТК РФ). Здесь уже речь идет по большому счету о профессиональной компетентности. Уволить сотрудника можно, если факт несоответствия его занимаемой должности будет доказан. Это обязан сделать работодатель: должна быть собрана специальная аттестационная комиссия, в которую в обязательном порядке включается представитель от профсоюзного органа (при его нали-

чий в организации). По завершении проверки сотрудника на профессиональную пригодность комиссия принимает решение, которое работник может оспорить в суде.

Таким образом, гораздо проще и спокойнее расстаться с работником мирным путем, по соглашению сторон, регламентированному ст. 78 ТК РФ. Как правило, в компаниях стараются не доводить конфликт с сотрудником до официального уровня. В подобных случаях психологическое давление может быть очень сильным и поэтому опасным для здоровья работника, который в конце концов напишет заявление «по собственному желанию» [1, с. 35].

Необходимо знать, что запрещается увольнение работника в период временной нетрудоспособности или нахождения в отпуске. Кроме того, при увольнении работника, являющегося членом профсоюза, надо учитывать мнение выборного профсоюзного органа по данному вопросу.

Сокращение штата или ликвидация должности в настоящее время стали очень распространенными явлениями в связи с существенными изменениями в деятельности предприятий из-за введения различных санкций.

Расторжение трудового договора не всегда происходит гладко. На практике встречаются случаи психологического давления, выживания из организации вполне законными способами, откровенной дискриминации по полу, возрасту, религиозным основаниям и пр. Законодательство часто нарушается, и новые трудовые нормы должны больше учитывать интересы работников.

Литература

1. *Зыбкин, В. Г.* Психологическая реальность конфликтов / В. Г. Зыбкин, Ю. В. Оболенский. — Москва : Психотерапия, 2013. — 379 с. — Текст : непосредственный.
2. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 7 октября 2022 г.). — Текст : электронный // Консультант-Плюс : [справочно-правовая система]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.11.2022).
3. *Шейнов, В. П.* Управление конфликтами / В. П. Шейнов. — Санкт-Петербург : Питер, 2014. — 576 с. — Текст : непосредственный.

С. Б. Никонова,

*профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП,
доктор философских наук;*

С. Б. Скачков,

аспирант кафедры философии и культурологии СПбГУП

УЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ПРАЗДНИКИ КАК ФЕНОМЕН ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Городская праздничная культура возникла вместе с древнейшими городами. Даже будучи изначально связанным с сельскохозяйственными ритуалами, городской праздник уже во времена древних цивилизаций существенно отличался и по масштабу, и по зрелищности.

Праздничное действо происходило в разных формах: это могли быть пиры, карнавалы, триумфальные шествия, турниры. Современные городские праздники, несмотря на радикальное несходство условий и мировоззрений, реализуются в тех же формах: «шествие», «народное гулянье», «ярмарка», «карнавал», «зрелище», «ристалище», «пиршество» и пр.

Таким образом, праздник можно изучать как культурно-исторический феномен. В этом контексте в нем веками сохраняются одни и те же аудиовизуальные характеристики, ритуальные предметы, конфигурации. Кроме того, важна жанровая модель праздника, его направленность и состав целевой аудитории. Также можно анализировать пространственно-временную составляющую праздника.

По пространственной шкале праздники можно разделить на ориентированные внутрь социальной группы (корпоративные, семейные, детские) и ориентированные вовне социальной группы (например, встреча Нового года).

Существуют праздники, ориентированные на определенное пространство — клуб, площадь, улицу, двор. Однако наиболее массовыми и зрелищными становятся праздники, характеризующиеся движением множества людей: шествия, парады и карнавалы. Такие действия имеют протяженность как во времени, так и в пространстве. Будучи заряженными притягательной властью толпы, они подчиняют себе пространство обыденности и на время изменяют саму реальность городской среды. Выплескиваясь на улицу, праздник разворачивается в пространстве города, втягивая в себя движением и шумом больше людей, чем непосредственно в нем участвуют, а именно «свидетелей» праздника — случайных прохожих, жителей города и туристов.

Большую роль играет музыкальное сопровождение праздника. Правильно подобранная музыка, отвечающая целям и задачам мероприятия, создает нужную атмосферу, наполняет пространство радостью или печалью, заставляет сопереживать и вызывает эйфорию от разделенного со многими чувства.

Не менее важна визуальная конфигурация праздника. Человек, движущийся в толпе, может видеть ограниченное пространство. Ему открывается более полный обзор на объекты, расположенные дальше от него, чем на те, что находятся вблизи. Такая особенность восприятия людей диктует определенные правила композиции визуальных объектов, их наполненности и цветовой гаммы. Хорошо работает основной цвет праздника, система логотипов, слоганы, образы и шрифты, а также все, что может свидетельствовать об уникальности данного мероприятия. Особенный эффект визуальному ряду добавляют использование на праздниках одежды одинаковых или схожих цветов, оформление транспортных средств, создание анимационных персонажей и т. д.

Городской колорит становится фоном мероприятия, и крайне важно подобрать правильное, наполненное нужным смыслом пространство, сильные стороны которого содействовали бы созданию феномена праздника, наполняли бы его смыслом, были бы уместны и выигрышны со всех точек зрения.

Улицы предполагают развитие действия, ассоциируясь в нашем сознании с рекой, движущимся пространством. Они подходят для проведения торжественных шествий. Скверы и дворы представляют собой более камерное пространство — они выигрышны в случае проведения семейных и детских мероприятий. Площади хороши для музыкальных фестивалей и анимационных представлений. Каждому из таких мероприятий соответствуют свои аудитория и жанр праздника.

Проиллюстрировать феномен уличных мероприятий в городской культуре может деятельность социальных учреждений, например Центра социальной помощи семье и детям Московского района (Санкт-Петербург). Так, на придомовой территории по адресу: ул. Победы, д. 18, лит. А была проведена праздничная интерактивная программа «Веселый круговорот», посвященная Международному дню защиты детей. В уличном мероприятии были задействованы сотрудники Центра и волонтеры, в празднике приняли участие более 200 человек. Также можно привести в качестве примера интерактивную программу «Хлеб-соль дружбу водит», приуроченную ко Всемирному дню хлеба, которая была проведена на придомовой территории по адресу: ул. Победы, д. 12,

лит. А. Уличный праздник посетили более 50 гостей, в его подготовке участвовали 10 волонтеров и сотрудников Центра.

Таким образом, анализ феномена уличных праздников позволяет выделить основные виды мероприятий, обозначить способы усиления их воздействия на участников, изучить их значение и культуру. Важным фактором, требующим учета в дальнейших исследованиях, выступает российская специфика организации уличных мероприятий, которая включает как особенности нашей ментальности [3; 4], так и те традиции, которые существовали в русской культуре [2]. Также значимым для рассмотрения представляется вопрос влияния праздничной культуры на формирование ментальности [1; 5].

Литература

1. *Запесоцкий, А. С.* Проблемы деятельности институтов социализации в современной России / А. С. Запесоцкий. — Текст : непосредственный // Педагогика. — 2011. — № 9. — С. 3–15.
2. *Золотова, Т. Н.* Русские календарно-обрядовые традиции как источник формирования современной праздничной культуры (на примере сибирских городов) / Т. Н. Золотова. — Текст : непосредственный // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). — 2019. — № 2 (20). — С. 20–25.
3. *Мельникова, А. А.* Онтология национальной ментальности и синтаксис языка / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Человек. — 2009. — № 2. — С. 137–142.
4. *Мельникова, А. А.* Представления о деятельности в русской ментальности: аспект языкового анализа / А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. — 2009. — № 11. — С. 70–73.
5. *Хвоцевская, И. В.* Современная праздничная культура России и ее влияние на формирование национальной идентичности / И. В. Хвоцевская. — Текст : непосредственный // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2022. — № 2 (42). — С. 132–141.

М. В. Овчаренко,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

В современном мире одной из самых острых проблем является наркотическая зависимость молодежи [1]. На приобретение зависимости влияет множество факторов, среди которых семья, друзья, воспитание, ценности и, конечно, отношение человека к себе и его самооценка. Зависимая личность изначально имеет определенные отклонения от нормы, которые могут быть незаметны на первый взгляд [2]. Самоотношение человека напрямую связано с удовлетворенностью качеством и состоянием жизни. Если у личности есть проблемы с восприятием определен-

ных жизненных ситуаций, ее самоотношение будет нестабильным и нездоровым.

Целью данного исследования было выявить особенности самоотношения наркозависимых молодых людей. Объектом исследования стали 70 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Была выдвинута следующая гипотеза: самоотношение наркозависимых и независимых молодых людей будет различаться по определенным личностным особенностям.

При исследовании самоотношения (по Методике исследования самоотношения С. Р. Пантिलеева) у наркозависимых и независимых молодых людей были выявлены значимые различия по таким шкалам, как открытость, самоуверенность, саморководство, зеркальное «я», самооценку, самопривязанность, конфликтность и самообвинение.

Методика экспресс-диагностики уровня самооценки личности Л. Д. Столяренко показала низкий уровень самооценки у наркозависимых молодых людей, а у молодых людей без наркотической зависимости — средний.

Для выявления уровня любви испытуемых к себе использовался тест-опросник А. В. Морозова. У наркозависимых молодых людей данный показатель был средним, а у независимых — высоким.

В контексте уровня самооценки (определялся по методике Дембо–Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан) значимыми оказались такие параметры, как «характер», «ум и способности», «умелые руки», «внешность». По уровню притязаний различия обнаружились лишь в таких шкалах, как «характер и ум», «способности». По обоим уровням показатели наркозависимых молодых людей оказались ниже.

У результате исследования у зависимых молодых людей был выявлен низкий уровень самооценки и средний уровень любви к себе — такие показатели не считаются нормальными и свидетельствуют о необходимости работы над собой и восприятием себя. Подтвердилась гипотеза о том, что самоотношение наркозависимых молодых людей отличается от самоотношения молодых людей без наркотической зависимости.

Литература

1. Бубнова, И. С. Изучение самоотношения у наркозависимой молодежи в процессе социальной реабилитации / И. С. Бубнова, В. И. Рерке. — Текст : непосредственный // Международный исследовательский журнал. — 2017. — № 3-1 (57). — С. 114–115.
2. Созинова, М. В. Социальное сопровождение наркозависимых в условиях современного социума / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения : материалы Международной научно-практической конференции, 20–21 апреля 2017 г. / под общей редакцией Ю. П. Платонова. — Санкт-Петербург : СПбГИПСР, 2017. — С. 200–202.

Ю. А. Петровская,

*доцент кафедры социологии и социальной работы
Петрозаводского государственного университета, кандидат социологических наук;*

И. А. Игошина,

*студентка IV курса Института истории политических и социальных наук
Петрозаводского государственного университета;*

А. П. Пастьева,

*студентка IV курса Института истории политических и социальных наук
Петрозаводского государственного университета*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ

Актуальность исследования состоит в том, что в связи с увеличением продолжительности жизни происходит рост числа пожилых людей, которые выступают одной из самых многочисленных групп получателей социальных и медицинских услуг, что создает серьезную нагрузку на медицинские и социальные учреждения, в том числе стационарные. Концепция активного старения нацелена на поддержание высокого уровня активности пожилых граждан, активизацию их внутреннего потенциала для обеспечения благополучной старости [2, с. 4].

Проблему исследования составляет отсутствие комплексного подхода и действенных механизмов реализации концепции активного старения, поддержания и повышения качества жизни пожилых людей в общероссийской и региональной практике. Как следствие, пожилые люди оказываются исключенными из социальной жизни [1].

Цель исследования — определение возможностей реализации концепции активного старения в условиях конкретного региона (Республики Карелия) на основе реального уровня включенности пожилых людей в жизнь общества и разработка образовательной программы как инструмента интеграции пожилых. Научная новизна состоит в том, что степень социальной включенности жителей Республики Карелия трудоспособного возраста и старше была выявлена на основе авторской системы критериев и показателей.

Основной теоретико-методологической базой исследования стала концепция активного старения [4, р. 13], адаптированная в России как концепция активного долголетия, для изучения степени включенности был использован индекс Global Age Watch Index (GAWI) [3, с. 58].

Методом исследования стало интернет-анкетирование трудоспособного населения и пенсионеров Республики Карелия. В опросе приняли участие представители всех муниципальных районов. Объем выбор-

ки — 627 человек, тип выборки — квотная (по количеству проживающих в районах Республики Карелия).

Для оценки степени включенности взрослого населения Республики в социально активную жизнь была разработана система индикаторов, включающая анализ ответов респондентов по таким категориям, как состояние здоровья, личный потенциал, доступная среда. Согласно результатам опроса, респонденты находятся на периферии включенности в общественную жизнь (степень включенности — 56 %). Старшее поколение менее активно в приобретении и поддержании социальных связей, чем люди молодого и среднего возраста (20–40 лет).

В ходе исследования были изучены практики волонтерских организаций, осуществляемые для интеграции пожилых людей в социум. Образование пожилых как инструмент их интеграции мало изучено и практически не распространено в России. Нами определены наиболее интересные и актуальные для пожилых людей темы, на основе которых как инструмент интеграции пожилых людей в Петрозаводске разрабатывается образовательная программа, планируемая к практическому внедрению.

Программа, как мы предполагаем, является действенным инструментом интеграции пожилых людей. Основной ее особенностью стоит считать привлечение «серебряных» волонтеров для более быстрого установления контакта с пожилыми людьми и лучшего усвоения материала ими. Образовательное пространство послужит хорошей базой для формирования нового круга общения и интересов, что повлечет за собой увеличение процента социальной включенности пожилых.

Литература

1. Григорьева, И. А. Социальное исключение пожилых людей и возможности его преодоления / И. А. Григорьева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы социальной работы / под редакцией О. И. Бородкиной, И. А. Григорьевой. — Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2005. — С. 208–224.

2. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под редакцией Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. — Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2020. — 40 с. — Текст : непосредственный.

3. Павлова, И. А. Международные интегральные индексы как сравнительные методики макроуровня в оценке благополучия пожилого населения / И. А. Павлова, И. В. Гуменников, Е. А. Монастырный. — Текст : электронный // Вестник науки Сибири. — 2017. — № 1 (24). — С. 47–66. — URL: <https://earchive.tpu/bitstream/11683/43238/1/sjs-1014.pdf> (дата обращения: 24.07.2022).

4. Active ageing: a policy framework. — Geneva : World Health Organization, 2002. — 60 p. — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215> (дата обращения: 28.10.2022). — Текст : электронный.

В. П. Пешкова,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук

О ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ

Социально-психологическая адаптация — это процесс, при котором устанавливается наиболее оптимальное взаимодействие личности и окружающей среды. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова «адаптация» определяется как «приспособление организма к изменяющимся условиям среды». Сегодня феномен адаптации привлекает внимание специалистов в различных дисциплинах, в частности социальных [1].

Важнейшим условием успешной социально-психологической адаптации студенческой молодежи в вузовской среде становится наличие определенных индивидуальных психологических качеств личности [2; 3].

Потребностно-мотивационная сфера выступает одной из существенных сторон личности студента — это формирующий основные мотивы и потребности человека центр, который имеет тесную связь с волевой и эмоциональной сферами личности.

Т. Мюррей среди основных, центральных мотивов личности отмечает мотив достижения успеха. Согласно его исследованиям, лица с высокой мотивацией к достижению успеха проявляют большую социальную активность, лучше приспосабливаются к жизни. Однако такое стремление к успеху может наносить ущерб всем остальным аспектам жизнедеятельности. Люди, у которых преобладает мотивация к избеганию неудачи, консервативны и очень осторожны. Лучшим вариантом для успешной социально-психологической адаптации будет разумное сочетание двух типов мотиваций, но с преобладанием стремления к успеху.

Следует отметить, что на социально-психологическую адаптацию негативно влияют такие личностные характеристики студентов, как высокий уровень тревожности, раздражительность, подозрительность, ригидность, ярко выраженный индивидуализм, отсутствие чувства реальности происходящих событий, замкнутость в себе, необдуманность поступков, ориентация на внутренние критерии в оценке собственного поведения [3].

Таким образом, для успешной адаптации студентов к вузовской среде необходимо формировать мотивацию к достижению успеха как преобладающую в потребностно-мотивационной сфере личности человека.

Литература

1. *Запесоцкий, А. С.* Проблемы деятельности институтов социализации в современной России / А. С. Запесоцкий. — Текст : непосредственный // Педагогика. — 2011. — № 9. — С. 3–15.
2. *Прялухина, А. В.* Психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития личности студента в вузе / А. В. Прялухина, М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Бизнес. Образование. Право. — 2020. — № 1 (50). — С. 384–388.
3. *Чучелина, Е. В.* Психологические факторы социально-психологической адаптации студенческой молодежи в условиях вуза : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Е. В. Чучелина. — Самара, 2007. — 26 с.

Ю. Ю. Платонова,

*заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы,
кандидат педагогических наук, доцент*

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В современной ситуации неопределенности, связанной как с обострением социальных проблем, в частности проблем постковидных состояний, так и с появлением новых очагов социальной и политической напряженности, актуальными представляются поиск и применение современных инновационных подходов к сложной социальной повестке.

Как показывает практика, основная цель инновационной деятельности организаций социальной сферы — повышение эффективности деятельности социальных учреждений и качественное увеличение эффективных практик в оказании социальных услуг с учетом динамики потребностей граждан и влияния внешней среды.

Анализ научной литературы позволил выделить следующие виды инновационной деятельности в организациях социальной сферы.

1. Инновации, которые были внедрены благодаря внешним агентам. К данным видам инновационной деятельности можно отнести инициативы государственных органов власти, местных сообществ, а также реализацию национальных проектов.

2. Инновации, которые появились благодаря конкурентам на рынке социальных услуг. В качестве примера может выступать конкуренция между государственными социальными учреждениями и социально ориентированными некоммерческими организациями [1].

3. Инновации, которые были инициированы получателями социальных услуг. В данном случае инновационная деятельность организации

формировалась исключительно на основе потребностей получателей (клиентов), принадлежащих к конкретному целевому сегменту.

4. Инновации, определяемые характером имеющихся ресурсов. В данном случае инновационная деятельность направлена на внутри-организационные изменения, необходимые для решения существующих социальных задач, среди которых, например, может быть повышение качества материально-технической базы социальной организации, уровня образования специалистов и др.

Инновацией в системе работы организаций социальной сферы может стать любая идея или система идей, которая влечет за собой изменение поведения руководства и специалистов при решении проблем, существующих в учреждении, и нацелена на улучшение качества функционирования данного учреждения, отражение новых социальных угроз и рисков, стоящих перед ним. Однако вовлеченность различных структурных подразделений и работников социальной организации в реализацию инновационных инициатив может быть различной. Так, можно выделить локальные инновации (изменения, которые происходят в отдельных направлениях деятельности социальных организаций); структурные инновации (структурно-организационные изменения в системе социального обслуживания населения) и системные инновации, которые затрагивают работу всей организации.

В соответствии с видами социальных услуг, перечисленных в Федеральном законе от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», можно выделить социально-педагогические инновации, инновации в социальном управлении, организационные инновации, социально-медицинские и др.

Таким образом, в нашей стране на современном этапе существует необходимость в формировании системы поддержки инноваций в социальной сфере на всех уровнях для оценки эффективности и результативности разрабатываемых нововведений. Государственные организации социальной сферы при планировании своей деятельности ориентируются на Стратегию социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. Однако им не хватает дополнительных ресурсов в виде консультационной поддержки при внедрении инноваций, информационной поддержки в виде, например, единого портала лучших инновационных практик решения острых актуальных задач именно в государственной сфере.

В качестве примера поддержки внедрения социальных инноваций малым и средним бизнесом в Санкт-Петербурге можно выделить поддержку социальных проектов Центром инноваций социальной сферы

(ЦИСС). Это инфраструктурное подразделение городского центра «Мой бизнес», которое реализует комплексный подход к сопровождению инновационных социально-предпринимательских проектов. ЦИСС помогает социальным проектам стать бизнесом, причем многие услуги предоставляются на безвозмездной основе.

На практике главной целью инновационной деятельности в системе социального обслуживания населения является не только решение социальных проблем, но и создание центров поддержки инновационной активности государственных социальных организаций.

Литература

1. *Платонова, Н. М.* Инновации в социальной работе : [учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Социальная работа»] / Н. М. Платонова, М. Ю. Платонов. — [3-е изд., стер.]. — Москва : Академия, 2016. — 247 с. — Текст : непосредственный.

Т. Н. Протасова,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат социологических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Низкая рождаемость, высокая внутрисемейная конфликтность и разводимость, рост числа сожительства и прочие негативные тенденции отражают изменение в современной России статуса института семьи, снижение ценности семейного образа жизни, престижа отцовства и материнства, неспособность семьи справляться с социальными функциями, возложенными на нее обществом [2].

Сложившаяся ситуация вызвана совокупностью различного рода причин: негативными общественно-идеологическими процессами, политическими и социально-экономическими кризисами в современном российском обществе; общеевропейскими тенденциями изменения семейно-брачных ценностей; урбанизацией; ростом эффективности производства; ростом демографической эффективности семьи и пр. [4].

В современной социологии сформировались две противоположные парадигмы, объясняющие суть семейных изменений в истории: консервативно-кризисная (А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. М. Медков и др.) и либерально-прогрессистская (С. И. Голод, Т. А. Гурко и др.). Противостояние этих парадигм, имеющих мировоззренческий смысл, обнаруживается в науке, а также в искусстве, общественном мнении, политике, социальной практике.

Представители консервативно-кризисной парадигмы оперируют терминами разрушения и гибели института семьи, говорят о глубокой его деградации в революционной форме, о невозможности возврата к нормальному функционированию. Кризис института семьи угрожает существованию человеческого рода. Следовательно, необходимо укреплять семейные основы бытия, нужна эффективная семейная политика [5, с. 91].

С целью стимулирования регистрации браков и их укрепления современные исследователи в рамках данной парадигмы предлагают следующие меры семейно-демографической политики: переход к прогрессивной шкале налогообложения, в основе которой не индивидуальный заработок, а доход в расчете на одного члена домохозяйства; обязательное заключение брачного договора (контракта); ужесточение бракоразводного законодательства; семьецентрическое использование терминологии (например, не «материнский капитал», а «семейный», не «зарегистрированный» брак, а «законный») и пр. [3, с. 284–296].

Представители либерально-прогрессивистской парадигмы утверждают, что семья — это один из самых устойчивых институтов. Под влиянием социокультурной модернизации происходят прогрессивная эволюция, трансформация традиционной семьи в современную, насильственной, патриархальной — в добровольную, эгалитарную, моногамную. Предлагается не пытаться повернуть историю вспять, а искать способы движения вперед в условиях разнообразия типов и моделей семей, низкой рождаемости и притока мигрантов [1].

Ряд современных исследователей занимают умеренную позицию и, признавая кризисное состояние российской семьи и закономерность трансформационных тенденций, отмечают недостаточное внимание со стороны государства к семейной политике и семье как основе социально-политических преобразований.

Меры семейной политики необходимо сосредоточить на нескольких основных направлениях:

- воздействие на нормативно-ценностную систему общества с целью повышения норм детности среди населения, формирования престижа многодетной семьи;

- поддержка семей на трудных стадиях жизненного цикла;

- создание условий для успешного сочетания семейных обязанностей и работы: расширение нестандартных форм занятости, создание на рабочих местах соответствующих возможностей через меры корпоративной политики;

- развитие льготного ипотечного кредитования для семей с детьми;

— реализация программ социальной поддержки семей, находящихся в трудной жизненной ситуации и пр.

Эффективная семейная политика может стать инструментом консолидации общества. Благополучная семья с детьми — это опора государства, основа политической, экономической и социальной стабильности страны.

Социальное значение государственной семейной политики заключается в ее способности гармонизировать как внутрисемейные отношения, так и взаимоотношения личности, семьи, государства и общества. Семейная политика должна стать одним из приоритетных направлений деятельности государства в современной России.

Литература

1. *Голод, С. И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи / С. И. Голод. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2008. — № 1 (285). — С. 40–49.
2. *Горшкова, В. В.* Семья в проблемном поле современного социума / В. В. Горшкова, Е. П. Тонконогая, А. А. Мельникова. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. — 302 с. — Текст : непосредственный.
3. *Семьецентризм: миф или реальность? : [коллективная монография] / А. И. Антонов, А. В. Жаворонков, А. Б. Синельников [и др.] ; главный редактор А. И. Антонов.* — Москва : МАКС Пресс, 2016. — 324 с. — Текст : электронный.
4. *Современная социология семьи: проблемы и их решения : [коллективная монография] / А. Ю. Нагорнова, Е. А. Данилова, А. А. Салихова [и др.]*. — Ульяновск : Зebra, 2020. — 101 с. — Текст : непосредственный.
5. *Социология семьи : [учебник] / под редакцией А. И. Антонова.* — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Москва : Инфра-М, 2005. — 640 с. — Текст : непосредственный.

Н. И. Распопова,

доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат психологических наук

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Общеизвестна проблема подросткового возраста. Именно этот возраст характеризуется высокой степенью девиантного поведения. Проблема усугубляется тем, что подростковый возраст является сенситивным периодом для объединения детей в группы.

В связи с этим при попытке изменить поведение подростка необходимо вступать в отношения не с одним ребенком, а с группой, что существенно усложняет возможность влияния на подростка со стороны взрослого. В пубертатный период у детей часто портятся отношения

с членами семьи. При этом у специалистов системы образования возникают сложности в организации сотрудничества с родителями подростка с девиантным поведением. Вместо того чтобы устанавливать реальные причины проблем, взрослые (педагоги и родители) начинают искать виноватых. Семья обвиняет сотрудников системы образования, те, в свою очередь, обвиняют семью — это провоцирует конфликты во взаимодействии и уводит от решения проблемы [1]. В то же время общество тратит существенные средства на борьбу с девиантным поведением детей: в системе образования выделяются ставки психологов и социальных педагогов, открываются центры психологической, педагогической и медицинской помощи, разрабатываются тренинги и другие психолого-педагогические технологии и т. п. [2; 3].

Несмотря на то что действующие способы работы с девиантным поведением подростков показывают свою неэффективность, общество не принимает никаких мер для улучшения ситуации. Очевидно, что нужно менять подход к решению проблемы.

Научно обоснован факт точки невозврата в развитии способностей ребенка. Иными словами, если пропущены чувствительные периоды (время наиболее благоприятных предпосылок для развития тех или иных способностей), то наступает момент, когда данную способность уже развить невозможно. Очевидно, к подростковому возрасту уже упущены чувствительные периоды развития направленности социально значимых свойств личности.

У каждого из нас есть привычки, от которых хотелось бы избавиться. Иногда мы даже прилагаем усилия, чтобы это сделать, но чаще откладываем все до понедельника, который никогда не наступает, или до завтра и каждый день радуемся, что сегодня не завтра. При этом взрослые считают, что по своему усмотрению могут менять свойства личности детей. Прочитали мораль, наказали за неправильное поведение — и ждут эффекта. Здравый смысл подсказывает, что личность ребенка нужно менять по-другому. Однако, несмотря на неуспех своей затеи, взрослые упорно пытаются решать проблему только одним способом и ищут виноватых, отказываясь принять факт несвоевременности усилий. Кроме того, ситуация усложняется гормональными всплесками в организме подростков, повышающими раздражительность детей и, следовательно, делающими их менее послушными.

Представляется, что начинать решать проблему нужно с поиска чувствительного периода для формирования свойств личности, ответственных за взаимодействие детей друг с другом и с членами общества в целом. Давно было обосновано, что первый чувствительный период социализации

начинается в три года. С трех до четырех лет формируются особенности взаимодействия ребенка с другими детьми. Как правило, в этом возрасте ребенок приходит в детский сад. К пяти годам формируется направленность личности, в том числе и на взаимодействие с членами общества. Таким образом, очевидно, что именно в детском саду необходимо создавать социальную ситуацию формирования направленности личности на эффективное взаимодействие ребенка с членами общества, а в дальнейшем, в том числе в пубертате, предоставлять ребенку информацию, способствующую развитию межличностных отношений, в соответствии с возрастом. В этом и заключается путь решения проблемы девиантного поведения подростков.

По статистике, большинство родителей любят своих детей, и своевременное содействие в организации общения младшего поколения со старшим помогло бы решить проблему межличностного взаимодействия. Специалисты системы образования должны помогать отцам и матерям адекватно выражать любовь к детям, работать в сотрудничестве с родителями — таково условие успешной социализации и развития ребенка.

Литература

1. Мир конфликта: субъект и реальность / В. В. Горшкова, Б. Б. Дондокова, С. С. Колесников [и др.] ; под редакцией В. В. Горшковой. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — 288 с. — Текст : непосредственный.
2. Обучение и воспитание детей и подростков: от теории к практике : [коллективная монография] / ответственный редактор А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск : Зebra, 2020. — 446 с. — Текст : непосредственный.
3. *Созинова, М. В.* Преодоление социальных последствий проблем межличностного общения школьников в условиях средней общеобразовательной школы / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Наука среди нас. — 2019. — № 6 (22). — С. 167–176.

А. Н. Святкина,

*аспирант кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета (Москва),
врач-офтальмолог медицинского центра «Альтермедика»*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

Специфика нарушений зрения у детей различна, однако в поведении их родителей отмечается немало сходного. Например, при «шопинг-поведении» родители занижают значимость дефекта зрения ребенка, выражают негодование, когда специалисты и окружающие «называют все своими именами». Часть отцов и матерей считают, что у них

не мог родиться «такой» ребенок, что дефект возник по вине кого-то постороннего и они не обязаны «расплачиваться за чужие ошибки» [3; 6].

Ребенок с нарушением зрения оказывается в трудной ситуации, когда родители занимают разные позиции по отношению к нему и его дефекту, упрекают друг друга в том, что у них в семье инвалид.

У таких семей также много сходных внутренних социально-психологических проблем: отчужденность семьи, проблемы занятости родителей в связи с необходимостью ухаживать за ребенком, социально-культурная интолерантность, эмоциональный дискомфорт членов семьи, дисгармоничность супружеских и родительско-детских отношений, социальные страхи, родительская некомпетентность в вопросах специальной психологии и специальной педагогики [3; 4].

Готовность матери и отца совладать со стрессом, вызванным сообщением врачей о патологии зрения у ребенка, повышать свою информированность об ограничениях и возможностях таких детей, принятие ребенка с дефектом, заинтересованность в его развитии, вера в достижение лучшего результата из возможных и активный поиск специалистов для тесного сотрудничества — все это признаки высокой психологической культуры родителей [1; 2].

Высокую психологическую культуру демонстрируют те родители детей с нарушением зрения, которые сумели создать все условия, необходимые для развития ребенка (гармоничные межличностные отношения, эффективная социальная защита семьи и ребенка в ней, эффективное социальное обслуживание), вследствие чего проблема свелась лишь к физическому дефекту. Однако этого уровня трудно достичь не только молодым, но и более опытным родителям, имеющим здорового первенца.

На необходимость обучения родителей одним из первых указал Альфред Адлер. Он также настаивал на важности параллельной работы с детьми и видел в такой деятельности с семьей единственный путь к ее устойчивому благоприятному развитию [5]. По сути, таким образом, он высказал идею о необходимости родительского просвещения.

Цель социально-психологического просвещения родителей, имеющих детей с нарушением зрения, достигается легче при условии поэтапного выполнения ряда задач [4]:

- 1) информирование таких семей о программах для родителей, воспитывающих детей с дефектами зрительных органов;
- 2) организация различных мероприятий для родителей и детей, направленных на обучение конструктивному взаимодействию;
- 3) получение обратной связи от родителей, участвовавших в мероприятиях, с целью конкретизации их потребностей и внесения корректив в проводимую работу;

4) организация родительских встреч для обсуждения схожих проблем и обмена опытом;

5) разработка буклетов и памяток для родителей о том, как улучшить эмоционально-психологический климат в семье и получать радость от общения друг с другом;

6) целенаправленное формирование устойчивой потребности родителей применять психологические знания в целях создания оптимальных условий для развития ребенка, а также в целях собственного развития.

Социально-психологическое просвещение родителей, имеющих детей с нарушением зрения, могут осуществлять психологи социальных служб, организуя для них встречи как в офлайн-, так и в онлайн-формате.

Литература

1. Долгова, В. И. Развитие культуры взаимоотношений родителей и детей с нарушением зрения / В. И. Долгова, И. П. Ордина, О. П. Голубовская. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2017. — № 3. — С. 131–137.

2. Лёвшин, Е. В. Гармонизация отношений в семье ребенка с нарушениями зрения / Е. В. Лёвшин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 4 (294). — С. 258–261.

3. Ольхина, Е. А. Особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с нарушениями зрения / Е. А. Ольхина. — Текст : непосредственный // Специальное образование. — 2006. — № 7. — С. 34–39.

4. Святкина, А. Н. Психологическая культура и социально-психологическое образование родителей, имеющих детей с нарушением зрения / А. Н. Святкина. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований : материалы Международной научно-практической конференции, 13–14 апреля 2022 г. — Москва : Моск. гос. обл. ун-т, 2022. — С. 879–884.

5. Сумарокова, И. Г. Оптимизация родительского отношения в процессе психолого-педагогической работы с семьей, воспитывающей ребенка с глубокими нарушениями зрения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / И. Г. Сумарокова. — Нижний Новгород, 2009. — 28 с. — Текст : непосредственный.

6. Шарипова, Л. Х. Отношение родителей на наличие нарушения зрения у детей / Л. Х. Шарипова, М. С. Орзиева. — Текст : непосредственный // Биология и интегративная медицина. — 2018. — № 5 (22). — С. 16–22.

О. П. Серегина,

специалист по социальной работе отделения профилактики безнадзорности несовершеннолетних Центра социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист» (Санкт-Петербург);

П. А. Овсянников,

психолог отделения профилактики безнадзорности несовершеннолетних Центра социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист» (Санкт-Петербург)

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БУЛЛИНГА

В настоящее время в науке и практике уделяется большое внимание проблеме буллинга (bullying), с которой, к сожалению, можно столкнуться практически в любой школе. Школьное насилие, в том числе в форме травли учащихся, — это серьезный вызов современной образовательной системе.

Наиболее негативно буллинг влияет на человека в подростковом возрасте. Именно в это время ребенок усваивает определенные модели поведения, например поведение «жертвы», которым следует всю жизнь. Агрессия также может закрепиться в качестве стиля поведения.

Таким образом, особую важность приобретает вопрос просвещения родителей и детей с целью профилактики буллинга. Помимо просветительской работы, значимы развитие навыков самопознания и самовыражения детей, а также укрепление семейных отношений [1].

Целью занятий по программе «Буллинг. Справимся вместе» является профилактика буллинга через просветительскую и тренинговую работу.

Среди клиентов, состоящих на социальном обслуживании в Центре социальной помощи семье и детям Пушкинского района «Аист» (Санкт-Петербург) был проведен опрос, в ходе которого выяснилось, что 90 % родителей знают, что такое буллинг, сами становились жертвами травли или были психологически травмированы ситуацией.

В ходе анкетирования детей было выявлено, что большая часть учеников также сталкивалась в классе с разными проявлениями травли, например злоупотреблением властью, обидными прозвищами (кличками), бойкотами, кибербуллингом и др.

Результаты опроса родителей показали, что большинство из них не знают, что делать и куда обращаться в случае травли ребенка, не понимают, как ее остановить. При этом опрос подростков свидетельствует о том, что им трудно позвать взрослых на помощь или рассказать им о травле.

На занятиях по профилактике буллинга специалисты подробно рассматривали теоретические аспекты проблемы, делая акцент на мифах

о буллинге. Так, родители часто воспринимают травлю ребенка как часть «нормального» пути взросления или своеобразный элемент воспитания.

В качестве практического материала работа подкреплялась инструкциями, кейсами, социальными видеороликами, интернет-тренажерами (такими как «Тренажер для смелых» и «И-Риски.рф»), а также карточками Step Forward, созданными на базе комитета «Детские деревени — SOS».

В тренинги включались игры, в которых подростки могли раскрыться, расслабиться, проверить свои возможности в коммуникации.

Особый эмоциональный отклик у ребят вызвало упражнение «Охота за сокровищами», направленное на самораскрытие, развитие навыков общения и толерантности к окружающим. Каждому из участников выдавалась табличка, в которой можно было записать имена участников, сходства и различия между собой и другими участниками. Ребята могли свободно передвигаться по комнате, самостоятельно выбирая собеседника; цель (найти сходства и различия) давала стимул для выстраивания контакта с другими участниками. Незрелость навыков самовыражения, искажение мотивов общения (в частности, стремление к самоутверждению, выплеску негативных эмоций без четкого осознания последствий этого) являются одними из причин возникновения травли.

Важным моментом тренинга было обучение навыкам релаксации. Подростков полезно учить техникам расслабления в стрессовых ситуациях. Эмоциональный стресс выступает фактором уязвимости личности, особенно для ребенка: дети склонны к крайностям в поведении, например яркой агрессии, сильной плаксивости или чрезмерной зажатости. В психоэмоциональном напряжении крайне трудно конструктивно противостоять деструктивному поведению окружающих, особенно в процессе систематической травли.

Поскольку проблема буллинга носит системный характер, ее предупреждение требует комплексного подхода — объединения усилий специалистов, педагогов и родителей для создания безопасной, конструктивной среды взаимодействия подростков в школе.

Литература

1. Обучение и воспитание детей и подростков: от теории к практике : [коллективная монография] / ответственный редактор А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск : Зебра, 2020. — 446 с. — Текст : непосредственный.

2. Созинова, М. В. Преодоление социальных последствий проблем межличностного общения школьников в условиях средней общеобразовательной школы / М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Наука среди нас. — 2019. — № 6 (22). — С. 167–176.

Е. Б. Скачкова,

*директор Центра социальной помощи семье и детям Московского района
(Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук;*

Т. Н. Щербакова,

*заместитель директора по социально-реабилитационной работе
Центра социальной помощи семье и детям Московского района (Санкт-Петербург)*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ТИПИЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОДРОСТКОВОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Наиболее существенной проблемой, с которой сейчас сталкивается российское и мировое сообщество, выступают стремительные изменения, происходящие в мире [1].

Не только технологические прорывы, но и глобальные трансформации в мировосприятии, социальной психологии, культуре приводят к острой необходимости реформирования многих сфер — образования [2], здравоохранения, социальных служб, государственных учреждений, бизнеса и др.

Социокультурный портрет типичного представителя подростковой субкультуры существенно трансформировался. Поколение XXI века несет новые ценности — вариативность, мультикомпетентность, тренд на парадигму отношений в формате «человек–человек» (Human2Human), значимость эмоционального интеллекта, любознательность, открытость миру, приоритет на вовлеченность в любой процесс (в образование, работу и т. д.), нежелание преодолевать себя ради соблюдения принятых правил и норм поведения, слабая подготовленность к бытовой жизни, реализации себя в реальном мире, переход в виртуальность и т. д.

Особую актуальность изменение социокультурного портрета современного подростка приобретает в контексте трансформации информационного общества [3].

Типичные представители подростковой субкультуры в настоящее время все чаще выбирают в качестве основного источника информации и канала общения цифровые медиаресурсы, которые значительно опережают не только личную коммуникацию, но и просмотр телевидения или чтение. Сейчас для подростков основным каналом коммуникации служат социальные сети — молодые люди получают знания и опыт главным образом с их помощью. Научным сообществом еще не в полной мере осмыслены такие изменения и их ожидаемые социальные эффекты.

Учитывая, что современные медиаресурсы формируют коммуникационную среду подростка, стоит отметить, что теперь медиасреда об-

ладает качественными и количественными характеристиками социальной системы. Это значит, что мы имеем возможность наблюдать процесс появления отдельного типа новой цифровой медиакультуры, в котором по-разному реализуются такие базовые потребности человека, как социализация и самоактуализация. Таким образом, перед исследователями встает вопрос соотношения цифровой медиакультуры с традиционной, доминирующей культурой.

Социальные сети являются важной, если не преобладающей средой социализации современного подростка, который все чаще воспринимает объективную реальность только через призму медиaprостранства. Информационное пространство социальных сетей не только воспроизводит социальный мир, но и создает и поддерживает новый тип субъективной реальности — медиареальность, или виртуальную реальность, которая становится компонентом цифровой медиакультуры.

Такая трансформация социальности приводит к ситуации, когда для представителей подростковой субкультуры принадлежность к группе становится одной из наиболее важных выявленных потребностей.

Типичные подростки склонны в социальных сетях делиться информацией, которая формирует их положительный образ для других пользователей. В медиaprостранстве именно так происходит формирование самоидентичности, самооценки, самовосприятия и социализации в целом, которые теперь тесно связаны с самопрезентацией, формированием социального статуса и цифровой репутации. Фактически речь идет о полномасштабной медиатизации типичного представителя подростковой субкультуры.

Литература

1. Горшкова, В. В. Современное российское общество как пространство конфликта / В. В. Горшкова, А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Конфликтология. — 2018. — Т. 13, № 2. — С. 81–93.
2. Мельникова, А. А. Ценностный ресурс культуры как основа новой образовательной парадигмы / А. А. Мельникова, М. В. Созинова. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. — 2022. — № 3. — С. 78–81.
3. Обучение и воспитание детей и подростков: от теории к практике : [коллективная монография] / ответственный редактор А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск : Зебра, 2020. — 446 с. — Текст : непосредственный.

А. А. Сукало,

*профессор кафедры социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского государственного института культуры,
доктор педагогических наук;*

Т. В. Грабовецкая,

*инструктор по труду Социально-реабилитационного центра
для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург)*

КУКЛОТЕРАПИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВОСПИТАННИКОВ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

В современном мире продолжает существовать проблема социальной адаптации детей и подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию. Большинство из них потеряли семейные и родственные связи: их бросили родители или они самовольно ушли из семей, не обеспечивавших детям минимально необходимых условий для жизнедеятельности и полноценного развития, допускавших безразличие и жестокое обращение с ними.

Одним из направлений, способствующих социальной адаптации воспитанников социально-реабилитационного центра, выступает куклотерапия как технология психокоррекционной работы.

Выделяется ряд сложностей при работе с детьми и подростками, находящимися в социально-реабилитационном центре. Среди сложностей можно назвать адаптацию к условиям пребывания в центре, объективный процесс вхождения ребенка в социальную среду учреждения, привыкание к педагогам и другим специалистам. Дети поступают в учреждение с определенной манерой поведения, приобретенной в семье, где родители являются их первыми и постоянными наставниками. «Ребенок учится тому, что видит во дому», гласит народная мудрость. Первыми трудностями, с которыми приходится сталкиваться педагогу на занятиях куклотерапией, становятся недоверие, зажатость, страхи ребенка. Куклотерапия обладает уникальным ресурсом для выстраивания доверительных, опосредованных персонажем взаимодействий, позволяет преодолеть коммуникативные и психологические барьеры, пробуждает положительные эмоции, инициирует творческую деятельность детей благодаря театрализации занятий.

Таким образом, куклотерапия позволяет успешно решить задачи адаптации ребенка к условиям пребывания в социально-реабилитационном центре.

Е. П. Тонконогая,*профессор кафедры социальной психологии СПбГУП,
доктор педагогических наук;***В. А. Азовский,***аспирант кафедры философии и культурологии СПбГУП*

ВОЛОНТЕРСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Волонтерство как культурный феномен имеет глубокие корни в русской истории и восходит еще к домонгольскому периоду. В России тех, кто безвозмездно занимался общественно полезной деятельностью, долгое время называли добровольцами, а термин «волонтер» закрепился в русском языке лишь к концу XIX века. Этот термин имеет культурологическую и законодательную определенность. Согласно текущей редакции Федерального закона № 135-ФЗ волонтеры — это «физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в пункте 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, или в иных общественно полезных целях» [2].

Добровольчество было широко распространено на Руси. По указу князя Владимира малоимущие жители могли получить от князей и более состоятельных сограждан еду и деньги. В это же время появляются первые больницы и сиротские приюты, где трудились безвозмездно. А при Ярославе Мудром открываются училища для сирот, работающие за счет пожертвований. В XIII–XV веках на Руси появляются первые закрытые благотворительные заведения (богадельни, приюты). Практически до конца XX века в России были широко распространены различные виды взаимопомощи. Крестьяне помогали друг другу строить дома, распахать поля, безвозмездно заготавливать дрова для церквей и больниц.

По указу Ивана IV создавались богадельни для прокаженных и пожилых. При Петре I открывались госпитали и учебные заведения для бродяг и незаконнорожденных детей. Период русской истории, начинающийся с правления Петра I, характеризуется резким подъемом филантропии и развитием волонтерских движений. При Екатерине II открываются воспитательные дома, в которых приют получают незаконнорожденные дети, подкидыши, сироты. При этом достаточно часто работа в таких домах была добровольной (как мы бы сейчас сказали, волонтерской) [1].

Благотворительность (добровольная помощь) развивалась в России и в XIX веке — возникло большое количество организаций такого типа.

Новый толчок развитию волонтерства дала Земская реформа Александра II. Так, в деревнях и селах на деньги благотворителей строились больницы, стали открываться начальные и воскресные школы для крестьян. Учителя и врачи в таких учреждениях часто также работали бесплатно. При этом с 1860-х годов стали «ходить в народ» студенты, которые свою заботу о крестьянах воплощали в добровольном труде как раз в открытых на селе школах и больницах.

В это же время появляются и сестры милосердия. В больницы поступали женщины с хорошей медицинской подготовкой. Надо отметить, что в добровольчество в сфере медицины включалась и российская аристократия — так, в Российском обществе Красного Креста, возникшем при Александре II, состояли не только дворяне, но и члены императорской семьи. Во время войны представители этого общества помогали раненым на фронте, а в мирный период поддерживали инвалидов, семьи погибших, помогали пострадавшим от стихийных бедствий, голода и эпидемий [1].

К сожалению, значительная часть возникших до революции благотворительных традиций была прервана с установлением советской власти, однако общество Красного Креста сохранилось, хотя и несколько раз реорганизовывалось. Тем не менее «продолжали культивироваться ростки безвозмездной помощи в виде как коллективных, так и личных инициатив (хорошим примером такого рода являются очень распространенные кассы взаимопомощи на предприятиях и вообще в различного вида организациях), а также безвозмездный труд, практиковавшийся в виде субботников, причем не только на предприятиях, но и жильцы дома могли его устроить для благоустройства двора» [4].

Добровольчество развивалось в СССР также среди школьников (тимуровское движение) и студентов (добровольческие отряды, работавшие на стройках и в социальных учреждениях).

В 1990–2000-х годах в России возникло множество некоммерческих, общественных, благотворительных организаций как проявлений добровольческого движения.

В настоящий момент волонтерство приобретает новые грани и аспекты. Его можно определить как метод выстраивания социальных отношений, получения новых навыков, способствующий стабильности и сплоченности общества [3]. Учитывая социально-экономические, культурологические и информационные трансформации, происходящие в современном российском обществе, можно заключить, что феномен волонтерства требует нового изучения и переосмысления.

Литература

1. *Левдер, И.* Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания / И. Левдер. — Текст : непосредственный // Социальная работа. — 2006. — № 2. — С. 12–16.
2. Российская Федерация. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037027> (дата обращения: 24.03.2023).
3. *Прялухина, А. В.* Условия формирования ценностных ориентаций современной молодежи в процессе волонтерской деятельности / А. В. Прялухина, А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Современные технологии культурно-досуговой деятельности / ответственный редактор А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск : Зebra, 2020. — С. 17–28.
4. *Созинова, М. В.* Русские традиции творить благо: особенности культурного трансфера / М. В. Созинова, О. Г. Липницкая, А. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Культура и цивилизация. — 2022. — Т. 12, № 5А. — С. 465–473.

О. М. Федорова,

инструктор по физической культуре Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург)

КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩАЯ РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ВОСПИТАННИКАМИ ПО МЕТОДУ СЕНСОМОТОРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Здоровые дети — это основа благополучия нации. Проблема полноценного развития ребенка остается актуальной для родителей и общества в целом. Одним из важнейших средств воспитания здорового ребенка с самого раннего возраста, несомненно, выступает физическая культура.

Правильная организация занятий физической культурой способствует гармоничному развитию жизненно необходимых качеств и умений:

1) умений и навыков, необходимых для успешной социализации: знать и чувствовать свое тело, воспринимать и понимать собственные эмоции, уметь общаться с другими людьми, пользоваться предметами, которые необходимы для обеспечения жизнедеятельности;

2) физических качеств: ловкости, гибкости, быстроты, силы, выносливости, а также выработке гигиенических навыков.

Формирование познавательной и двигательной активности в сенсорно-динамическом комплексе «Дом Совы» Центра для несовершеннолетних «Прометей» (Санкт-Петербург) способствует качественной организации сенсорной интеграции и обеспечивает высокие показатели физического развития воспитанников. Зал оборудован мультипараметрическим тренажером с возможностью многоуровневой, вариативной

расстановки снарядов. Данная возможность позволяет изменять сенсорную среду развивающего пространства.

Занятия по сенсорной интеграции не просто способствуют успешной адаптации ребенка к окружающему миру, но и стимулируют развитие его двигательной и познавательной активности, а также содействуют успешной социализации.

Применение терапевтического метода сенсорной интеграции создаст условия для нормальной работы центральной нервной системы, развития эмоций, психических процессов. Кроме того, формируется сенсорный опыт, навыки ориентации в пространстве, укрепляется вестибулярный аппарат, осуществляется нейропсихологическая коррекция. Ребенок учится решать двигательные и когнитивные задачи, устанавливать причинно-следственные связи, вести поисковую и исследовательскую деятельность.

Сенсорно-динамический комплекс «Дом Совы» помогает улучшить состояние ребенка при следующих проблемах: нарушения двигательной активности, несформированность навыков общения, ДЦП легкой формы, гиперактивность, аутистическое расстройство, тревожность, агрессия. При этом повышается интерес к физической культуре и спорту за счет введения интересных форм работы в ходе занятий. Данный комплекс также можно использовать в организации спортивных досугов, квестов, праздников и развлечений.

Таким образом, использование сенсорно-динамического комплекса «Дом Совы» в ходе занятий по физической культуре позволяет решать множество коррекционно-развивающих задач в условиях социально-реабилитационного центра.

Литература

- Мамина, Т. Метод «Совопрактика». Сенсомоторная интеграция / Т. Мамина, Е. Юдина. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 156 с. — Текст : непосредственный.
- Нарушения сенсорной обработки у детей / Ю. Е. Садовская, Б. М. Блохин, Н. Б. Троицкая [и др.]. — Текст : электронный // Лечебное дело. — 2010. — № 4. — С. 24–28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narusheniya-sensornoy-obrabotki-u-detej> (дата обращения: 21.05.2021).

Н. А. Цветкова,

*главный научный сотрудник Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России (Москва),
доктор психологических наук, доцент*

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДОЧЕРИ С МАТЕРЬЮ (Онлайн-курс «Я и моя мать»)

Опыт работы по улучшению взаимоотношений дочери и матери начал складываться в 2009 году в рамках проекта «Технология социально-психологической работы с воспитанницами интернатных учреждений „Коррекция и развитие материнской сферы“», разработанного и реализованного Псковским областным отделением Общероссийского общественного благотворительного фонда «Российский детский фонд» при финансовой помощи «Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации». По итогам первого проекта было подготовлено и издано пособие [2]. Этот опыт оказался удачным — он воспроизводился несколько раз, и его мультипликация продолжается. В 2022 году он получил реализацию в форме онлайн-курса «Я и моя мать», предназначенного для взрослых дочерей, чьи отношения с матерями до сих пор оставляют желать лучшего.

Появление курса обусловили следующие причины.

1. Женщина становится матерью при участии мужчины (хотя бы как донора спермы), поэтому первичными следует считать отношения мужчины и женщины, однако российские матери и вслед за ними их дочери в большинстве своем так не считают.

2. Воспитание российской девочки — это воспитание будущей матери, а не спутницы мужчины или Прекрасной Дамы. Акцент на ведущей роли матери в российской культуре становится причиной неадекватного самовыражения женщин в материнстве и таких взаимоотношений дочерей с матерями, которые лишают дочерей «женского счастья».

3. Многих российских девочек воспитывают матери, тип материнства которых в той или иной степени был «катастрофическим». Поэтому в детстве дочери лишаются возможности удовлетворить базальные потребности, что впоследствии приводит к трудностям в отношениях с собственными детьми.

Онлайн-курс нацелен на то, чтобы женщина проанализировала свое поведение в роли дочери и перестроила его в отношениях с матерью с пользой для обеих. Отдаленная цель — профилактика катастрофи-

ческого материнства посредством коррекции и развития материнской сферы.

Материнская сфера представляет собой относительно устойчивое образование у каждой женщины. Она включает в себя биологическое стремление к материнству, опосредованное влиянием социокультурной среды, усвоенными социальными нормами и образцами. Материнская сфера выступает составной частью готовности к материнству. Такая готовность включает пять компонентов:

- 1) личностная готовность;
- 2) мотивационная готовность;
- 3) сформированная адекватная модель материнства;
- 4) материнская компетентность;
- 5) сформированная материнская сфера.

Каждый из этих компонентов готовности к материнству имеет свое содержание [1].

Идею онлайн-курса можно сформулировать так: чтобы стать хорошей матерью, несмотря на то, что женщина не имела счастливого детства, нужно научиться быть лучшей матерью себе самой. Программа курса включает 12 вебинаров.

1. Мать.
2. Материнство и его диапазон.
3. Материнская сфера: как она устроена.
4. Материнская сфера: как она развивается.
5. Девочка/дочь.
6. Мать и дочь — I этап развития материнской сферы (0–3 года).
7. Игры с куклами «в дочки-матери» — II этап развития материнской сферы (3–5 лет).
8. «Нянчанье» — III этап развития материнской сферы (6–10 лет).
9. Женщина \neq мать — IV этап развития материнской сферы (11–18 лет).
10. Реализация собственного детского опыта в реальном взаимодействии с дочерью (беременность, роды, послеродовой период, младенческий возраст дочери) — V этап развития материнской сферы (с 18 лет).
11. Завершающий (VI) этап развития материнской сферы (эмоциональная привязанность к дочери; принятие дочери; интерес к ее развитию; устойчивая детско-родительская связь).
12. Готовность передавать эстафету жизни: завершение онлайн-курса [2].

Продолжительность каждой встречи — 1 час. Формы и методы работы в рамках онлайн-курса включают лекции-презентации (не более

15 минут в течение одной встречи), практическую работу (не менее 20 минут в течение вебинара), домашние задания, групповой чат.

Участницы онлайн-курса «Я и моя мать» учатся лучше понимать и принимать себя в роли дочери, принимать мать «как есть», сепарировать свои чувства от матери, быть лучшей матерью себе самой. Женщины понимают, как стать достаточно хорошей матерью для собственных детей и передать им эстафету жизни.

Литература

1. Гридяева, Л. Н. Формирование материнской сферы в онтогенезе / Л. Н. Гридяева, Л. Ю. Крикуненко. — Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2016. — № 2 (271). — С. 93–96.

2. Цветкова, Н. А. Коррекция и развитие материнской сферы: Технология социально-психологической работы с воспитанницами школ-интернатов : [научно-методическое пособие] / Н. А. Цветкова. — Псков : ПГПУ, 2010. — 378 с. — Текст : непосредственный.

М. А. Шаталина,

*доцент кафедры общей и консультативной психологии
Санкт-Петербургского государственного института психологии
и социальной работы, кандидат психологических наук*

ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕВРОТИЗАЦИИ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АГРЕССИВНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Высокая степень неопределенности, свойственная современному периоду развития общества, значительно снижает эффективность адапционных и защитных механизмов, причем прежде всего у представителей подрастающего поколения. Личностная незрелость, несформированность системы ценностных ориентаций повышают психологическую уязвимость подростков и юношей, обуславливая среди прочего рост невротизации и усиление проявлений агрессивного поведения в ответ на увеличившуюся стрессогенность условий жизнедеятельности.

Среди исследователей, чьи работы посвящены изучению невротизации, можно назвать таких ученых, как В. Н. Мясищев, Б. Д. Карвасарский, Е. Т. Соколова, К. Хорни и др. Так, В. Н. Мясищев определял невроз как психогенное нервно-психическое расстройство, которое возникает в результате нарушения особо значимых жизненных отношений человека [3]. Невротизация зависит скорее от особенностей отношения личности к событиям и трудностям, а также от способов их психологической переработки [4]. Среди исследователей агрессивности можно

отметить представителей психоаналитического направления (К. Юнг, З. Фрейд и др.), бихевиоральной психологии (А. Басс, Д. Доллард, А. Бандура и др.), а также отечественных ученых, руководствующихся методологическими принципами деятельностного подхода (С. Н. Ениколопов, А. А. Реан, И. А. Невский и др.), в рамках которого особое внимание уделяется пониманию личностного смысла и места агрессии в общей структуре деятельности [2]. В. М. Бехтерев определял агрессию как форму генерализованного ответа на резкие изменения окружающей среды, способ выхода из неблагоприятной или непонятной ситуации [1].

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей взаимосвязи невротизации и агрессивности в подростковом и юношеском возрасте. Исследование проводилось в марте 2022 года. В нем приняли участие 64 человека (32 испытуемых 14–16 лет и 32 — 20–24 лет). Были использованы следующие диагностические методики: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич); опросник определения уровня невротизации и психопатизации (И. Б. Ласко, Б. И. Тонконогий); опросник агрессивности А. Басса и А. Дарки. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с использованием коэффициента ранговой корреляции r Спирмена и U -критерия Манна–Уитни. Сбор диагностических данных проводился в рамках выпускной квалификационной работы И. В. Юровой индивидуально в дистанционном формате с помощью сервиса «Гугл Формы».

Анализ результатов показал, что взаимосвязь между невротизацией и агрессивностью имеет возрастные особенности. Так, для выборки испытуемых подросткового возраста данная взаимосвязь проявляется следующим образом: чем выше уровень невротизации личности, тем больше подростки склонны к переживанию обиды ($r_s = -0,611, p \leq 0,01$) и враждебности ($r_s = -0,431, p \leq 0,05$). В частности, с усилением переживания обиды и враждебности связано повышение показателей невротической депрессии ($r_s = -0,572, p \leq 0,01$ и $r_s = -0,524, p \leq 0,01$ соответственно), уровня астении ($r_s = -0,506, p \leq 0,01$ и $r_s = -0,465, p \leq 0,05$ соответственно), уровня истерического типа реагирования ($r_s = -0,562, p \leq 0,01$ и $r_s = -0,554, p \leq 0,01$ соответственно).

Взаимозависимость невротизации и агрессивности в юношеском возрасте раскрывается через связь склонности к проявлению физической агрессии и таких невротических состояний, как астения ($r_s = -0,502, p \leq 0,01$), истерический тип реагирования ($r_s = -0,394, p \leq 0,05$), об-

сессивно-фобические нарушения ($rs = -0,562, p \leq 0,01$). Таким образом, чем ярче у юношей выражены повышенная утомляемость, эмоциональная неустойчивость, снижение самоконтроля, навязчивые идеи, страхи, склонность к драматизации, тем вероятнее реализация физической агрессии. Также в выборке испытуемых юношеского возраста была выявлена взаимосвязь между обсессивно-фобическими нарушениями и индексом агрессии ($rs = -0,399, p \leq 0,05$): чем больше для человека характерны навязчивые идеи и страхи, тем вероятнее проявления раздражения, вербальной и физической агрессии (три шкалы, образующие индекс агрессии).

Если говорить о значимых различиях показателей невротизации и агрессивности между испытуемыми подросткового и юношеского возраста, то к проявлению физической и вербальной агрессии в большей степени склонны подростки ($U = 770,0, p \leq 0,001$ и $U = 715,0, p \leq 0,05$ соответственно), а к проявлению косвенной агрессии — юноши ($U = 673,0, p \leq 0,001$). Подростки больше подвержены психопатизации ($U = 0,007, p \leq 0,01$), а также более склонны к обсессивно-фобическим нарушениям, разного рода навязчивым состояниям ($U = 0,035$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, существуют значимые различия между представителями подросткового и юношеского возрастов по показателям невротизации, психопатизации и проявлениям агрессивности. Результаты данного исследования могут быть использованы для организации психологического сопровождения подростков и юношей при проживании кризисного периода развития общества с учетом возрастных особенностей этих групп.

Литература

1. Залужный, А. С. Детский коллектив и методы его изучения / А. С. Залужный. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1931. — 145 с. — Текст : непосредственный.
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — Москва : Политиздат, 1975. — 304 с. — Текст : непосредственный.
3. Мясищев, В. Н. Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. — Москва : Изд-во RUGRAM, 2013. — 426 с. — Текст : непосредственный.
4. Мясищев, В. Н. Психология отношений : избранные психологические труды / В. Н. Мясищев. — Москва : Ин-т практической психологии ; Воронеж : Изд-во Воронежской обл. тип. Комитета по печати и массовой информации Администрации Воронежской области, 1995. — 356 с. — Текст : непосредственный.

В. А. Яковлев,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук;

А. В. Марчик,

*психолог частного учреждения социального обслуживания
«Детская деревня — SOS Пушкин» (Санкт-Петербург)*

СОТВОРЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

В докладе обобщается многолетний опыт психологической работы с детьми и подростками, оставшимися без попечения родителей, в частном учреждении социального обслуживания «Детская деревня — SOS Пушкин». «Совместная творческая деятельность и адекватная оценка целей, стремлений и результатов, достигаемых воспитанниками в конструировании собственного игрового и коммуникативного пространства, способствует формированию конструктивного опыта самореализации, чем достигается терапевтический эффект» [2].

Можно выделить следующие причины деструктивных социальных установок детей: деструктивный опыт родительских семей, чувство «брошенности–отверженности», желание обладать всем, что понравилось (несформированность личностных границ в сенситивный период). По Э. Эриксону, несформированность базисного доверия и личностных границ в первые годы жизни (понятий «свое–чужое», «можно–нельзя», «хорошо–плохо») прослеживается на фоне таких форм социальных отношений взрослых, как вседозволенность либо тотальные запреты без права выбора. В зависимости от особенностей психической организации детей данные условия воспитания приводят к различным проявлениям гедонизма («Делаю, что хочу, и не принимаю всерьез требования окружающих»), протестного поведения и избегания («Делаю наоборот», «Не пойман — не вор», «Это не я»). В дальнейшем подкрепляющее влияние на поведение детей оказывают однозначные повторяющиеся оценочные суждения взрослых (учителей, опекунов и др.): «Ты вор», «Ты ничего не понимаешь», «Ты виноват», «Это из-за тебя» и т. п. Дети быстро идентифицируют себя с содержащимися в них образами и ведут себя соответствующе.

Представленные социальные условия развития ребенка приводят к компенсации заниженной самооценки и неприятия себя деструктивными формами поведения, связанными с иллюзиями вседозволенности и безнаказанности. Страх наказания заставляет отказываться от ответственности за свои поступки, причем нередко в агрессивной форме.

При этом у детей повышается общее нервно-мышечное напряжение и потребность в двигательной (эмоциональной) разрядке, формы которой привлекают внимание сверстников и становятся средством самовыражения, что часто воспринимается взрослыми как признак неадекватности.

Идея сотворчества направлена на последовательное удовлетворение базисных потребностей детей в ситуациях взаимодействия [2] посредством позитивной оценки идей и успехов детей; совместного конструирования и обсуждения правил поведения в создаваемой игре или при использовании предмета творческой деятельности; овладения элементарными навыками самоорганизации пространства деятельности. Оценивая личную и социальную значимость продуктов своего труда, дети и подростки учатся планировать и прогнозировать свою деятельность. Например, они могут:

- сделать игрушку, чтобы играть и получать удовольствие от чувства собственной значимости как мастера-изготовителя;
- сделать настольную игру и ориентироваться на совместную деятельность со сверстниками и взрослыми;
- создать квест для самостоятельного проведения и получения социально значимого результата;
- строить свое поведение на ожидании позитивной оценки значимого окружения.

Большое значение в сотворчестве имеет позиция взрослого (психолога, воспитателя, социального педагога и других специалистов). Она важна как при подготовке творческих проектов, так и при их последующем использовании в значимых для воспитанников формах деятельности (индивидуальная и групповая социально-психологическая работа, игровые фестивали, квесты, спектакли и др.) [2].

Литература

1. *Лэндрет, Г. Л.* Игровая терапия: искусство отношений : перевод с английского / Г. Л. Лэндрет ; предисловие А. Я. Варга. — Москва : Междунар. пед. акад., 1994. — 368 с. — Текст : непосредственный.
2. *Эйдемиллер, Э. Г.* Метафора жизненного пути в психотерапии детей с эмоциональными и поведенческими расстройствами : [учебное пособие] / Э. Г. Эйдемиллер, В. А. Яковлев. — Санкт-Петербург : СпецЛит, 2016. — 68 с. — Текст : непосредственный.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адмакина Т. А. 52, 123, 125
Азовский В. А. 229
Акимова О. В. 156
Алексеева Е. И. 158
Алешкевич А. В. 141
Алмазова В. А. 160
Андреева И. Г. 54
Андриенко Е. В. 38
Барбашина Э. В. 48
Бебякин Д. В. 162
Безнос Д. С. 56
Безух С. М. 164
Белава О. А. 58
Бердникова Э. Н. 167
Бережная Е. А. 60, 62
Блохина М. А. 64
Блюм В. В. 67
Бриль М. С. 69
Буйлова И. Е. 160
Вакулчык А. Ю. 72
Векшина А. Ю. 74
Воробьева В. Н. 168
Воровко О. В. 97
Ворона Ю. О. 186
Гаврилова Н. Е. 170
Ганатовская Н. С. 76
Грабовецкая Т. В. 228
Гуриева С. Д. 27
Данилова А. Е. 203
Джанашиа А. З. 201
Дмитриева П. Н. 78
Дутова О. В. 173
Ефимова Т. В. 175
Завроцкий Р. Д. 196
Зарубина С. Е. 177
Захаров Н. Л. 29
Зинченко И. М. 179
Зябкина С. М. 181
Игошина И. А. 212
Ильинская Е. А. 46
Истомина Л. А. 183
Калашникова В. Д. 185
Капустина В. А. 80
Карнышев А. Д. 33
Карнышева О. А. 33
Карпиевич В. А. 148
Касперович В. В. 83
Кербис И. Ю. 186
Киселева Л. С. 40
Кожухарь Г. С. 85
Колхонен А. Ю. 87
Кольцова У. В. 89
Кондуров М. В. 190
Короткина Е. Д. 91
Короткина Т. И. 89
Костюк Е. Б. 94
Куц В. А. 23
Лаврова Д. М. 188
Лапидус М. В. 190
Лебедева С. С. 192
Липницкая О. Г. 194, 196
Логина М. П. 60
Ляшенко Т. О. 186
Маметьева Л. И. 198
Марищук Л. В. 50, 97, 201
Маркеев С. П. 173
Маркина К. Н. 100
Марков А. П. 36
Марчик А. В. 238
Матюшина М. А. 80
Мельникова А. А. 23, 111, 113, 150
Миргород Н. В. 102
Мироненко И. А. 87
Митрухина С. В. 203
Морозов В. Б. 205
Морозова Н. Б. 104
Мунгалов В. Н. 64, 74, 106
Недошивина М. А. 31
Никифорова А. В. 108
Никишин В. В. 46
Никонова С. Б. 208
Новикова А. О. 111
Нуттунен И. А. 113
Овсянников П. А. 224
Овчаренко М. В. 210
Пасешникова Л. А. 17
Пастьева А. П. 212
Пелепчук Л. О. 115
Перевезенцева Д. А. 118
Перфильева М. Б. 29
Петрова К. 120
Петровская Ю. А. 212
Пешкова В. П. 214
Платонова Ю. Ю. 215
Почебут Л. Г. 31
Прокофьева О. А. 122
Протасова Т. Н. 217
Пузырева А. Д. 123
Расопова Н. И. 219
Романов Т. В. 62
Сазонова Е. А. 125
Сарсенбаева Л. О. 127
Святкина А. Н. 221
Серегина О. П. 224
Скачков С. Б. 208
Скачкова Е. Б. 226
Смолина Т. Л. 130
Созинова М. В. 20
Соловьева А. В. 131
Сукало А. А. 228
Титова Д. А. 134
Тонконогая Е. П. 22, 229
Тугов Д. Б. 25
Файзулина Ф. Р. 136
Федорова О. М. 231
Федосина С. С. 138
Филиппов И. Ю. 102
Фрольцова К. И. 85
Цветкова Н. А. 233
Цюхай Е. И. 141
Чавдарова В. 120
Черноусова Т. В. 143
Черняева Т. В. 145
Чикер В. А. 31
Шабалина Т. В. 50
Шаталина М. А. 235
Шейнов В. П. 44, 148
Шилова Д. А. 150
Шужебаева А. И. 152
Шуктомова В. А. 175
Шультайс Д. В. 177
Щербакова О. И. 42
Щербакова Т. Н. 226
Яковлев В. А. 188, 238
Якунин А. П. 154

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

XVIII Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция
с международным участием
14 апреля 2023 года

Ответственный редактор *А. В. Белевич*

Редакторы: *Е. А. Бессонова, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Дизайнер *А. В. Костюкевич*

Технический редактор *Л. В. Климкович*

Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.23

Формат 60×90/16 Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 15,125. Тираж 220 экз. Заказ № 33

Санкт-Петербургский

Гуманитарный университет профсоюзов

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

ISBN 978-5-7621-1237-6

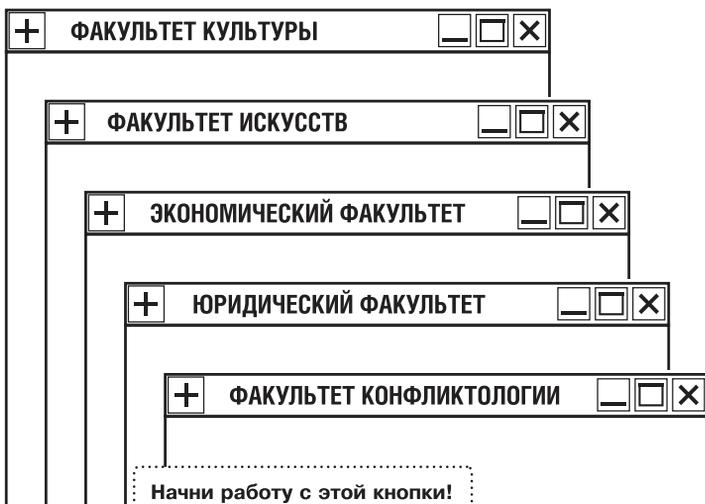
9 785762 112376

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

www.gup.ru

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы